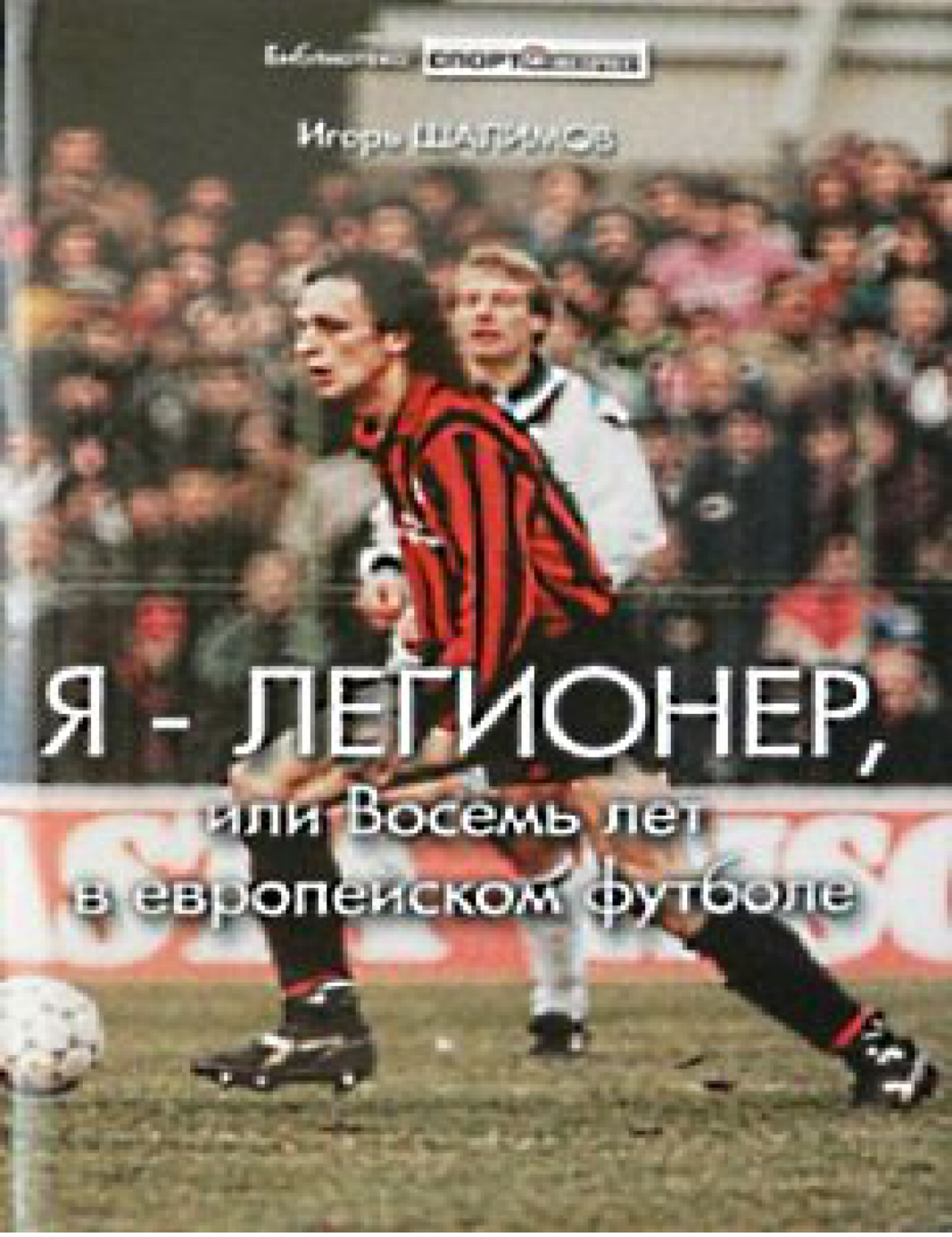
Библиотека спортивной прессы

Игорь Шалимов



Я - ЛЕГИОНЕР,

или Восемь лет в европейском футболе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые в нашей стране вышла книга, очень точно описывающая мир профессионального футбола. Издание особенно ценно тем, что автор — действующий российский футболист, восемь лет игравший в футбольных лигах Италии, Германии и Швейцарии.

Книга будет интересна не только любителям футбола, но и специалистам, так как содержит много информации о важных составляющих европейского футбольного бизнеса.

-
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ
- ДОРОГА НА АПЕННИНЫ
- ДОРОГА НА АПЕННИНЫ
- НАЧАЛО
- УЖИН С ПРЕЗИДЕНТОМ
- ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СУПЕРКЛУБ
- ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА
- ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ
- СЕРЕБРЯНЫЙ ТРОФЕЙ — КАК ЛОЖКА МЕДА
- ПЕЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ БУНДЕСЛИГИ
- ПО ТУ СТОРОНУ ОЗЕР
- В ПРОХЛАДНОМ И ТИХОМ УДИНЕ
- О ПОЛЬЗЕ ХОРОШИХ СОВЕТОВ
- ДВА ИГОРЯ СНОВА ВМЕСТЕ
- ПРОЩАНИЕ С СЕРИЕЙ А
-

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу я посвящаю памяти Игоря Александровича Нетто — замечательного футболиста, тренера и человека, открывшего для меня футбол.

Перед вами плод моей первой попытки рассказать о жизни, которую я прожил в футболе. Эта книга в основном посвящена восьми годам, проведенным за границей — в Италии, Германии, Швейцарии. Попав в профессиональный футбол, я с первых же дней осознал, насколько этот новый для меня мир не похож на тот, в котором я вырос. Но для того, чтобы понять и постичь его, мне потребовались годы. Теперь, оглядываясь назад, я сам поражаюсь тому, сколько неожиданностей, трудностей и проблем подстерегали меня на пути. О них и пойдет речь в этой книге. А начать, пожалуй, стоит с самого конца, поскольку история, приключившаяся со мной совсем недавно, думаю, памятна многим любителям футбола.

Как выяснилось впоследствии, в апреле 1999 года я, будучи игроком «Наполи», получил трехдневный отпуск и приехал в Москву. Уже собираясь в обратный путь, я вдруг почувствовал себя плохо. Впрочем, «плохо» — совсем не то слово. Моя жизнь находилась в опасности. Разрыв пищевода привел к обильному внутреннему кровотечению, и я был срочно госпитализирован. Попав в военный госпиталь, я два дня провел в реанимации под капельницей. За это время я потерял столько крови, что потребовалось обильное вливание донорской.

Когда все осталось позади, я вернулся в Неаполь, взяв с собой медицинскую справку, чтобы оправдать опоздание из отпуска. И вот тут-то мною была допущена первая ошибка: не подумав о возможных последствиях, я не стал просить у врачей подробную информацию о лечении, решив, что будет вполне достаточно обычной справки с указанием даты поступления и даты выписки. Действительно, на первых порах этого хватило: в клубе сочли причину моего опоздания уважительной, и претензий ко мне никто не высказал.

Клубный врач «Наполи» обследовал меня, взял кровь на анализ, однако почему-то не догадался проверить ее на наличие запрещенных препаратов, а лишь установил, что в ней не хватает

железа, и дал мне соответствующие лекарства, чтобы этот недостаток восполнить.

Прошло несколько недель после моего возвращения. Я уже перестал думать о своем здоровье, чувствовал себя прекрасно и даже немного удивлялся этому. Мой вес увеличился примерно на два-три килограмма, однако, вопреки обыкновению, я этого абсолютно не почувствовал.

Я спокойно отыграл пять игр чемпионата, а после шестой на меня пал жребий, определяющий, кому следует сдавать пробу на допинг. Делать это мне приходилось не первый раз, так что, не испытывая ни малейшего беспокойства, я сдал анализ и отправился отдыхать.

А вскоре в клуб пришло официальное письмо, уведомляющее о том, что в моем организме был обнаружен запрещенный препарат — нандролон.

Я мог лишь теряться в догадках. Врач «Наполи» тоже. Он уверял, что ни с витаминами, ни с какими другими лекарствами, которые он давал мне, этот злосчастный нандролон попасть в мой организм не мог. Мы обратились за помощью к консультанту по вопросам допинга, но и он не смог дать никакого разумного объяснения. Никто почему-то не подумал о том, что нандролон мог быть в тех препаратах, которыми меня лечили на родине. С того момента прошло уже полтора месяца, и, вероятно, медики решили, что если нечто подобное и было, то за такой срок организм уже успел бы очиститься.

В общем, в комиссию по вопросам допинга мы пришли совершенно неподготовленными, не смогли предложить никакого путного объяснения случившемуся, и в итоге, как гром среди ясного неба, — дисквалификация на два года.

По закону мне предоставлялось право подачи апелляции. Естественно, я этим правом воспользовался и вместе с адвокатом начал усиленно искать источник всех своих неприятностей. Мы связались с тем госпиталем, в котором я лежал во время отпуска, и попросили полную выписку из истории моей болезни. Ситуация несколько прояснилась. Действительно, борясь за мою жизнь, врачи в числе прочих препаратов ввели мне большую дозу ретаболила, в котором содержится нандролон. Если бы я догадался взять эту выписку сразу же!

Впрочем, я был абсолютно уверен, что меня непременно оправдают. Но не тут-то было. Закон предусматривает четкие сроки на исполнение всех формальностей. Так, например, с того момента, как я получил необходимые документы из футбольной лиги, мне предоставлялась неделя на то, чтобы собрать все бумаги и отправить их в комиссию на повторное рассмотрение.

Неделя — значит, неделя: ровно семь суток и ни часом больше. Времени вполне достаточно, но…

Ирония судьбы: в тот момент, когда почтальон принес документы моему доверенному лицу, адресата не оказалось дома. Ему оставили записку с просьбой зайти на почту, что он и сделал на следующее же утро. Взял пакет, расписался и ушел. Но никому не пришло в голову посмотреть на дату записи о получении. А дата стояла неправильная — на день раньше. Почтальон, отправляясь по адресу, заранее заполнил извещение, а на следующий день позабыл внести исправление.

Мы же ни о чем не догадывались, и ровно через неделю после фактического получения письма отправили все бумаги в комиссию. Но повторное заседание закончилось, по сути не начавшись: нам указали на ошибку (по документам получалось, что мы не уложились в отведенные семь дней, затратив на день больше) и сказали, что даже не будут рассматривать дело.

И снова началась канитель: нужно было идти на почту, брать справку о том, что произошла ошибка, и уточнять дату вручения письма. Справку мы получили, однако комиссия уже была настроена против нас, поэтому третье заседание было посвящено обсуждению не существа дела, а вопроса, какой из двух документов является более правильным — первичное уведомление о вручении или принесенная нами справка об ошибке. В итоге заседатели решили, что большего доверия заслуживает первая бумага, и дело было закрыто.

Вот так после многих лет выступлений в профессиональном футболе я пал жертвой формальностей, о существовании которых и не догадывался. Конечно, совершенно невинной жертвой меня не назовешь: все-таки я допустил ошибку, не придав должного значения тому, что со мной произошло в Москве, и не позаботился обо всем заблаговременно. Привези я с собой сразу же все необходимые документы, ничего этого, наверное, не произошло бы. И все-таки согласитесь: наказание, которое я понес, слишком сурово.

Это лишь один из многочисленных примеров того, какие неожиданные трудности могут подстерегать игрока в незнакомом ему мире. Если вы дочитаете книгу до конца, то узнаете еще много того, что должен знать футболист, отправляющийся за границу. Собственно говоря, именно ради этого я и взялся за перо — ради того, чтобы каждый, кто захочет пойти по моему пути, представлял, с чем ему придется столкнуться. Надеюсь, мой опыт будет полезен и поможет многим избежать повторения моих ошибок.

И еще эта книга — результат долгих размышлений на тему:

отчего Россия, огромная, великая страна, в которой футбол необычайно популярен, не может превратиться в большую футбольную державу. Все дальше в прошлое уходят редкие победы советских клубов и сборных, а нынешнюю ситуацию в нашем футболе иначе, как кризисом, не назовешь.

За годы выступлений за границей я смог сравнить российскую и европейскую системы организации футбола. В вопросах юридической, медицинской, социальной защищенности игроков футбол в России всегда отставал от заграницы. Кроме того, за последние несколько лет футбол высшего класса в мире очень изменился, стал более силовым, возросли требования к физической и тактической подготовке игроков, тренировочный процесс стал более интенсивным, увеличилось психологическое давление на футболистов. В России же этого, кажется, еще не осознали. Мое пребывание в семи европейских командах убедило меня в том, что между уровнем организации футбольного клуба и его успехами есть прямая связь. Именно безупречная организация всего спектра клубной деятельности, в которой нет абсолютно никаких мелочей, позволяет ведущим клубам держаться на своем уровне и с завидным постоянством добиваться успехов.

А почему нашим лучшим футболистам не удавалось надолго закрепиться в ведущих иностранных командах, стать в них подлинными лидерами, полностью раскрыв свой потенциал? И это при том, что талантов у нас во все времена было очень много. Парадокс? Возможно. Однако для того, чтобы быть «звездой», недостаточно лишь успешно играть, выходя на поле, нужно еще и не проиграть в жесткой конкуренции с сильнейшими игроками своей же команды, необходимо правильно понимать доктрину тренера и уметь подстраиваться под нее, соизмерять свои решения с задачами клуба, контролировать свое поведение в общении с представителями средств массовой информации и просто «на людях», чтобы необдуманным словом или поспешным действием не нанести ущерба своему имиджу или имиджу клуба. Спортсмену в одиночку таких нагрузок не выдержать. «Звезд», как говорится, делают. Кто делает? Его окружение, в котором ключевой фигурой является прокуратор — мудрый опекун, помогающий правильно пережить неизбежные спады и старающийся оградить от психологического кризиса. Когда же речь идет о российских футболистах, воспитанных в иной среде и не знающих западного образа жизни, прокуратор должен порой брать на себя и функции воспитателя. Об этом мы еще часто будем говорить на страницах этой книги. Как и о том, что наши игроки по незнанию обычно доверялись случайным маклерам, заинтересованным лишь в разовых заработках от продажи

футболистов.

Во всем этом я убедился на собственном опыте. Сегодня, оглядываясь с высоты прожитых в европейском футболе лет, я осознаю все свои ошибки и понимаю, как их можно было бы избежать. Имей я несколько лет назад тот опыт, который имею сейчас, я мог бы добиться гораздо большего. Что ж, пусть я не могу повернуть время вспять, зато могу помочь тем, кто пойдет за мной. Пусть мои знания станут достоянием всех футболистов, находящихся в начале пути.

А еще мне очень хочется рассказать вам об итальянском футболе, о его величии и красоте, о незабываемых, ни с чем не сравнимых ощущениях, которые охватывают тебя, когда ты надеваешь футболку прославленного клуба и выходишь на переполненный стадион, чтобы забивать голы и выигрывать, даря несказанную радость болельщикам.

Многие годы футбол составляет смысл и счастье моей жизни, и я буду делать все, чтобы этот прекрасный вид спорта процветал. Если мои знания и размышления окажутся полезными для развития футбола в России, цель этой книги будет достигнута.

МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

В детскую команду «Спартака» меня в 1979 году привел старший брат Павел. Мне было тогда десять лет. Я очень волновался, зная, что нам предстоит встреча с одним из величайших игроков в истории советского футбола. В глазах мальчишки, Нетто, о котором столько говорили старшие, о котором писали в газетах и книгах, снимали фильмы, представлялся могучим и грозным титаном, чей один только взгляд заставлял трепетать.

И в действительности Игорь Александрович оказался человеком непростым, со сложным характером, требовательным, но его первые слова меня приятно удивили: «Ну как же, помню тебя, помню. Ты ведь нам забил». Действительно, незадолго до нашей встречи я забил гол команде воспитанников Нетто, играя за «Локомотив», в котором занимался к тому времени два года.

Так началась моя жизнь в «Спартаке». Игорь Александрович открывал для меня футбол — красивую, изящную, комбинационную игру Львиную долю времени на тренировках мы посвящали работе над техникой, отрабатывали различные приемы обращения с мячом, играли в квадрат, причем тренер всегда играл с нами.

Он постоянно говорил о бразильцах, восхищался их техникой, культурой паса. И требовал от нас подражания кудесникам мяча. Если в игре мяч, отправленный одним из нас другому, вдруг подпрыгивал, Нетто мгновенно вскипал. «Что это такое? — кричал он. — Разве так можно? Ведь мы бразильцы! Мы должны быть бразильцами!»

Не знаю, были ли мы похожи на бразильцев, но уроки Игоря Александровича не могли пройти даром. Под его руководством мы дважды выиграли чемпионат Москвы в своей возрастной категории.

И вот пришло время показать себя перед тренерами главной спартаковской команды. Мы провели игру с дублем. Ее результат значения не имел — разумеется, опытные старшие товарищи разгромили нас. Мы проиграли — 1:10, и единственный наш гол забил я. Это был последний гол в матче, причем забил я его головой.

Тренеры первой команды обратили на меня внимание. Наверное, Игорю Александровичу действительно удалось научить меня чему-то. И в 17 лет я попал в дубль «Спартака».

С тех пор и навсегда «Спартак» для меня — это прежде всего

Нетто. Но не только. Это и Константин Иванович Бесков, при котором я провел первые свои минуты на поле в команде мастеров. Случилось это в 1986 году, вскоре после появления в дубле. «Спартак» играл в Киеве против своего извечного соперника — «Динамо». И вот за шесть минут до конца я вышел на замену. Эти минуты, проведенные перед стотысячными трибунами, я не забуду никогда.

В том же сезоне я забил и свой первый гол — в ворота «Торпедо». Но игроком основного состава мне предстояло стать еще не скоро.

1987 год я провел в дубле, и лишь потом Константин Иванович доверил мне место в своей команде, отведя роль атакующего полузащитника. Я принял эстафету из рук самого Федора Черенкова, кумира спартаковских болельщиков (и моего, конечно же), которого Бесков перевел на правый край полузащиты. Не знаю, решился бы кто-либо другой на такую серьезную тактическую перестановку, но именно благодаря этому ходу Константина Ивановича я смог попасть в основной состав.

«Спартак» для меня — это и Олег Иванович Романцев, под руководством которого мы стали чемпионами СССР в 1989 году. Я буду всегда благодарен ему за поддержку в трудную минуту. Тяжелая травма надолго вывела меня из строя, я медленно и мучительно восстанавливался, разумеется далеко не сразу набрав оптимальную форму. Но Романцев терпеливо ждал, когда я приду в себя, продолжал выпускать на ноле даже после неудачных для меня матчей. Пожалуй, его вера в меня и помогла мне полностью вернуть былую форму. Как часто футболисты, получая травму, теряются в дубле на долгие месяцы, а то и годы.

Я благодарен всем, кто своим добрым отношением внес вклад в мое становление как футболиста. Всем, без чьей поддержки я никогда не смог бы стать тем, кем стал. Но в кругу тех, чьего участия в моей судьбе я никогда не забуду, Игорь Александрович Нетто занимает особое место. Мой первый тренер, открывший для меня замечательный мир футбола.

Уже отыграв несколько лег за границей, я узнал о том, что он тяжело болен. Я хотел помочь ему, но не знал чем и как. Достать любые лекарства? Но в какой-то момент мне сказали, что лекарства бессильны. Что мог я сделать для близкого человека? Купил телевизор и установил у него дома антенну спутникового телевидения, чтобы Игорь Александрович, уже давно никуда не выходивший, не чувствовал себя оторванным от жизни и мог смотреть футбол. Не много удалось мне сделать, но его родственники потом говорили, что эта антенна скрасила последние годы жизни моего учителя. Дай Бог, чтобы это

действительно было так.

ДОРОГА НА АПЕННИНЫ

Римский аэропорт Фьюмиччино, носящий имя Леонардо да Винчи, наверное, ничуть не отличается от большинства крупных аэропортов мира. Особенно летом, когда разноголосые толпы отпускников превращают его в огромный стеклянный муравейник. Едва прозрачные автоматические двери бесшумно закроются за вашей спиной, вас подхватит и понесет точно такой же пестрый туристический круговорот, как и в любом другом городе планеты — по крайней мере, южном.

День 25 июля 1991 года ничем не отличался от других летних дней. Окажись вы в этот день в зале прилета, вам не пришлось бы удивляться увиденному. Толпа встречающих с разноцветными плакатами и табличками в руках, плотным кольцом окружившая двери таможенного коридора, очереди к банкоматам и окошечкам фирм, сдающих в аренду автомобили, вереницы тележек, пустых и заваленных чемоданами, ежесекундно угрожающими отдавить вам ноги… В общем, все как обычно.

Рассматривать посетителей вам, вероятно, некогда — трудно предположить, что вы попали в аэропорт без особой надобности и у вас хватает времени глазеть по сторонам. Поэтому странное поведение некоего молодого человека едва ли привлечет ваше внимание. Однако оно не укроется от полицейского, для которого пристальное наблюдение за подозрительными личностями — первейшая обязанность.

Бдительный страж порядка давно уже начал присматриваться к этому парню с огромной спортивной сумкой. Вот уже несколько часов он сидит с озабоченным видом и внимательно оглядывает всех входящих. Примерно раз в полчаса вдруг вскакивает, бросается к телефону-авто-мату, набирает многозначный номер и начинает возбужденно кричать в трубку на непонятном языке. Затем возвращается на место и продолжает выискивать кого-то в толпе.

Еще более странным был его поход в сторону кафетерия. Быстро подойдя к стойке, он долго разглядывал витрину с закусками, но покупать ничего не стал. Вместо этого столь же стремительно вернулся на свой «пост».

На исходе третьего часа наблюдения полицейский решил, что настала пора действовать. Увидев приближающегося человека в форме, я (вы, конечно, уже поняли, что именно я был тем самым странным молодым человеком) с ужасом подумал: «Ну вот, не

хватает еще попасть в полицию! Но после первых же слов первого человека, заговорившего со мной в Италии, огромный камень свалился с моих плеч.

— Вы — Алейников? — спросил полицейский, которого мне почему-то захотелось обнять, как лучшего друга.

Господи, какое счастье оказаться в футбольной стране!

* * *

Сегодня историю своего приезда в Италию я не могу вспоминать иначе как со смехом, хотя в то время мне было совсем не весело.

22-летнему парню, не умевшему двух слов связать ни на одном иностранном языке, предстояло самостоятельно отправиться в новую, неизвестную жизнь, которую до тех пор видел только в кино да в окне автобуса во время поездок на международные матчи. Но в автобусе я был не один, рядом товарищи по команде, тренеры и администратор, у которого в кармане наши обратные билеты в Москву. Теперь же я — впервые в жизни — путешествовал самостоятельно, и авиабилет мой по маршруту Москва — Рим был куплен в один конец.

Перед отъездом я сто раз спросил у нашего спартаковского администратора, сообщил ли он в Италию дату и время моего прилета. И сто раз получил утвердительный ответ. Но вот беда: как раз в те самые дни «Спартак» тоже собирался за границу, а любая зарубежная поездка в 91-м — целое событие. Выезжала не только команда, выезжали почти все работники клуба — такой случай упустить было нельзя. В разгар всех этих приятных хлопот руководству, разумеется, было не до меня. И администратор, на бегу отвечая на мой вопрос о факсе или звонке в Италию, тут же выбрасывал все из головы.

Я же об этом понятия не имел и, занимая место в самолете «Аэрофлота», был полон самых радужных надежд. На протяжении трех часов полета мне рисовались картины пышной встречи в Риме. Руководители клуба, журналисты, телевизионщики, десятки микрофонов, софиты, фотовспышки — разве не так должно все происходить в стране, поклоняющейся футболу, в стране, обладающей сильнейшей лигой в мире, в стране, где играют Марадона и Карека, Гуллит и Ван Бастен? И где теперь буду играть я.

Как вы уже знаете, в действительности все оказалось иначе.

Поначалу я пытался утешить себя: мол, они просто ошиблись, перепутали время, вот сейчас двери откроются, они ворвутся всей толпой и набросятся на меня с бесконечными вопросами. А к вопросам, надо заметить, я был уже готов, ибо еще в самолете придумывал всевозможные ловкие и остроумные ответы, которые, по моим соображениям, должны были привести в восторг сперва журналистов, а затем болельщиков.

Но время шло, никто так и не появлялся, и меня постепенно начало охватывать отчаяние. Периодические звонки в Москву ни к чему не привели: «Спартак» всем составом уехал, а тот, кто остался в клубе, вообще никак не мог взять в толк, кто я такой и что мне от него надо.

Потом я проголодался. Деньги у меня вообще-то были — доллары. Видимо, их нужно было где-то обменять на лиры, но такую сложную комбинацию я в своем тогдашнем состоянии провернуть не мог. Пошел сразу к бару. Сперва обрадовался, увидев гору всевозможных сандвичей и салатов. Потом взглянул на бармена и… пыл мой поутих. Как я буду с ним объясняться? Тыкать пальцем в бутерброд через стекло? Неудобно как-то… Растерявшись, я вернулся на ставшее за три часа родным кресло. Есть захотелось еще больше. И тут с замиранием сердца я увидел, как ко мне приближается полицейский…

Не знаю, почему он принял меня за Алейникова. Может, и вправду у нас с Сергеем есть что-то общее, а может, все мы, советские футболисты, в глазах иностранцев на одно лицо. Так или иначе, я был счастлив. Счастлив тем, что во мне увидели футболиста, а не террориста; счастлив тем, что могу наконец с кем-то поговорить… ну, если и не поговорить, так хотя бы помычать с использованием нескольких знакомых мне слов. «Ноу, ноу, Шалимов, Фоджа, футбол», — затараторил я и, судя по всему, сумел донести до собеседника свою мысль. Он начал куда-то звонить по телефону, и вскоре моя проблема была решена.

Оказалось, президент моего нового клуба Паскуале Казилло в тот день был в Риме и как раз должен был улетать в Фоджу. Меня на такси привезли в его римский офис, где я еще часа два должен был ждать, пока он освободится. Первое, что он сказал мне при встрече, — это то, что никто в клубе понятия не имел о моем приезде, поскольку из Москвы ничего не сообщили. Но об этом я к тому моменту и сам успел догадаться. У меня уже не было ни сил, ни желания переживать по этому поводу. Единственное, чего мне хотелось, причем хотелось ужасно, — это есть. К счастью, эту проблему вскоре тоже удалось решить. И вот, наконец, мы сели в маленький частный самолет президента и отправились в Фоджу. Так закончилось мое весьма продолжительное путешествие к

месту назначения. Месту, которому предстояло стать моим новым домом.

* * *

Возможно, история моего приезда в Италию и приключения одинокого россиянина в римском аэропорту покажутся вам менее удивительными, если вы узнаете о том, как я готовил собственный отъезд из Москвы. Этим сложным делом я занимался самостоятельно, без чьей-либо помощи, и мог рассчитывать только на себя и свою удачу.

В один прекрасный (действительно прекрасный для любого футболиста) день Николай Петрович Старостин, некогда легендарный игрок, стоявший у истоков «Спартака», а в мое время — безгранично уважаемый всеми президент клуба, сказал, что мною интересуется одна итальянская команда и предложил встретиться с ее представителями. И вот я (один, совсем один!) отправился в гостиницу «Международная», где находился офис президента «Фоджи». Синьор Казилло имел деловые интересы в нашей стране и потому обосновался в Центре международной торговли на Краснопресненской набережной. В его офисе мне пришлось потом побывать раз двадцать, вести переговоры с вице-президентом и другими членами руководства клуба.

Как я теперь понимаю, это было лишь одно название — «переговоры». С одной стороны — группа серьезных итальянских бизнесменов, с другой — молодой, ничего толком не понимающий футболист. Общаться нам помогал переводчик, приглашенный «Фоджей». Он доносил до меня содержание множества разложенных передо мной документов, составленных, понятное дело, на итальянском языке, переводил мне предложения и обещания моих будущих хозяев. И, опираясь лишь на его слова, я подписывал документы, и которых шла речь о четырех годах моей жизни — возможно, лучших годах футбольной карьеры.

На эти четыре года я был отдан «Фодже». По идее, во время переговоров мы достигли соглашения (о чем я опять-таки мог судить лишь по словам переводчика) по формуле «два плюс два», то есть по прошествии двух лет я мог по своему усмотрению либо продлить контракт, либо уйти в другой клуб. Впоследствии, однако, выяснилось, что в силу какой-то неведомой мне хитрости, заложенной в контракте, «Фоджа» получала право распоряжаться

мной на протяжении всех четырех лет. Об этом я узнал позже, когда исправить уже ничего было нельзя, но, к счастью, существенной роли это не сыграло, поскольку уже через год мною заинтересовался «Интер», и я отправился в Милан до истечения двухлетнего срока, тем самым избежав неминуемого конфликта. В общем, можно сказать, легко отделался. А ведь страшно представить, в какую авантюру я мог быть втянутым, когда спокойно и доверчиво ставил в офисе «Международной» подпись под контрактом, о котором имел лишь смутное понятие, полученное со слов переводчика. Причем переводчика, представлявшего в переговорах интересы противоположной стороны!

Быть может, сейчас самое время сказать о том, почему я взялся за эту книгу. Надеюсь, она предоставит читателю не просто занимательный рассказ о моих похождениях по футбольной Европе. Цель, которую я поставил перед собой, — больше, чем развлечь вас историей из жизни игрока-путешественника. Успев прочитать лишь первые несколько страниц этой книги, вы уже не раз могли заметить, что поначалу устройством своей международной карьеры я занимался в полном одиночестве, основываясь на собственном небогатом опыте и отрывочных, весьма приблизительных знаниях. И в этом заключалась моя самая большая проблема.

Человек — самое сильное творение природы. Он способен подчинить себе другие населяющие Землю живые существа и даже заставить работать на себя силы природы. Первобытный человек сумел найти способ выжить в полном бесчисленных опасностей мире, научился защищаться от врагов, добыл огонь, построил жилище и в конечном итоге создал все, что мы сегодня видим вокруг. Сотни тысяч лет назад, борясь за свою жизнь, он руководствовался лишь чувствами и инстинктами. Для того чтобы ориентироваться в сегодняшней жизни, одних эмоций и интуиции недостаточно, нужны знания, обширные знания.

Век живи — век учись, гласит народная мудрость. Но часто для того, чтобы научиться всему, что необходимо в жизни, не хватает короткого человеческого века. И тогда нам на помощь приходят люди, готовые поделиться с нами своими знаниями. В быту — родители, в школе — учителя, на работе — наставники, старшие товарищи.

Что мог я в свои двадцать с небольшим знать об Италии, о профессиональном футболе, о контрактах? Я в общем-то ничего и не знал. Но беда моя была не в этом, а в том, что рядом со мной не нашлось человека, который помог бы советом, объяснил бы кое-что, позаботился бы обо мне и моих интересах.

В разговорах о звездах шоу-бизнеса нам часто приходится слышать такие слова: менеджер, агент, антрепренер, импресарио. Уже потом, пожив в Италии и с головой окунувшись в профессиональный футбол, я понял, что игра — точно такой же бизнес и что любому, кто хочет в нем преуспеть и не пойти ко дну, нужна помощь знающего человека. В итальянском футболе людей, которые заботятся о футболистах и отстаивают их права, называют прокураторами. Без активного участия прокуратора там никто никогда не заключит ни одного контракта и вообще не сделает ни единого важного шага.

ДОРОГА НА АПЕННИНЫ

Кто же такой этот прокуратор? Альтруист, желающий из человеколюбия помочь молодому игроку пробиться к славе и деньгам? Конечно же, нет. Как и любой бизнесмен, прокуратор думает о собственной выгоде, однако квалифицированные мастера своего дела не довольствуются, подобно мелким маклерам, разовым доходом от сделки по продаже того или иного футболиста. Прибыль прокуратора напрямую зависит от благосостояния его подопечного, и потому он всеми силами старается отстаивать интересы игрока.

На протяжении этой книги нам еще не раз предстоит возвращаться к разговору о прокураторе, о том, как могла бы сложиться моя карьера, будь рядом со мной опытный и заботливый советник. Все, о чем здесь будет рассказано, уже в прошлом, былого не воротишь, однако я надеюсь, что, прочитав эту книгу, молодые игроки, лишь начинающие свой путь в футболе и мечтающие пойти по моим стопам, смогут избежать повторения моих ошибок. И если благодаря мне чья-нибудь карьера за границей сложится успешнее, чем моя, я буду счастлив так, как бывает счастлив тот, кому удается увидеть реальные плоды своего труда.

НАЧАЛО

Итак, меня ждала Фоджа — маленький южный город, чья скромная команда только что вышла в Серию А, как в Италии называют высший дивизион.

До окончания сборов оставалось четыре дня. Меня привезли на базу, расположенную в живописном горном местечке. Первое, что я сделал по прибытии, — направился в отведенную мне комнату и бросился к телефону. Напряжение, которое накопилось за долгие часы, проведенные в незнакомой стране, могла снять только русская речь. Я так соскучился по ней, что звонил всем подряд — родным, друзьям, знакомым. В первые дни телефон стал моим ближайшим другом: после каждой тренировки я стремился как можно быстрее попасть в свою «келью» и остаться наедине с трубкой, которая была моей единственной связью с далеким родным миром.

Окружавший же меня мир — прекрасный, радостный, веселый и необычайно интересный — был для меня чужим. Я просто-напросто боялся выйти из своего укрытия. Что я буду делать там, снаружи, что скажу окружающим, чьего языка не знаю? Не находя ответов на эти вопросы, я вновь и вновь набирал московские номера. Думаю, время, проведенное мною в конце июля и в августе у телефона, исчислялось не минутами и не часами, а сутками. Можете представить, как после этого выглядели телефонные счета: все деньги, которые я на протяжении последних месяцев откладывал на отъезд, ушли на оплату разговоров с Москвой.

Довольно долго я боролся с собой, заставляя себя покидать тихую обитель, выходить «в свет», встречаться с новыми товарищами. Думаю, дело здесь не в моей личной скромности и нерешительности. Не стоит забывать, что это был 91-й год, когда мы, по сути, только начали открывать для себя мир. Воспитавшему нас Советскому Союзу предстояло через считанные месяцы кануть в небытие, но избавляться от советского менталитета всем нам приходилось еще долго — а многим, увы, приходится и до сих пор. В то время, когда я попал в Италию, нашего человека за границей можно было распознать издалека. Мы были скованны, не уверены в себе. И я, разумеется, не представлял собой исключения из правила. По характеру и менталитету я просто не был готов к встрече с трудностями и — тем более — к их преодолению.

Но со временем все встало на свои места: веселая,

оживленная обстановка в команде заставила меня понемногу раскрепоститься и начать избавляться от своих страхов и предрассудков. Действительно, ребята в «Фодже» подобрались на удивление дружелюбные и открытые. Да и сама атмосфера в клубе не позволяла грустить и печалиться. Впереди у нас сезон в Серии А, для большинства игроков — первый в карьере. Все с нетерпением ждали начала чемпионата, хотя, конечно же, понимали, что в силу объективных причин «Фодже» предстояло в первую очередь бороться за выживание в группе сильнейших. Но это никоим образом не убавляло всеобщего оптимизма.

Вскоре этот оптимизм заразил и меня. Я уже не боялся разговоров с товарищами по команде, хотя велись они преимущественно при помощи жестов. Ну а во время тренировок проблем вообще не возникало: язык футбола понятен всем. Все что мы делали на поле, было мне необычайно интересно, и я вполне мог обойтись без единого итальянского слова. Вообще, когда играешь в футбол, забываешь обо всем.

Но вне поля нужно было начинать новую жизнь, менять свой менталитет. И здесь уже языка футбола явно не хватало, требовался итальянский. Иначе как понять нашего тренера Зденека Земана, любившего подолгу говорить о тактике, объяснять свои многочисленные схемы, как общаться с ребятами? И вообще, разве можно, не зная языка, понять страну, ее людей, ее футбол? Конечно, нет, и поэтому все свои силы я бросил на изучение итальянского.

Первое слово, которое я выучил на базе во время сборов, — «андьямо» («идем»). «Идем на тренировку», «идем есть» — это были самые распространенные фразы, которые мне приходилось слышать от своих товарищей. Собственно говоря, мы ведь там больше ничего не делали: два раза в день тренировались, три раза в день ели, а остальное время спали, восстанавливая силы.

Время, проведенное в компании за столом, я старался проводить с максимальной пользой, запоминая названия окружающих предметов: «нож», «вилка», «тарелка», «стул», «стол», «мясо», «рыба», «хлеб», «вода» — мой лексикон поначалу формировался с явным гастрономическим уклоном.

Позже, вернувшись в город, я всерьез засел за учебники. Как нельзя кстати пришлась помощь одной из сотрудниц президента Казилло. Поскольку, как я уже говорил, он вел дела с нашей страной, ему было не обойтись без работников, знающих русский язык. Он познакомил меня со своей переводчицей Кристиной: когда я впервые заговорил с ней, у меня сложилось впечатление, что она моя соотечественница, настолько хорош был ее русский. А легкий, едва уловимый акцент казался скорее приобретенным,

нежели унаследованным — такой акцент часто появляется у людей, уезжающих в чужую страну и редко говорящих на родном языке. Но потом я с удивлением узнал, что на самом деле она итальянка.

Помощь Кристины, хоть и непрофессиональная, поскольку преподавать она не умела, все же была очень полезна. Сочетание ее усилий с моим, без ложной скромности скажу, очень серьезным подходом к освоению языка довольно быстро дало результаты: я постепенно начал понимать людей вокруг себя, а месяца через четыре сумел дать первое телеинтервью.

Дело было накануне матча с «Бари» — одного из самых важных для «Фоджи», поскольку он входит в разряд дерби. Я выходил со стадиона после тренировки, когда на меня стремительно надвинулась камера, сбоку подлетел журналист с микрофоном и задал мне вопрос, который (о, радость!) я понял.

Вообще-то я старался избегать любых интервью, боясь опростоволоситься из-за слабого знания языка. А кроме того, я просто боялся журналистов, поскольку в первые же дни пребывания в Италии стал жертвой одного недобросовестного писаки. Этот парень задавал мне вопросы, суть которых, насколько я понял, сводилась к тому, что я знаю об итальянском футболе. Разумеется, я не мог сказать ничего связного, но, не желая обидеть его, кивал в ответ на знакомые названия и имена. Он сказал: «Ювентус», и я ответил: «Си, си», подняв вверх указательный палец (мол, да, знаю, отличная команда). Он сказал: «Баджо» — я отреагировал точно так же. Вот, собственно, и все. А на следующий день появилась огромная статья под заголовком: «Я ХОЧУ ИГРАТЬ В «ЮВЕНТУСЕ» РЯДОМ С БАДЖО». Этот деятель повернул все так, будто я сказал ему, что в «Фодже» задерживаться не намерен и что скоро все поймут: мое место — в сильнейшей команде Италии. Согласитесь, очень неприятная ситуация: получается, что я только приехал, не успел еще и мяча-то коснуться в своей новой команде, а уже заявляю, что она меня не достойна. Сочинитель, которого и журналистом-то не назовешь, просто-напросто подставил меня, опозорив в глазах «Фоджи». Но ведь подобного у меня и в мыслях не было! А если бы даже и было — как бы я все это мог ему рассказать?

Теперь вы понимаете, почему я всеми способами избегал контактов с прессой. Но в тот раз, перед матчем с «Бари», деться было некуда. Да и вопрос был понятен: журналист хотел знать, приходилось ли мне в СССР участвовать в таких же важных матчах, каким здесь было дерби с «Бари».

Дерби в итальянском футболе, как, наверное, и в любом другом, довольно много. В городах, имеющих две команды, —

Риме, Турине, Милане, Генуе — есть городские дерби. Бывают дерби региональные — пулийское, тосканское, ломбардийское. А бывают дерби Италии, когда встречаются друг с другом великие клубы, имеющие миллионы болельщиков но всей стране: «Милан» с «Ювентусом» или «Интер» с «Ювентусом».

Сегодня слово «дерби» прижилось в русском языке, и в Москве, богатой футбольными командами, звучит довольно часто. Но тогда, в первом своем интервью, я рассказывал о матчах «Спартака» не с московскими клубами, а с киевским «Динамо» — их я назвал советскими дерби. Это же действительно так: в 80-е годы встречи двух наших команд всегда были самыми интересными и важными для болельщиков.

Рассказывал я обо всем этом минут пять, а мог рассказывать и дольше, ведь о таких играх всегда есть что вспомнить. Потом то, что получилось из этого интервью, посмотрел по телевидению. Что ж, первый опыт прошел вполне успешно.

Но все это ждало меня впереди, а до первых фраз, произнесенных в микрофон, было много часов, проведенных над учебниками. Одному Богу известно, как тяжело давалась мне «лингва итальяна», как часто впадал я в отчаяние, думая, что никогда не смогу заговорить на чужом языке.

Мне пришлось убедиться в том, что язык литературный и язык разговорный — это две совершенно разные вещи. Часто, после нескольких дней упорного труда, мне начинало казаться, что я добился большого прогресса: без труда переводил тексты в учебнике, понимал смысл газетных статей. Окрыленный успехом, я выходил на улицу и… меня ждало огромное разочарование: в разговорах с людьми я едва мог улавливать отдельные слова. Вот в такие моменты и приходило отчаяние.

Опытным путем я убедился, насколько многогранно это понятие — «изучение иностранного языка». Профессиональные преподаватели всегда говорят своим ученикам: «Хотите научиться читать — читайте, хотите научиться говорить — говорите, хотите научиться понимать — слушайте». Тем самым они объясняют, что изучение языка должно одновременно вестись во всех направлениях, что по учебнику ты научишься читать и переводить печатные тексты, но никогда не овладеешь разговорным языком, не сможешь воспринимать его на слух и добиться того, чтобы тебя понимали окружающие. Это возможно только в условиях живого общения, которое не заменит ни один учебник.

Теперь-то, познав эту премудрость ценою огромных нервных затрат, я могу поделиться своим опытом с тем, кто вслед за мной окажется в чужой стране. Но тогда рядом со мной не было учителя, который смог бы все объяснить и направить мои усилия

в нужное русло. А ведь толковый совет помог бы мне сберечь массу сил и нервов.

Но, к счастью, лучшим учителем является сама жизнь. Постепенно она поставила все на свои места, и я все-таки заговорил по-итальянски. С трудом, не сразу, но заговорил.

Впрочем, я забежал далеко вперед…

* * *

Время шло, сборы через четыре дня завершились, и я получил свой первый и последний в году отпуск — на три дня. Не слишком-то много, учитывая, что я вплоть до самого отъезда играл за «Спартак». Но что поделаешь — таковы неизменные трудности, с которыми из-за разных рамок сезона сталкивается любой футболист, переезжающий из России в Европу.

Трехдневный мини-отпуск я по приглашению нашего президента Казилло провел на небольшом островке в Адриатическом море. Это излюбленное место отдыха всей его семьи, которой принадлежит одна из гостиниц на острове. Не скажу, что трех дней морских купаний и солнечных ванн мне хватило, чтобы сбросить всю накопившуюся за полгода усталость, но все-таки в Фоджу я вернулся значительно посвежевшим и готовым к встрече с Серией А, которую мне и моей команде в самое ближайшее время предстояло покорять. До начала чемпионата, открывавшегося в сентябре, оставалось меньше месяца.

Весь август прошел в напряженной подготовке к сезону: тренировки, сборы на загородной базе, поездки на товарищеские матчи. Нагрузки на нас выпали нешуточные, однако я, к собственному удивлению, переносил их значительно легче, чем можно было ожидать от игрока, чей сезон начался еще ранней весной.

Что придавало мне сил, спросите вы? Ответ очень прост: условия, в которых я оказался. Они меня просто потрясли. Потрясла изумительная организация дел в клубе, благодаря которой не оставалась без внимания ни одна, даже самая маленькая и незначительная, казалось бы, деталь.

Разумеется, я понимал, что на иерархической лестнице итальянского футбола «Фоджа» располагается далеко от верхних ступенек. Это самый что ни на есть заурядный провинциальный клуб, уровень которого, пожалуй, можно определить как ниже

среднего. Я же приехал из клуба, в своей стране занимавшего одно из ведущих мест, традиционно входившего в элиту советского футбола. И хотя, как любой здравомыслящий человек, я отдавал себе отчет в том, что наш футбол по уровню развития значительно уступает итальянскому, мне и в голову не могло прийти, сколь существенно в действительности это различие. С точки зрения организации «Фоджа» по сравнению со «Спартаком» показалась мне тогда суперклубом мирового масштаба.

Говорю это не для того, чтобы бросить камень в огород «Спартака». Для меня «Спартак» всегда был и остается любимой командой, которая дала мне все, что у меня есть, сделала меня таким, какой я есть. Благодарность переполняет мое сердце и сейчас, спустя много лет после того, как я покинул этот клуб, который навсегда останется для меня символом нашего футбола. Поэтому критические замечания, высказанные на этих страницах, не следует рассматривать как критику в адрес «Спартака». Моя критика адресована нашему футболу в целом. Его организационные недостатки носят глобальный характер, и «Спартак», как и любой другой клуб, являющийся его неотъемлемой частью, тогда, в конце 80-х — начале 90-х годов, не мог их не иметь.

Первое, что поразило меня в «Фодже»: футболисты не должны стирать свою форму и чистить бутсы. И даже носить экипировку с собой.

В «Спартаке» каждый из нас одевался на тренировку как мог, отчего мы со стороны выглядели весьма живописно, но едва ли походили на серьезную профессиональную команду: один в майке «Ювентуса», другой — «Реала», третий — «Манчестера», — словно веселая компания собралась после работы погонять мяч на пустыре. И вот, собираясь в Фоджу, я взял с собой комплект формы для тренировок: проведя приличное время перед зеркалом, отобрал футболку, трусы и гетры, сидевшие на мне лучше других. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что игроки «Фоджи» на каждую тренировку выходили в настоящей клубной форме.

Поначалу это меня просто шокировало: приходишь на тренировку — твоя форма аккуратно лежит в раздевалке на выделенном для тебя месте. Уходишь с тренировки — бросаешь ее, грязную, в огромную корзину, стоящую посреди раздевалки, а на следующий раз опять обнаруживаешь на своем месте, выстиранную и выглаженную. В России же, увы, до сих пор игроки стирают свою форму сами.

Предвижу ухмылку скептически настроенного читателя: «Ишь ты, экая белоручка! Неужели за те деньги, какие вам платят,

трудно собственную майку выстирать? Небось не развалишься, как до тебя никто не развалился».

Да, футболисту моего уровня, пусть и не было у меня никогда контрактов, подобных контрактам Марадоны или Роналдо, грех жаловаться на зарплату. За такие деньги, какие я получал в Италии, можно было выстирать не один десяток маек. И, конечно, играя в «Спартаке», да и потом, приезжая из зарубежных клубов в сборную, я это делал вполне успешно и не развалился. Не развалился бы и в «Фодже», и в «Интере», и во всех остальных командах. За такие-то деньги!

Между прочим, за границей тоже, как и у нас, любят считать деньги, но только исходят при этом с других позиций. Там все понимают, что футболистам платят огромную зарплату не за стирку, а за игру. Игроки свои контракты отрабатывают не над тазиком с грязной формой, а на зеленом поле, и поэтому каждый клуб видит свою главную задачу в том, чтобы создать футболистам наилучшие условия для работы, то есть для игры.

В бюджете любого большого клуба затраты на стирку формы и на решение других элементарных бытовых вопросов составляют очень скромную долю. Не была бы непомерно высока эта доля и для бюджета российского клуба. Зато пользу, уверен, команда извлекла бы огромную.

Действительно, на протяжении нескольких лет выступлений в советском футболе мне не составляло особого труда стирать свою форму.

И я, возможно, сам не отдавал себе отчета в том, как эта стирка вредит мне. Скажем, в те дни, когда мы проводили по две тренировки, перерыв между ними уходил не на восстановление сил, а как раз на то, чтобы выстирать и высушить форму. Пусть мне, как и всем моим товарищам, это не казалось неправильным, но положение вещей зависит не от того, как мы их воспринимаем. Любому ясно, что польза от тренировки, на которую приходишь уставшим, не слишком велика.

За границей это давным-давно поняли, поэтому гам в штате каждого клуба есть специальные люди, занимающиеся решением бытовых вопросов. Естественно, как я потом увидел, в большом клубе все это организовано еще в сто раз лучше, чем в маленьком. И разница между «Интером» и «Фоджей» оказалась огромной. Но это уже вопрос иного порядка — здесь речь идет о величине самого клуба и стоящих перед ним задач, о его бюджете, богатстве традиций и многом другом. Главное же, что объединяет и «Интер», и «Фоджу», и «Лугано», и «Болонью», и все остальные настоящие профессиональные клубы, — заботливое и уважительное отношение к футболистам. И это, к сожалению,

отличает их от наших клубов.

Забота о футболисте, уважение к нему как к личности, стремление оградить его от всех бытовых проблем неизмеримо улучшает его показатели. Я понял это на собственном примере. Уже довольно уставшим я вступил в свой первый итальянский сезон, да и тренировочные нагрузки оказались непривычно большими — Земан славится тем, что на каждом занятии заставляет своих игроков выкладываться на все сто процентов. Но я не чувствовал никакой усталости, напротив, буквально летал по полю, ибо каждая тренировка, и уж тем более игра, превращалась для меня в настоящий праздник.

Меня радовало всё: выстиранная и выглаженная заботливыми руками форма и начищенные до блеска бутсы казались еще красивее и удобнее, чем на самом деле; сознание того, что меня уважают, придавало дополнительные силы. Самые тяжелые тренировки Земана были мне нипочем. Казалось бы, всё это мелочи, сущие пустяки. Пусть так, но эти пустяки поднимают настроение, а значит, способствуют лучшей работе каждого из нас.

Быть может, когда-нибудь и в России поймут, насколько важны эти мелочи, позволяющие игроку чувствовать себя личностью. Возможно ли это сейчас в нашем футболе, может ли наш футболист ощущать себя полноценной личностью? Думаю, нет. По крайней мере, это очень сложно. Ведь у него даже нет нормального профессионального контракта, устанавливающего его статус и защищающего его права. Это значит, что в любой момент на него могут «спустить собак», накричать, оскорбить, выгнать, наконец. И если футболист не чувствует себя уверенно и спокойно в повседневной жизни, это в конце концов проявится и на поле.

И ведь как часто проявляется! Например, во время встреч наших команд с иностранными. Да, порой мы можем выиграть, но такие редкие победы всегда считаются сенсационными. Я с трудом вспоминаю, когда наши клубы в решающих матчах вырывали победу на последних минутах. Не могу также припомнить, когда наши команды, участвуя в европейских кубках, проиграв на выезде с разницей в два-три мяча, затем дома отыгрывались и проходили в следующий этап. Большие европейские клубы, часто не показывая яркой игры, не владея преимуществом, одерживают победу. И это происходит не случайно. Как объяснить это? Одним из объяснений и является та уверенность, которая отличает игроков великого клуба. Именно она и позволяет им побеждать соперника, который до последней секунды боится поверить в свою удачу.

Сужу об этой уверенности не понаслышке: чувство это мне знакомо. Его очень трудно выразить словами. Представьте себе, как на поле выходят 22 футболиста. Одни, допустим, в форме «Интера», «Милана» или «Ювентуса», другие — в футболках «Фоджи», «Бари» или «Эмполи». Никто не знает, чем закончится матч — в конце концов, и великие клубы часто проигрывают. Но все равно — и до, и во время, и после игры футболисты двух не равных по классу команд будут смотреться по-разному. Каждый жест, каждый шаг, каждый поворот головы отличает игрока суперклуба. Если его команда победила, он будет радоваться, если проиграла — будет огорчаться, но его эмоции всегда будут оставаться эмоциями игрока суперклуба, их ни за что не спутаешь с радостью или огорчением скромного провинциала.

Самосознание — великое достояние великого клуба. Его игроки выглядят не так, как остальные, не только на поле, но и тогда, когда меняют форму на цивильный костюм. А источник этого самосознания — уважение к себе, которое игрок чувствует в своем клубе. Только тот, кого уважают, может выиграть что-нибудь серьезное. За границей это понимают и стараются показать каждому футболисту, насколько он важен для клуба.

В мире есть лишь одна категория игроков, не вписывающихся в эту модель, — бразильцы. Они, лучшие футболисты на планете, внешним видом нисколько не напоминают настоящих профессионалов. Дружной гурьбой, с песнями и шутками вываливаясь из автобуса, «кудесники мяча» похожи скорее на какой-то народный ансамбль, нежели на высокооплачиваемых специалистов, чье мастерство известно всему миру. Даже строгие костюмы не в силах придать бразильцу солидности: с первого взгляда вы поймете, как ему неуютно в этой одежде, как сковывает его пиджак, как душит галстук.

Из каждого правила должно быть исключение. Бразильцы и есть то самое исключение в мире профессионального спорта. Они исключительны с самого рождения, ибо рождаются футболистами, а не становятся ими. В любой другой стране мальчишка влюбляется в футбол, приходит в него, осваивается в нем и принимает его правила и условия. Но для бразильца все иначе: он рождается в футболе и живет в нем всю жизнь. Идя по улице, мы не задумываемся над каждым шагом, а во время обеда не следим за тем, чтобы не промахнуться, поднося вилку ко рту. Эти движения для нас естественны, они происходят сами собой. Точно так же сама собой протекает жизнь бразильца в футболе. Играет ли он в заштатной команде у себя на родине, переходит ли в большой клуб, переезжает ли в Европу, становится ли чемпионом мира, — мне почему-то кажется, что все эти внешние

перемены нисколько не меняют его поведения, не трогают душу, раз и навсегда отданную футболу. Наверное, для вас, как и для меня, стало неожиданностью то, что многие великие бразильские игроки — например, Гарринча, — заканчивали свою жизнь в нищете и безвестности. Но, как ни странно, в этих печальных фактах мне даже видится какая-то логика: бразилец, вероятно, не думает в первую очередь о том, как обогатиться за счет футбола, как добиться благополучия благодаря своему имени и своим достижениям.

Такими же естественными мне кажутся и постоянно появляющиеся сообщения о том, как «чудят» современные бразильские звезды: один режим нарушит, другой поссорится с тренером или президентом клуба, третий пошлет всех куда подальше и уедет на родину отдохнуть посреди сезона, четвертый из отпуска опоздает на недельку-другую, пятый еще что-нибудь подобное выкинет. Да уж, не очень-то похожи они на настоящих профессионалов.

Зато нигде и никогда я не видел, чтобы на скамейке запасных так болели во время матча, так радовались и переживали за своих товарищей, то падая на колени, то прыгая выше головы, молясь и закрывая лицо руками в напряженные моменты. Вспомните, как бразильцы выходят на поле, взявшись за руки, как стоят, обнявшись, перед началом игры, и вы согласитесь со мной: они не играют в футбол, они живут им.

Повторю: бразильцы — исключение в футбольном мире. Они могут позволить себе не соблюдать правила, диктуемые кодексом профессионализма. Но только они! Остальные же — немцы и итальянцы, англичане и русские — должны вести себя иначе. В противном случае им не следует рассчитывать на успех.

В разговорах о профессиональном футболе мы часто говорим: «Там умеют делать звезд», обычно понимая под этим шумиху, которую поднимают вокруг того или иного спортсмена средства массовой информации. Но на самом деле «звезд» (здесь и далее я буду употреблять это слово в кавычках, чтобы мы не забывали об условности этого понятия) из игроков делают не только журналисты, но и их собственные клубы.

Был ли я «звездой» в России? Пожалуй, нет. Довольно давно, еще перед отъездом в Италию, я дал одной газете интервью, смысл которого сводился к тому, что в России быть «звездой» невозможно. Ибо «звезда» — это в первую очередь сильная личность, а чувствовать себя сильной личностью наш футболист, по большому счету, не может. Надеюсь, из рассуждений, изложенных выше, вы поняли, почему я так считаю. В советском футболе я, хочется верить, был не последним игроком: выступал

за «Спартак», за сборную, с которой попал в Италию на чемпионат мира 1990 года, сумел привлечь внимание пусть и небольшого, но все-таки итальянского клуба. В общем, кое-что из себя представлял. Но «звездой» все-таки не был — по крайней мере, сам себя «звездой» не считал.

Пожалуй, ближе всего к состоянию «звезды» я был после первого года в Италии, когда меня назвали лучшим иностранцем в Серии А. В «Фодже» я по-настоящему раскрылся, и это привело к тому, что через год меня за огромные деньги купил «Интер». А если бы я, допустим, не поехал в 91-м в «Фоджу» и еще один сезон отыграл в «Спартаке» — захотел бы тогда «Интер» купить меня? Едва ли. В «Спартаке» я бы не смог добиться такого прогресса.

Почему же добился в «Фодже», почему так вырос за год? Для меня ответ очевиден: прежде всего потому, что приобрел необычайную уверенность в себе и своих силах, что почувствовал себя личностью, человеком, который делает дело необычайной важности, и каждая мелочь вокруг подчинена тому, чтобы я делал это дело лучше. И конечно, неотъемлемая часть этого роста были талант, трудолюбие, удача.

* * *

Первый после довольно долгого перерыва сезон «Фоджи» в Серии А удивил, пожалуй, всех, в том числе и нас самих. Логично было ожидать, что мы поведем борьбу за выживание, но мы прошли весь чемпионат просто здорово и в итоге заняли девятое место — как оказалось, самое высокое, которое когда-либо «Фоджа» занимала в высшем дивизионе. Одно время мы даже претендовали на место в Кубке УЕФА.

Дела начали складываться чудесным образом с первого же матча. Судьба распорядилась так, что мы открывали сезон в Милане игрой на «Сан-Сиро» против «Интера». Мог ли я представить тогда, что этот великий клуб и этот красавец-стадион вскоре станут для меня родными на два года?

Провести свой первый официальный матч в Италии на таком стадионе — об этом можно было только мечтать. Я не был новичком на знаменитых аренах мира: за «Спартак» мне доводилось играть на мадридском «Сантьяго Бернабеу», за сборную — на лондонском «Уэмбли», однако чувства, которые я испытывал на этот раз, были ни с чем не сравнимы.

Одно дело — приехать куда-нибудь за границу со своей командой на один матч. Приехал, сыграл и уехал домой, оставив себе на память яркие впечатления. Но совсем иными глазами смотришь вокруг, сознавая, что ты здесь не просто гость, что теперь всё это — твое. Из недели в неделю мне предстояло колесить по знаменитым футбольным центрам — Милану, Турину, Риму, Генуе. Это уже не воспоминания, это — жизнь. Праздник, который всегда с тобой.

Итак, 1 сентября 1991 года я впервые увидел «Сан-Сиро». С тех пор и навсегда он остался для меня самым красивым, самым величественным стадионом в мире. Чисто футбольный, без беговых дорожек вокруг поля, он способствует необычайному единению игроков с публикой. В тот день трибуны были заполнены до отказа, как всегда бывает на матче открытия, даже если соперник и не очень именит. 80 тысяч зрителей бушевали на расстоянии вытянутой руки от нас. Нисколько не стыжусь признаться в том, что после начала игры мне потребовалось минут десять, чтобы унять дрожь в коленках.

Со временем страх прошел, и у меня словно выросли крылья: хотелось летать по полю, что называется, рвать и метать. В таком же настроении пребывали все мои партнеры, для которых визит на «Сан-Сиро» тоже не был привычным делом. Мы бились изо всех сил и в итоге сыграли вничью — 1:1, причем по ходу матча даже вели в счете. Стоит ли говорить, как счастливы мы были? Ощущение чего-то невероятного не покидало нас целую неделю, до следующей игры.

А следующая игра — уже перед своими зрителями, на маленьком, тысяч на двадцать, уютном стадионе Фоджи, трибуны которого, разумеется, тоже были заполнены. Нас безумно любили в этом городе, которому мы подарили радость встреч с великими клубами. Я был восхищен глубиной поистине народной любви, когда увидел, сколько зрителей собиралось посмотреть каждую нашу тренировку.

Трибуны нашего стадиона тоже вплотную подступают к полю. Они не столь высоки, как на «Сан-Сиро», и не создают давления на твои плечи, толпы — двадцать тысяч горячих поклонников, это хоть и не восемьдесят, но все равно много — не бьет тебя сверху по голове, вдавливая в газон, а подхватывает, закручивая вихрем, и несет, удесятеряя твои силы. И ты летишь и летишь, не зная ни сомнений, ни страха, ни усталости.

Так мы летали, раз за разом добиваясь замечательных результатов, причем не только на своем поле, но и в гостях: выиграли во Флоренции у «Фиорентины» — 2:1, проиграли в Бари (тамошнее поле в тот день считалось нашим, поскольку стадион в

Фодже был на ремонте) «Ювентусу» — всего 0:1, а в то время это считалось большим достижением (достаточно сказать, что во втором круге нам уже не удалось так успешно сыграть с «Юве» и мы были разгромлены в Турине — 1:4).

* * *

В восьмом матче сезона — в Риме против «Ромы» — я забил свой первый гол, принеся команде очередную почетную ничью — 1:1.

Мы вновь играли перед переполненными трибунами — теперь это были трибуны знаменитого Олимпийского стадиона. И вновь мы в центре бушующего океана болельщиков, с которым не выдерживает сравнения даже атмосфера «Сан-Сиро». Это закономерно: чем южнее расположен город, тем горячее, темпераментнее его жители. В Риме болеют куда более яростно, чем на севере страны — в Милане. Турине, Генуе. При этом ревущие римские трибуны покажутся вам просто робкими и молчаливыми по сравнению с трибунами Неаполя. Закон действует непреложно: чем дальше к югу, тем безумнее любовь местного населения к футболу.

На протяжении большей части матча мы проигрывали. «Рома» владела преимуществом, подолгу запирала нас в штрафной площади, но из бесчисленного множества голевых моментов сумела реализовать лишь один. Впрочем, и этого, казалось, должно было хватить для победы. И вот минут за десять до конца игры я получил мяч в середине поля. Не найдя партнера, которому можно было бы отдать пас, я пошел вперед и с удивлением обнаружил, что никто из соперников не встречает меня. Так мне удалось дойти до границы штрафной площади «Ромы». Ни один партнер так и не сумел предложить себя для продолжения атаки, а время мое истекало, поскольку мне наперерез бросились сразу два защитника.

В том, что произошло дальше, я едва ли отдавал себе полный отчет. Поняв, что действовать придется в одиночку, я бросился вперед: сделал ложный замах, попытался изобразить пару финтов, протолкнул мяч вперед, он стукнулся об чью-то ногу, отскочил в сторону — и вдруг… я обнаружил себя один на один с вратарем, причем мяч по-прежнему был у меня в ногах. Если к этому моменту в голове моей еще оставались какие-то идеи, то теперь улетучились и они. И я — не думая, не глядя — «щечкой»

послал мяч примерно туда, где вроде бы должен был находиться дальний угол.

Все остальное проплыло перед глазами как в тумане: вратарь отчаянно прыгнул в угол, мяч, миновав его, ударился в штангу, а от нее шмыгнул в сетку. В голове у меня окончательно помутнело — заорав и начав размахивать руками, я побежал к угловому флажку. Позже я видел этот эпизод на экране телевизора. Признаюсь честно, у меня был вид просто безумного человека.

В одиночестве я пробыл считанные секунды. Вся команда примчалась обнимать меня. Оставшиеся минуты мы доиграли спокойно и отпраздновали очередной успешный результат. А на следующий день газеты пестрели громкими заголовками типа «ШАЛИМОВ ЗАМОРАЖИВАЕТ СТАДИО ОЛИМПИКО». Видеть их было приятно, не стану лукавить.

* * *

Следующего гола мне пришлось ждать две или три недели. Еще один удивительный матч. Мы отправились в Неаполь — один из наиболее близких к Фодже городов, так что нашу игру с «Наполи» можно было считать своего рода южным дерби. Хотя, по большому счету, «Фоджа» не дотягивала до того уровня, чтобы считаться достойным раздражителем для такого солидного клуба, каким в то время был «Наполи».

Неаполь еще не забыл громких побед своей команды в чемпионатах Италии в 1987 и 1990 годах. Тогда эту команду вел за собой великий Диего Марадона. Сезон 1990/91 сложился для «Наполи» не слишком удачно, команда закончила его на восьмом месте и теперь была полна решимости вернуться наверх (что ей практически удалось — в 1992 году она стала четвертой).

Марадона ушел, его место занял Джанфранко Дзола — маленький футболист огромнейшего таланта. Уже тогда он был известен удивительным умением бить штрафные и считался мастером последнего паса. Впереди его ждала прекрасная карьера, которая позволила говорить о нем как об одном из ярчайших мастеров европейского и мирового футбола.

В том матче я играл в середине поля как раз против Дзолы. Еще одной звездой «Наполи» был бразильский форвард Карека. Дополнительную интригу матчу придавали натянутые отношения наших президентов — Казилло и Ферлаино: не знаю, как соперники, а мы накануне игры прошли в связи с этим особую

психологическую «накачку».

Думаю, излишне говорить о том, что нас встретил полный стадион, на который, кстати, нам удалось попасть с большим трудом. На игру мы направлялись в сопровождении полиции, без помощи которой наш автобус ни за что бы не пробился через знаменитые на весь мир неаполитанские пробки.

Опять с самого начала матч складывался для нас неудачно. Мы проигрывали — 1:3, когда на замену вышел недавно появившийся в «Фодже» Игорь Колыванов. Я спросил его, сколько осталось до конца. «Минут десять», — ответил он. Ситуация, что и говорить, представлялась безрадостной.

А за пять минут до финального свистка я забил гол. Сыграл в стенку с Роберто Рамбауди, вышел на ударную позицию и низом пробил в дальний угол. Получилось красиво, но радости особой не было, ибо в тот момент это воспринималось лишь как гол престижа. Радость пришла на последней минуте, когда Джузеппе Синьори сравнял счет.

Семь лет спустя судьба забросила меня в Неаполь — уже не на один матч. Случайно узнав, что здесь и по сей день вспоминают ту игру, я не очень-то удивился. Есть что вспоминать.

Я не бомбардир, забиваю не так уж много, зато благодаря этому во всех подробностях помню, пожалуй, каждый свой гол. Интересно, неужели так же хорошо помнят всё и форварды, забивающие мячи сотнями?

Наверное, каждый футболист, которому удавалось посылать мяч в сетку чужих ворот, пытается сформулировать, что же такое гол. И, должно быть, как и я. приходит к выводу, что невозможно описать словами свое состояние в тот момент, когда мяч на твоих глазах пересекает запретную линию. Ты просто на секунду становишься самым счастливым человеком на земле.

Чувствуешь ли ты что-нибудь в этот миг, думаешь ли о чем-то? По-моему, нет. Для описания своего состояния мне кажется наиболее подходящим слово «помутнение»: перед глазами все плывет, ты, словно в тумане, куда-то бежишь, что-то кричишь… Куда? Что? Зачем? Ответов на эти вопросы нет, да ты их и не ищешь.

Первый и второй голы в Италии я забивал после значительных перерывов. Довольно долго пришлось ждать и третьего. Зато потом вдруг я выдал серию, вполне достойную форварда средней руки: в шести играх провел три или четыре мяча.

Всего же за сезон я забил девять голов, причем некоторые оказались весьма красивыми. На родине мне так много забивать не удавалось: лучший мой показатель в чемпионатах СССР —

восемь мячей в 1988 году, а в остальные годы — не больше пяти. Успех же мой в «Фодже» тем более удивителен, что команда в то время играла с тремя нападающими — то есть впереди у нас, как правило, было довольно оживленно, и у полузащитников редко появлялась возможность подключаться к атаке.

Конечно, не всегда гол приносит тебе огромную радость. Порой ты чувствуешь, что он бесполезен, и тогда вместо радости испытываешь не то раздражение, не то злость. Так было, например, в нашем втором матче на «Сан-Сиро» — против «Милана».

Это был великий «Милан», лучший клуб мира, за три года выигравший все, что только можно. И будущий чемпион Италии. Марко Ван Бастен, Рууд Гуллит, Франк Рейкаард, Паоло Мальдини, Франко Барези — достаточно одних только имен этих выдающихся игроков, чтобы понять, что матч против них никогда не будет рядовым и запомнится надолго.

Свои ощущения в момент первой встречи с игроками «Милана» я до сих пор помню так, словно все это было вчера. Оставались считанные минуты до начала матча, и мы постепенно стали выходить из раздевалки в коридор, ведущий на поле. Я стоял, прислушиваясь к отдаленному гулу «Сан-Сиро», когда послышалось движение за дверью в противоположной стене, где находилась раздевалка «Милана».

Дальнейшее почему-то видится мне в замедленном изображении, как в кино. Сперва я услышал тяжелые гулкие шаги — бум-м! бум-м! словно к двери приближался каменный гость. Так же медленно дверь раздевалки начала открываться, и один за другим из нее появились наши соперники. Так получилось, что впереди шли действительно настоящие богатыри: Ван Бастен, показавшийся мне великаном, хотя он всего на четыре сантиметра выше меня; обладатель знаменитой растафарианской прически Гуллит, внушавший трепет своей языческой внешностью; Рейкаард, самый высокий из них; наконец, Мальдини, которого боготворил не только Милан, но и вся Италия. С одного взгляда на этих легендарных игроков можно было испугаться: широченные грудные клетки, безупречный рельеф мышц, обтянутых красивыми, знаменитыми на весь мир футболками, огромные ноги, которым, кажется, неведомо, что такое усталость, и, самое главное, — горделивая внешность, та самая внешность, по которой вы без труда узнаете игроков суперклуба — истинных профессионалов, знающих себе цену и безоговорочно уверенных в себе.

Уверенность — это как раз то чувство, которое мгновенно улетучилось у меня при первом же взгляде на тех, с кем нам

спустя считанные мгновения придется играть. Оглянувшись, я посмотрел на своих партнеров и понял, что каждый из них испытывает примерно такие же ощущения. Эта картина была отчасти курьезна — некий комизм происходящему придавал тог факт, что «Фоджа» тогда состояла в основном из игроков довольно мелких. Я, кажется, был чуть ли не самым высоким, тогда как, скажем, наши форварды — Беппе Синьори и Франческо Байано — едва доставали до подбородка миланским исполинам. «Боже мой, — промелькнуло у меня в голове, — на что мы можем надеяться в этой игре?!»

Да, для нас это были не самые приятные воспоминания: «Милан» просто разорвал нас на части, без особого напряжения сил выиграв — 3:1. Я забил гол при счете 2:0. Синьори отдал мне хороший пас, и я с 15 метров в одно касание переправил мяч «щечкой» в дальний угол. Длиннющий вратарь «Милана» Себастьяно Росси все-таки смог кончиками пальцев дотянуться до мяча, но сил перевести его на угловой не хватило.

Несмотря на то, что счет стал довольно скользким, ни я, ни мои партнеры особой радости не испытали. Мы понимали, что наш успех случаен и что ловить нам в тот день было нечего. Так и оказалось: «Милан» чуть прибавил, забил третий гол и спокойно довел матч до победы.

А в том, как опасно раздражать такого соперника, мы еще раз убедились позже — в последнем матче сезона, когда принимали его, уже ставшего чемпионом, на своем поле. К тому моменту «Милан» не проиграл ни одного матча в чемпионате и мог закончить сезон с рекордными показателями. Но после первого тайма мы вели 2:1, грозя испортить чемпиону красивую статистическую картину.

Второй тайм той встречи страшно вспомнить. Разъяренный «Милан» ринулся на нас, как раненый тигр, и забил семь безответных мячей! Пожалуй, нам не стоило в тот день играть с огнем.

Возвращаясь же к первой встрече с «Миланом» на «Сан-Сиро», признаюсь, что отчеты об этом матче, появившиеся следующим утром в газетах, все-таки принесли мне некоторое удовлетворение. Моя фамилия стояла рядом с фамилией Ван Бастена, забившего нам все три гола.

* * *

Думаю, мне удавалось столько забивать благодаря тому, что игра, которую Земан прививал тогда «Фодже», отчасти напоминала спартаковскую. Тренер любил короткий пас, поощрял нас в стремлении завязывать многоходовые комбинации в центре поля. Однако ставил он эту игру совсем не так, как спартаковские тренеры.

Поначалу меня, привыкшего все постигать непосредственно через игру, методы Земана поражали. В Москве мы на тренировках все время работали с мячом, играя в квадрат или «двусторонку». Земан же уделял очень много внимания изучению различных схем, без конца что-то чертил на доске, разъяснял нам свои многочисленные наброски.

Я долгое время не мог понять, как можно играть в футбол по схемам, но с течением времени осознал, насколько важен этот аспект. В Италии вообще работа со схемами очень распространена, ею занимаются многие тренеры. Некоторые, правда, на мой взгляд, перебарщивают, и Земан, думаю, был как раз из таких. Однако понимание его схем, как я постепенно убеждался, было очень важно для понимания итальянского, да и всего современного футбола в целом.

Слово «схема» и по сей день кажется мне каким-то сухим и казенным, нефутбольным, что ли, однако за ним скрывается такое важное понятие, как организация игры. Именно организация игры выходит в современном футболе на первый план. Сегодня, в условиях постоянно растущих скоростей и физических нагрузок, уже нельзя рассчитывать только на техническую оснащенность и изобретательность футболистов.

Земан много внимания уделял организации игры в атаке, заставляя нас часами отрабатывать одни и те же комбинации. Путем бесконечных повторений мы осваивали способы доставки мяча от своих ворот к середине поля, оттуда на фланги, затем в штрафную площадь соперника. Причем в этих упражнениях были задействованы не три-четыре игрока, принимающие непосредственное участие в комбинациях, а вся команда. Потому что каждый футболист должен четко знать свой маневр в любой игровой ситуации. Скажем, если мяч направляется на правый фланг, то левый защитник и левый полузащитник должны немного смещаться к центру, чтобы быть ближе к месту событий и в случае потери мяча суметь подстраховать партнеров и не дать сопернику времени и пространства для контратаки.

Подобных ситуаций в игре возникает великое множество. Конечно, не все можно предусмотреть во время тренировок. Да и никогда нельзя быть уверенным в том, что отрепетированное удастся воспроизвести в игре — ведь есть еще и соперник. Но

главная задача всей тренировочной работы по схемам заключается в том, чтобы выработать у игроков определенные навыки. Когда по пятьдесят раз в день форвард отрабатывает рывок за спину защитникам, а полузащитник — диагональный пас в расчете на его рывок, то эта комбинация буквально заседает у них в голове. И в игре оба будут стремиться к ее осуществлению, постоянно искать варианты, не давая сопернику расслабиться. Глядишь, не с первого, не со второго, так с десятого раза получится. Главное, чтобы каждый четко видел перед собой цель и знал, как ее добиться.

Организацию игры в обороне труднее выразить в схемах, поскольку действия защитников зависят от действий нападающих соперника. Однако общие принципы игры без мяча освоить можно: как прессинговать соперника, перекрывая все пространство поля, как отбирать мяч. В 90-е годы итальянский футбол стал резко развиваться в сторону атакующей игры, команды усиливали нападение, отказавшись в обороне от привычного «чистильщика». Большинство тренеров начали строить защитные порядки в линию, а такая игра требует четкого взаимодействия не только защитников, но всех без исключения футболистов команды. Все варианты этих взаимодействий были отражены в многочисленных схемах, объясняющих, как страховать друг друга в обороне, как не допускать возникновения дыр вблизи собственных ворот.

Если игра в атаке может строиться на фантазии, изобретательности, импровизации, то в обороне она в первую очередь должна быть основана на тонком расчете. Схемы итальянских тренеров вовсе не убивают творчество, как мне казалось вначале. Напротив, за счет того, что многие командные действия благодаря этим схемам отработаны до автоматизма и игрокам не нужно тратить на их выполнение дополнительную умственную и психологическую энергию, эта энергия как раз и высвобождается для творчества.

Мне потребовалось довольно много времени, чтобы понять все это. Понять, что в современном футболе, с его непомерными физическими нагрузками, нельзя рассчитывать на победу только за счет богатой фантазии. Нужны теоретические знания и навыки, для выработки которых и используются многочисленные схемы.

В Италии мне довелось работать со многими авторитетными тренерами. В «Интере» — с Освальдо Баньоли и Оттавио Бьянки, в «Удинезе» с Альберто Дзаккерони, в «Болонье» и «Наполи» — с Ренцо Уливьери. Сейчас только у последнего нет титула чемпиона Италии: Баньоли выигрывал первенство с «Вероной» в 1985 году, Бьянки — с «Наполи» в 1987-м, Дзаккерони — с

«Миланом» в 1999-м. Это тренеры разных поколений: Баньоли сейчас за 60, Бьянки моложе его на восемь лет, Уливьери — на шесть, а Дзаккерони — на восемнадцать. Их творческие манеры, методы работы во многом различны, однако есть одно качество, объединяющее их: каждый при всем своем опыте и авторитете никогда не прочь чему-то научиться у других, не считает зазорным перенять увиденное где-то на стороне, если считает это интересным и полезным.

Именно благодаря постоянному стремлению даже признанных мэтров к творческому росту происходит и постоянный рост итальянского футбола. Быть может, когда-нибудь начнется этот процесс и у нас. Думаю, опыт легионеров, поигравших за границей и многому там научившихся, мог бы принести пользу российскому футболу. Я готов посвятить этому всего себя. Даст Бог, такие времена настанут.

Пока же, увы, приходится отметить, что и в этом наш футбол отстает от европейского. Дело не только в организации игры, которой в России не придают такого значения, как в Италии. Помимо этого, есть еще много аспектов, недооцениваемых нашими клубами. Яркий пример — физическая подготовка. Это важнейший элемент современного футбола, пущенный в России на самотек, тогда как в Европе в любом клубе есть тренер по физподготовке, а в больших клубах порой этим занимается целая группа специалистов. Их задача значительно шире, чем гонять игроков по кругу до седьмого пота или заставлять их качать железо в тренажерных залах. На самом деле физподготовка в сегодняшнем футболе — не менее сложная и важная наука, чем тактика.

Кого из нас не удивляла фантастическая физическая форма игроков «Ювентуса» середины 90-х? Эта команда, казалось, была способна смести со своего пути любого соперника и, в общем-то, так и делала, три года подряд доходя до финала Лиги чемпионов. Ее успехи не кажутся странными тому, кто знает, что в «Ювентусе» работает тренером по физподготовке Джанпьеро Вентроне — самый видный специалист в этой области. Недавно он выпустил книгу, которая мгновенно стала настольным пособием для всех его коллег.

В России же, повторю, обо всем этом если и имеют какое-то представление, то весьма приблизительное. Но я надеюсь, что когда-нибудь наш футбол все-таки сможет приблизиться к профессиональному, и, если эта книга поможет ему сделать хоть один шаг в этом направлении, я буду считать свой труд не напрасным.

* * *

Итак, сезон набирал ход, команда в целом играла хорошо, да и мои дела складывались удачно. Но жизнь футболиста редко бывает похожа на сказку. Постепенно возникли проблемы и у меня. Дала себя знать усталость, накопившаяся с начала года. Поначалу благодаря массе новых ощущений я ее не чувствовал, но пришло время, и она сломила меня.

Срыв наступил в середине сезона. Я провел несколько неудачных игр, что вынудило Земана вызвать меня на не слишком приятный разговор. Сейчас я понимаю, что, выражая недовольство моей игрой, тренер был прав на все сто процентов, но в тот момент его критика показалась мне придиркой. В моей душе начали зреть зерна раздражения, и несколько дней спустя меня уже раздражало решительно всё.

Истерика началась во время тренировки. Я внезапно почувствовал, как глаза мои наливаются слезами, к горлу подкатывает ком, голова затуманивается. Не понимая, что делаю, я сорвал с себя футболку, бросил ее наземь и ринулся прочь.

Со страшными криками я ворвался в раздевалку, открыв дверь ударом ноги, и начал расшвыривать все, что попадалось под руку, — стулья, столы, чью-то форму… Л затем, не прекращая ора, бросился в туалет, где, запершись, просидел около часа. И лишь после этого, немного успокоившись, уехал домой.

На следующий день я направлялся на тренировку с тяжелым сердцем, предвидя нелегкий разговор с тренером. Но Земан поразил меня своей невозмутимостью. Спокойно взглянув на меня, словно ничего и не произошло, он самым обычным тоном спросил: «Пойдешь на тренировку или на массаж?» Я сказал, что предпочитаю массаж, он кивнул и направился к другим игрокам.

Но всеми остальными этот случай обсуждался долго. Что сказать сейчас, по прошествии нескольких лет? Конечно, я был кругом не прав, в свои 22 года не зная, как себя вести. Я не владел собой, не смог сдержаться под грузом усталости и нервного напряжения.

Теперь я понимаю, как мне повезло в том, что все это случилось именно в «Фодже». Истерика не поломала моей карьеры благодаря тому, что в своей команде я занимал прочное положение. Место в основном составе мне, игроку международного уровня, было гарантировано, никто из тех, кто сидел на скамейке запасных, не мог заменить меня. Короче говоря, я не испытывал никакой конкуренции, что в конечном счете спасло меня, ибо руководство клуба посчитало, что я

слишком ценен, чтобы сразу наказывать меня.

В «Интере» подобное никогда не сошло бы мне с рук. На следующий же день я мог бы оказаться на скамейке запасных, где в таком клубе подчас сидят игроки ничуть не ниже классом тех, кто выходит на поле. Вернуться оттуда в основной состав необычайно трудно, поэтому можно только догадываться, с какими проблемами мне пришлось бы столкнуться. В любом случае жизнь моя существенно осложнилась бы.

Но в «Фодже», к счастью, все было значительно проще. Тренер и президент вошли в мое положение, списали истерику на молодость. В душе я, понятное дело, во всем винил Земана: мол, загнал он меня, а я сам все правильно делаю. Тем более что незадолго до этого, почувствовав накопившуюся усталость, я попросил тренеров дать мне отдохнуть, оставить в запасе на матч-другой. Земан пропустил мою просьбу мимо ушей и, как я сейчас понимаю, поступил совершенно правильно: не дело игрока лезть со своими пожеланиями и советами в вопросы, которые решает тренер. Но в тот момент я был на него зол. Что делать: 22 года — горячая голова.

Домашний матч с «Ромой» — первый после моего срыва — я пропустил. Мы проиграли — 1:2. После этого в чемпионате наступил короткий перерыв, и руководство, обсудив со мной ситуацию, отпустило меня на три дня в Москву.

Вернулся я как ни в чем не бывало. Как видно, по молодости мне вполне хватало трехдневных отпусков. Полностью забыв обо всем, я был готов к новым подвигам.

Долго ждать не пришлось: первый же матч после моего возвращения мы проводили в Бари. Вот это уже настоящее дерби — пулийское (Пулия — это область, в которой расположены два города). В общем, одна из важнейших игр сезона для болельщиков обеих команд. В матче первого круга (том самом, накануне которого я дал свое первое интервью) мы уверенно победили — 4:1. Соперник мечтал о реванше, мы же, напротив, собирались развить успех.

Мы вновь начали хорошо, повели в счете, а потом я забил свой самый красивый гол: получил мяч в двадцати пяти метрах от ворот и, не раздумывая, ударил с левой ноги. Ударил без разбега, сделав лишь один шаг, и потому сам удивился, с какой сумасшедшей скоростью полетел мяч. По идеально прямой траектории он прямо-таки вонзился в «девятку», а вратарь даже рук поднять не успел.

От счастья я лишился сил и упал на колени. Ко мне подбежали три товарища, опустились на колени рядом со мной, и мы крепко обнялись. Потом встали и пошли к центру. Так

закончился мой кризис. А игру мы довели до победы — 3:1.

* * *

За полтора месяца до конца чемпионата начались разговоры о моем переходе. Кажется, всем вокруг было ясно, что в «Фодже» я не задержусь.

Обо всех переговорах я в основном узнавал из газет. Главных претендентов было шестеро: «Рома», «Лацио», «Парма», «Наполи», «Сампдория» и «Интер».

Первым объявился «Наполи». Я встретился с одним из руководителей клуба, и мы вроде бы обо всем договорились. Но президент «Фоджи» Казилло, который, как я уже говорил, был не в лучших отношениях с неаполитанским коллегой, наотрез отказался отдавать меня своему врагу. И для пущей убедительности заломил огромную цену — 17 миллиардов лир, то есть 13-14 миллионов долларов. Что ж, синьор Казилло знал, что делает. Я действительно был в то время в центре всеобщего внимания. По итогам сезона меня назвали лучшим иностранцем Серии А. Популярный журнал «Гуэрин спортиво» включил меня в символическую сборную чемпионата. И, как оказалось, расчет президента был верен: нашлась команда, решившаяся выложить за российского игрока такие сумасшедшие по тем временам деньги.

Подобное мог позволить себе далеко не каждый клуб. Большинство претендентов, узнав о цене, снялись с торгов: для «Пармы», «Сампдории», «Лацио» я в то время был не по зубам. Только суперклуб мог осилить такую сделку.

И тут возник «Интер».

УЖИН С ПРЕЗИДЕНТОМ

Президент «Интера» Эрнесто Пеллегрини пригласил меня к себе домой на ужин. Приглашение было сделано заочно, через одного из его подчиненных, так что до этого ужина мне не приходилось ни встречаться, ни разговаривать с этим известным и влиятельным человеком. Мы познакомились, он представил меня своей супруге, которая, однако, не приняла участия в нашей трапезе. За столом компанию нам составил генеральный директор «Интера» Пьеро Боски.

Позже я узнал, что мое знакомство с синьорой Пеллегрини было продиктовано не только и не столько обычными требованиями этикета, сколько практической необходимостью (если слово «практической» уместно в данной ситуации). Дело в том, что супруга президента обладала (по крайней мере, так говорят) уникальным даром определять характер и судьбу человека по сто почерку. Поэтому каждого игрока, которого Пеллегрини намеревался пригласить в «Интер», он приводил домой, а хозяйка при знакомстве протягивала гостю свой альбом и просила его написать что-нибудь на память. Любитель исторических романов не найдет эту сцену необычной: дамский журнал был неотъемлемой частью светской жизни минувшего столетия.

Естественно, каждый охотно выполнял просьбу синьоры Пеллегрини. Я украсил ее альбом русской записью, содержания которой, сколько ни силюсь, припомнить не могу. А ведь эта запись, вполне возможно, сыграла некоторую роль в моей судьбе: изучив мой почерк, супруга президента сочла, что я подойду «Интеру», и дала мужу добро на переговоры. Позже я узнал, что иногда она выносила иное суждение, и президент даже несколько раз слушался ее советов, отказываясь от своих планов насчет приобретения того или иного игрока. Правда, тогда речь шла о незначительных контрактах и не самых важных футболистах. Не думаю, что мнение синьоры Пеллегрини могло бы оказаться определяющим в моем случае, когда на кону стояли такие огромные деньги. Тем не менее, мне было приятно узнать, что я с успехом прошел, так сказать, всестороннюю проверку и сдал, сам того не подозревая, письменный экзамен.

За едой мы с Пеллегрини и Боски вели отвлеченную светскую беседу: об Италии, о футболе, немного обо мне. А закончив ужин, перешли в кабинет, где сразу же приступили к обсуждению деталей моего перехода. Это меня несколько удивило: я полагал,

что цель нашей первой встречи — всего лишь знакомство друг с другом и что деловой разговор будет вестись в другое время и в другом месте. Однако синьор Пеллегрини не захотел откладывать дело в долгий ящик. Как я узнал, на уровне клубов договоренность о моем переходе уже была достигнута, «Интер» принял условия «Фоджи», так что для полного успеха оставалось только получить мое согласие.

Едва ли это можно было назвать равноправными переговорами: с одной стороны — молодой футболист, только начинающий осваиваться в новой жизни, с другой — два опытных бизнесмена, привыкшие ворочать огромными деньгами и руководить массами. Для меня все было впервые: и встреча с людьми такого ранга, и обсуждение контракта с таким знаменитым клубом, — контракта, оговаривавшего такие условия и такие суммы, каких я раньше не видел даже во сне. Для моих же собеседников это были самые обычные переговоры, каких за годы работы в футболе они провели десятки, а может, и сотни.

Думаю, им нетрудно было добиться своего — заставить меня принять устраивавшие их условия. В конце концов, наши силы явно не были равны. И все же я, пусть и не зная толком правил игры, но интуитивно представляя их, пытался следовать этим правилам. Увидев цифры, заложенные в проект контракта, я весьма прилично поднял их, хотя на самом деле был бы счастлив получить и меньшее. Президент вскинул брови и стал объяснять, что не может согласиться на мои условия, так как и без того идет на большие затраты, выкупая мой контракт у «Фоджи» за 17 миллиардов лир. Если к этому прибавить запрошенную мною зарплату, «Интеру», по его словам, грозило чуть ли не разорение.

Я предложил другой вариант: подождать один год. Как я полагал, мой контракт с «Фоджей» был заключен в Москве по формуле «два плюс два». Это значит, по истечении следующего сезона я мог по собственному желанию уйти из клуба, и тогда «Интеру» пришлось бы заплатить «Фодже» значительно меньшую сумму, которая рассчитывалась по действовавшим тогда параметрам для игроков, чьи контракты закончились (учтите, все это происходило до знаменитого «дела Босмана», полностью изменившего систему работы футбольного трансферного рынка).

Вот тут-то и выяснилось, что в Москве меня обвели вокруг пальца: Пеллегрини при мне позвонил в «Фоджу», и директор клуба сказал ему, что я ошибаюсь и что на самом деле мой контракт заключен полностью на четыре года. Значит, свободу выбора я мог обрести только через три сезона. «Фоджа» старательно толкала меня в объятия «Интера».

В общем, довольно быстро мы достигли договоренности. Да

иначе, пожалуй, быть и не могло. Во-первых, Пеллегрини и Боски знали массу способов укатать такого молодого и зеленого игрока, как я, а во-вторых, меня и укатывать-то особой нужды не было. Хотел ли я играть в «Интере» — знаменитом на весь мир клубе с богатейшей историей? Конечно, да. Были ли у меня причины не соглашаться на его условия? Конечно, нет: условия контракта, на которых мы остановились, были очень хорошие. Я считал, что провел переговоры удачно, хотя теперь понимаю, что положение, в котором я тогда находился, при грамотной постановке позволяло мне, никуда не торопясь, диктовать свои условия и сумма контракта могла быть выше. Но мог ли я в той деликатной и необычной для себя ситуации разобраться сам? Как я уже сказал, условия эти были значительно лучше, чем в «Фодже». К тому же согласие президента несколько увеличить мою будущую зарплату сделало меня счастливым от мысли о том, что мне удалось успешно провести переговоры и отчасти настоять на своем. Хотя теперь я понимаю, что сумма, с которой он начал переговоры, была изначально занижена именно с таким расчетом.

* * *

Самое время сказать о том, что за столом во время ужина и переговоров нас было не трое, а четверо: в беседе с синьорами Пеллегрини и Боски принимал участие человек, представлявший мои интересы, то есть считавшийся моим прокуратором. Именно считавшийся, ибо на самом деле он и близко не был похож на настоящего прокуратора. Да и в беседе, если честно, толком не участвовал, вымолвив за весь вечер от силы десяток слов.

Обычно я не называю имен людей, о которых приходится отзываться нелестно. И в данном случае буду придерживаться этого правила.

В прошлом футболист тбилисского «Динамо» и ленинградского «Зенита», он долго жил и работал в Италии и на протяжении многих лет помогал приезжавшим в эту страну советским командам, выполняя функции переводчика и решая постоянно возникающие мелкие бытовые проблемы. Я был знаком с ним еще до приезда в «Фоджу»: мы встречались во время моих поездок со «Спартаком» в Бергамо на матч с «Аталантой» в Кубке УЕФА и со сборной на чемпионат мира 1990 года.

Когда же я оказался в Фодже, знакомые напомнили мне об этом человеке и посоветовали связаться с ним, поскольку мне, не

знавшему тогда ни итальянского языка, ни новой для меня жизни, была необходима помощь буквально во всем.

На первых порах он был очень полезен: организовывал мои поездки за границу — домой и на матчи сборной, оформлял визы, провожал и встречал в аэропорту, попутно давал ценные советы в обыденной жизни, подсказывал, что и как сделать. В общем, был отличным администратором.

Если бы этим и ограничивалось наше сотрудничество, думаю, я бы сохранил об этом человеке вполне приятные воспоминания. Но, увы, он взял на себя и обязанности прокуратора, а это, надо признать, ничего хорошего мне не принесло.

Администратор и прокуратор — две совершенно разные должности. Одно дело — встречать человека в аэропорту, и совсем другое — решать его судьбу, организовывая переход из клуба в клуб. Настоящий прокуратор, как я со временем понял, — это профессионал высочайшего класса, прекрасно знающий законы, ориентирующийся в футбольном бизнесе, разбирающийся в финансовых вопросах. От него не требуется постоянного участия в жизни игрока — порой бывает достаточно включиться в работу один раз за три или четыре года и организовать своему клиенту такой контракт, который позволит ему (а вернее, им обоим, ибо заработок прокуратора напрямую зависит от заработка футболиста) спокойно жить последующие несколько лет. Это может быть контракт не только с клубом, но и с различными спонсорами — скажем, на рекламу бутс.

Во всем этом он оказался некомпетентен, что, впрочем, и не удивительно: люди, со временем становящиеся высококлассными прокураторами, очень долго осваивают свою будущую профессию, изучают различные науки и проходят тестирование, чтобы получить соответствующую лицензию (у этого человека этой лицензии не было, но я в то время понятия не имел, что она необходима). Футбол, особенно в Италии, давно стал серьезнейшим бизнесом, и сегодня в нем не может преуспеть неквалифицированный самоучка.

Он получал от меня вознаграждение, ничуть не уступающее тому, какое потребовал бы классный прокуратор, но при этом не приносил никакой пользы (бытовые вопросы не в счет), а, скорее, наоборот, вредил. Прокуратором должен быть человек, умеющий достойно представить своего клиента в глазах прессы, на переговорах с руководителями клубов и во многих других важных ситуациях. Этого, к сожалению, от него ждать не приходилось. Он был совершенно незнаком с итальянским футбольным миром, а потому для него встреча, скажем, с президентом «Интера» явилась таким же необычным событием, как и для меня. Неудивительно,

что от смущения он за весь вечер, проведенный в доме Пеллегрини, не сумел выдавить из себя хоть несколько слов. Настоящий же прокуратор беседует с акулами футбольного бизнеса на равных, его не смутишь громкими именами, а потому он всегда способен спокойно и профессионально провести переговоры и отстоять интересы своего клиента.

Да, я совершил большую ошибку, доверив свою судьбу этому человеку. Но мог ли я избежать этой ошибки? Я не знал языка, не был ни с кем знаком, не мог ни у кого спросить совета. В первые месяцы в Италии он был соломинкой, за которую я ухватился в надежде не сгинуть в водовороте совершенно незнакомой жизни.

Первая мысль о том, что я связался не с тем, с кем следовало, посетила меня через несколько месяцев, когда я начал осваивать итальянский язык. По мере того как росли мои знания, я все больше убеждался в том, что он говорит по-итальянски весьма посредственно. Иногда, слушая его, я содрогался при мысли о том, что такой человек представляет меня в глазах общественности.

Три долгих года я вынужден был «работать» с ним — иначе как в кавычках я не могу употребить это слово, ибо его действия очень трудно назвать работой. Все самые важные вопросы мне приходилось решать самому, а значит, решать далеко не лучшим образом. Будь рядом со мной компетентный прокуратор, вся моя карьера могла бы сложиться по-другому, я играл бы, возможно, в других клубах, а если бы и в тех же, то по крайней мере на других условиях.

Он же не мог решить для меня ни одного более или менее серьезного вопроса. Скажем, по приезде в Фоджу я не сразу получил предусмотренные контрактом квартиру и машину. Жил первое время в гостинице — лучшей в городе, но не слишком комфортабельной, — на тренировки ездил с нашим вратарем Франческо Манчини, который каждый день подбирал меня по пути из дома на стадион или на базу, а потом привозил назад.

Время от времени я просил своего «прокуратора» обсудить вопрос о моей квартире с руководством, но каждый раз он возвращался ни с чем. Лишь месяца через четыре, когда я уже более или менее сносно мог объясниться по-итальянски, я сам пошел к президенту и уладил этот вопрос за несколько минут. Уже на следующий день меня повезли показывать квартиры. Впрочем, долго показывать не пришлось: я взял первую же увиденную.

Она произвела на меня, жившего с родителями в Москве в небольшой трехкомнатной квартире на Преображенке, неизгладимое впечатление. Две светлые комнаты и кухня,

переходящая в столовую, — это просторное жилище показалось мне просто громадным. Я мгновенно согласился жить в нем и на следующий же день перевез все свои пожитки — большую спортивную сумку.

В то же время мне дали и машину — новенькую «лянчу» последней модели. В общем, получить то, что мне было положено по контракту, оказалось совсем не трудно.

Вероятно, вся проблема заключалась в том, что никто из солидных людей просто не воспринимал его всерьез. И это меня, честно скажу, нисколько не удивляет.

Сейчас мне уже за тридцать, вся или почти вся моя карьера позади. Оглядываясь назад, я могу вспомнить и много хорошего, и кое-что плохое — собственно говоря, именно этим я в данный момент и занимаюсь. Едва ли стоит сожалеть о том как могло бы все сложиться, если бы… К чему лить слезы над тем, чего не изменишь?

Читая эти строки, можно подумать, что достаточно иметь хорошего прокуратора — и будешь играть в «Интере» или «Реале». Нужно было лучше тренироваться, играть, и не было бы никаких проблем. Но в жизни профессионального футболиста есть моменты, когда от его физической формы зависит не все. Приведу пример нашего известного футболиста Сергея Алейникова, игравшего в свое время в «Ювентусе». Он отыграл в «Юве» один год и выиграл кубок УЕФА. Постоянно выходил в основном составе и выглядел очень прилично. Д. Дзофф, тогдашний тренер «Ювентуса», не имел никаких претензий к игроку и, уверен, не был бы против, если бы Алейников остался в команде на следующий год. В то время у него был итальянец, который представлял его интересы. Он сказал Сергею, что тот не может остаться в «Ювентусе» и должен перейти в «Лечче», даже имея контракт еще на два года. Его прокуратор был заинтересован в переходе и не думал об интересах игрока. Сергея вынудили принять решение, о котором он в будущем, узнав, что мог спокойно остаться в «Юве», очень жалел. И карьера его могла сложиться по-другому, останься он в великом клубе.

Но я могу изменить будущее — например, сделать так, чтобы тот, кто отправляется по моим стопам, сумел избежать моих ошибок. Одно доброе дело я уже сделал: посоветовал хорошего прокуратора одному нашему игроку, недавно приехавшему в Италию. Он стал первым, кто с первых шагов находился под опекой первоклассного специалиста. Дай Бог, чтобы эта книга позволила сделать правильный выбор тем, кто сейчас читает эти строки в надежде со временем попасть в европейский профессиональный футбол.

* * *

После ужина с Эрнесто Пеллегрини я вернулся домой игроком «Интера». Мы с президентом достигли полной договоренности о моем переходе и подписали предварительный контракт. Но до конца сезона оставалось еще больше месяца, и все наши планы должны были храниться в секрете. Таковы правила игры, и их нарушение грозит серьезными последствиями.

Я понимал это и не собирался раскрывать тайну раньше времени. Однако все же обмолвился о готовящемся переходе в разговоре с одним московским журналистом, который не преминул сообщить эту новость в своей газете. Я об этом не знал, а впрочем, если бы и узнал, то, думаю, два ли начал бы беспокоиться: откуда кому-либо в Фодже станет известно о том, что пишет московская пресса?

К сожалению, все выплыло наружу довольно быстро: не знаю, сыграл ли роль тот факт, что у президента Казилло был бизнес в России, или просто в итальянских клубах принято следить за тем, что пишут об их игроках на родине, но, так или иначе, разразился скандал. Кто-то перевел президенту газетную заметку, и над моей головой сгустились тучи. Мне грозили чуть ли не судебным процессом, но потом, к счастью, страсти улеглись, а я получил лишний урок: не следует быть слишком откровенным с репортерами, которые ради возможности первыми опубликовать сенсационное сообщение часто готовы пренебречь любыми правилами, особенно когда ответственность за это несут другие.

Итак, еще больше месяца я должен был защищать цвета «Фоджи», в душе уже чувствуя себя игроком «Интера». Это очень странное, необычное ощущение: смотришь вокруг на уже ставшие привычными, отчасти родными улицы, дома и лица и вдруг сознаешь, что вскоре тебя здесь не будет. В этот момент сердце замирает от какого-то сладкого воодушевления.

Не то чтобы мне не нравилось в «Фодже» — нет, за эти несколько месяцев я привык к команде, к ребятам, хоть слабое знание языка и не позволяло мне по-настоящему сдружиться с ними, привык к городу и его жителям. Маленькая, сумбурная, как все южные города, Фоджа не представляла из себя ничего необычного. Туристу там вообще не на чем было бы остановить взгляд: главной достопримечательностью этого типичного провинциального города был небольшой фонтан на центральной

площади, а о существовании каких-либо достопримечательностей, исторических мест или чего-нибудь в этом роде мне слышать не доводилось. Думаю, там ничего такого и не было, иначе иностранцу непременно что-нибудь показали бы.

Вскоре меня ждал Милан — один из величайших городов мира, огромный европейский центр с богатой историей. Но маленькая жаркая Фоджа, в которой самое высокое здание, кажется, имело пять этажей, от сравнения с этим знаменитым мегаполисом ничего не теряла в моих глазах. Она навсегда останется городом, в котором я сделал первые шаги в неизвестный мне мир, в котором по-настоящему ощутил всенародную любовь к футболу. Куда бы я ни пошел, меня всегда узнавали на улице, в магазине или ресторане, каждый прохожий смотрел на меня, как на своего лучшего друга, не упуская случая улыбнуться, подмигнуть, сказать что-то теплое или похлопать по плечу. Это позволяло мне, гостю из далекой — не столько по расстоянию, сколько по духу — страны, с трудом избавлявшемуся от своих многочисленных комплексов, обрести свободу, покой и комфорт. Буду ли я так же чувствовать себя в бурлящем многомиллионном Милане?

До приезда в Фоджу я не представлял себе, насколько велика может быть любовь болельщиков к своим футболистам. За день-два до очередного матча футбол становится единственной темой всех разговоров, а утром накануне игры город преображается, одеваясь в бесчисленные красно-черные флаги. После обеда же для того, чтобы найти стадион, вам не потребуется ни единого вопроса: все, кого вы можете встретить на улицах, идут только в одну сторону. И за час до стартового свистка, когда, еще не переодевшись для разминки, мы выходим на арену, чтобы снять напряжение ожидания и пощупать травку — эту изумительную изумрудную травку, — нас оглушительным воплем приветствуют заполненные до отказа трибуны.

На протяжении всего матча болельщики поют, не умолкая ни на секунду. Южане любят и умеют петь. В репертуаре поклонников «Фоджи» всегда есть специальные песни про каждого игрока. Был среди них и куплет про меня. Его в числе прочих исполняли перед началом каждой игры — такова традиция. Во время же матча поются другие песни. А шанс вновь услышать гимн в свою честь игрок получает лишь тогда, когда поражает ворота соперника.

Мне такой шанс представился во время встречи с «Фиорентиной».

Это был необычайно напряженный матч, закончившийся

вничью — 3:3. Мы пропустили быстрый гол, но сумели прийти в себя и до перерыва полностью переигрывали соперников. Сперва отыгрались, затем повели в счете, а в самом конце тайма я забил третий гол. Так получилось, что это был мой единственный в сезоне гол на нашем стадионе — остальные восемь я забил в гостях.

В этот момент трибуны вскочили в едином порыве и запели гимн в мою честь. В переводе немудреный текст звучит так:

Он приехал из России,
Его прислал Горбачев,
Он высокий и могучий,
И зовут его Шалимов.

Законы поэзии требовали в угоду рифме делать в моей фамилии ударение на последний слог. Но это меня не смущало.

Когда двадцать с лишним тысяч человек, стоя, пели этот незатейливый куплет, сердце в моей груди сжалось в комок. Одного такого эпизода продолжительностью в несколько секунд хватит для того, чтобы игрок понял: много лет назад, избрав футбол делом своей жизни, он не совершил ошибку.

* * *

Как я уже говорил, в Фодже мне не удалось завести настоящих друзей среди партнеров по команде. Не потому, что у меня возникли какие-то проблемы при попадании в новый коллектив — напротив, я очень быстро схожусь с людьми, и на протяжении всей моей карьеры у меня нигде и никогда не было ни малейших трений. Легко и без проблем я вливался в любую компанию, и в некоторых из них у меня действительно появлялись друзья. Но в «Фодже» это было невозможно прежде всего из-за языкового барьера. Со всеми одноклубниками у меня сложились хорошие отношения, многие были мне по-настоящему симпатичны, да и ко мне относились по-товарищески, но для дружбы мне явно не хватало знания итальянского языка. Я понимал далеко не все, что говорилось вокруг, не всегда мог поддержать разговор, особенно шутливый, а ведь именно юмор быстрее всего сближает людей. Хорошая шутка — и правильная реакция на нее — сразу располагает собеседников друг к другу. Но куда мне было шутить в первые месяцы, когда я с трудом мог

выразить самую элементарную мысль?

Первым человеком, с которым мне пришлось более или менее тесно общаться (если наши отношения можно назвать общением), стал Алессандро Порро — очень симпатичный парень. Нас поселили в одной комнате на первых сборах. Кстати, именно его мне предстояло заменить в основном составе команды: предыдущий сезон он отыграл на позиции правого полузащитника — той самой, которую теперь должен был занять я. К счастью, это обстоятельство никакие сказалось на его отношении ко мне: не испытывая ни ревности, ни зависти, ни обиды, ни каких-либо других отрицательных эмоций, он старался во всем помогать мне и действительно очень помог. Я много времени проводил с ним и его невестой, которая немного знала русский и тоже старалась быть полезной в любых бытовых вопросах. Вероятно, я все же могу назвать Алессандро другом, поскольку наше общение не прекратилось после моего отъезда из «Фоджи» — мы довольно часто перезванивались впоследствии.

На первом сборе мы расположились в весьма скромной гостинице — настолько скромной, что в ее двухместных номерах были неравноценные кровати: одна побольше, другая поменьше. Зденек Земан лично контролировал процесс размещения и, войдя в нашу комнату, дал мне указание занять большую кровать, а маленькую отвел для Алессандро.

Языком нашего общения с товарищем по комнате стал английский. Алессандро владел им не то чтобы свободно, но вполне сносно. Ну, а я… Я в то время по-английски говорил значительно лучше, чем по-итальянски, то есть знал слов восемь-десять.

Наши разговоры отличались феноменальной лаконичностью: наверное, за все время ни один из нас не обратился к другому с фразой, состоявшей хотя бы из трех слов «я спать», «я гулять», «я есть» — примерно так мы докладывали друг другу о своих планах на ближайшее будущее.

Позже, когда я уже научился объясняться по-итальянски, мы вспоминали наш первый опыт общения. И я с удивлением спросил его: «Почему же ты так мало говорил со мной, ведь твой английский совсем не плох? Я-то молчал просто потому, что не хотел позориться в твоих глазах». Его ответ поразил меня: «Знаешь, я тоже боялся попасть впросак. Я думал, что ты, игрок сборной, поездивший по миру, прекрасно говоришь по-английски, и стыдился своих слабых знаний». Эти воспоминания доставили нам немало веселых мгновений: как оказалось, каждого из нас предупредили, что его будущий сосед знает английский, но это предупреждение не только не вдохновило нас, но, напротив,

возымело обратное действие. И мы, стараясь избежать позора, жили почти в полной тишине.

* * *

Через несколько месяцев у меня появился настоящий друг — Игорь Колыванов, пришедший в «Фоджу» в ноябре из московского «Динамо». Его приезд стал для меня подлинным праздником, да и он, конечно, был рад попасть в команду, где уже играл его соотечественник. Мы очень много времени проводили вместе, хотя он, как человек семейный, был больше привязан к своему дому, чем я, предоставленный самому себе. Я часто гостил у Игоря и Моны, стараясь, впрочем, не задерживаться дольше, чем позволяли приличия.

К приезду Игоря я уже достаточно освоился в Фодже, чтобы помочь ему многочисленными советами. Весь мой, пусть и небогатый, опыт был к его услугам, и в этом ему повезло. Но не повезло в другом: Игорь приехал в новый клуб после долгого сезона в «Динамо», причем сезон этот он провел отнюдь не спустя рукава, став лучшим бомбардиром и получив от журналистов титул лучшего игрока последнего чемпионата СССР. Понятно, что для «Фоджи» сил у него осталось не так уж много.

К тому же команда наша была в тот момент на хорошем ходу, основной состав сыгрался, и пробиться в него Колыванову было непросто. Вообще, игрок, не прошедший с командой предсезонную подготовку, может рассчитывать на место в составе только в случае чьей-либо травмы или если дела у команды не заладятся. Но «Фоджа» в тот год, как я уже говорил, прыгнула выше голому к тройке нападения Синьори — Байано — Рамбауди никаких претензий у тренера быть не могло, да и судьба их берегла, избавив от травм и дисквалификации, так что ни один из наших форвардов не пропустил за сезон больше, чем одну-две игры.

Колыванов в основном выходил на замену, и то, что в этой ситуации он все-таки сумел за полсезона забить три гола, делает ему честь. Впрочем, едва ли я должен здесь убеждать кого-то в его достоинствах. Дальнейшая его карьера в Италии показала, что Игорь — футболист высокого класса. После удачного сезона 1991/92 руководство клуба распродало полкоманды, получив приличную прибыль: к примеру, я отправился в «Интер», Синьори — в «Лацио», Байано — в «Фиорентину». В этой ситуации

«Фодже», казалось, грозил неминуемый крах, и то, что обескровленная команда сумела еще в течение двух лет сохранить место в Серии А — во многом заслуга Колыванова, взявшего на себя роль лидера. И только тяжелая травма, полученная им осенью 1994 года в Москве в отборочном матче чемпионата Европы со сборной Сан-Марино и выведшая его из строя на две трети сезона, привела к тому, что весной 1995-го «Фоджа» все-таки свалилась в Серию В.

Начав разговор о карьере Игоря, не могу не повторить того, что раньше говорил о себе: я убежден, что, будь рядом с ним нужный человек, его карьера сложилась бы совсем иначе.

Я часто задумывался о том, есть ли у футболиста из России шанс стать на Западе настоящей «звездой». Конечно, неподготовленность нашего человека к западной жизни, совершенно неподходящий для нее менталитет, многочисленные наши комплексы и предрассудки — все это в значительной степени понижает шансы россиян в сравнении с игроками из Западной Европы. Но есть ведь «звезды» и среди восточно-европейских футболистов — куда более близких нам по духу румын, болгар, югославов, чехов.

Не хочу проводить здесь сравнения конкретных футболистов. Такие сравнения будут некорректны, поскольку нужно говорить об условиях, в которых смог или не смог раскрыться талант того или иного игрока. На этот счет у каждого любителя футбола могут быть свои выводы и суждения. Я лишь ограничусь тем, что выскажу собственную точку зрения: на мой взгляд, лучшие наши игроки по масштабу своего таланта не уступают многим общепризнанным «звездам» Восточной Европы. Тот же Колыванов, по моему глубокому убеждению, мог бы стать не менее яркой «звездой», чем, скажем, Стоичков, Бокшич или Миятович.

Обсуждать здесь, повторю, совершенно нечего: каждый из нас может лишь предполагать, как повел бы себя Колыванов, попади он в такую великую команду, как «Барселона», «Реал» или «Милан». Сумел бы раскрыться, как сумели наши «братья по соцлагерю»? Мне кажется, что сумел бы. Если у кого-то другое мнение на это счет — что ж, каждый волен думать по-своему.

Беда, увы, в том, что Колыванову никогда не был предоставлен шанс проверить себя. Был момент, когда Игорь просто блистал в лишившейся всех ведущих игроков «Фодже». На поле ему не было равных, и все прекрасно понимали — а в Италии, поверьте, в футболе разбираются, — что только благодаря ему более чем средняя команда держится на плаву. Все газеты ставили ему наивысшие оценки, чуть ли не после каждого матча включая в символическую сборную тура, тренеры многих

команд расточали ему комплименты, болельщики «Фоджи» просто готовы были носить его на руках. В общем, в течение довольно долгого времени Игорь Колыванов был одним из самых популярных футболистов в Италии. В прессе то и дело рождались слухи о его грядущем переходе, причем в связи с этим фигурировали далеко не последние клубы. Помню, говорили про «Милан», «Фиорентину», «Парму». Конечно, не всему, что пишут газеты, можно верить, но ведь и дыма без огня не бывает.

Если бы рядом с ним в этот момент оказался настоящий прокуратор, он непременно сумел бы воспользоваться ситуацией, правильно оценить ее и подобрать Игорю хороший клуб. Возможно, тогда сравнения Колыванова со Стоичковым или Миятовичем не казались бы беспочвенными. Но, увы, Игорь не мог рассчитывать ни на чью помощь, и ему пришлось провести в «Фодже» значительно больше времени чем требовалось, и даже отправиться с ней в Серию В, прежде чем перейти в «Болонью» — клуб с богатой историей, не раз выигрывавший чемпионат и Кубок Италии, но переживший в недавнем прошлом тяжелые времена. Именно там, в «Болонье», несколько лет спустя наши пути вновь пересекутся.

* * *

Мой первый сезон в Италии подошел к концу. Разгромное домашнее поражение от «Милана» в последней игре чемпионата — 2:8, конечно, подпортило нам настроение, но в целом мы были довольны собой и могли не прятать глаз от болельщиков. Впрочем, наши поклонники отнеслись к проигрышу с пониманием: «Фоджа» сделала все, что могла, и не только выполнила главную задачу, сохранив место в Серии А, но и заняла высокое девятое место. Кстати, «Интер», майку которого мне предстояло надеть в ближайшем будущем, стоял в итоговой таблице лишь на одну строчку выше.

Несмотря на град голов, обрушившийся на наши ворота в последнем матче с чемпионом, мы закончили сезон пусть и не с положительной, но зато и не с отрицательной разностью мячей. Как вы уже поняли, разность оказалась нулевой: 58 голов забито и столько же пропущено. Привожу здесь эти цифры не случайно, ибо они заслуживают внимания.

Статистика наших выступлений показывает, что «Фоджа» явно не была бледным, незаметным середнячком Серии А. Лишь

один клуб сумел забить в чемпионате больше, чем мы, — обладатель чемпионского титула «Милан». Правда, и по количеству пропущенных мячей мы тоже оказались на втором месте: только у замкнувшего таблицу «Асколи» оборона сыграла слабее. Так что, как видите, зрителям на наших матчах скучать не приходилось: всего однажды — в Генуе с «Сампдорией» — мы сыграли 0:0, в среднем же в матче с участием «Фоджи» забивалось больше трех голов.

Эти показатели вполне объективно отражают тренерскую концепцию Зденека Земана, активного приверженца атакующего футбола. Организации игры в атаке он всегда уделял наибольшее внимание и на тренировках, и на теоретических занятиях. Я уже говорил о том, что «Фоджа», как правило, играла с тремя нападающими, да и моя небывалая результативность — девять голов за сезон — свидетельствует о том, насколько много атаковала наша команда.

Конечно, у всякой медали есть оборотная сторона: увлекаясь организацией атаки, Земан поневоле пренебрегал обороной. Наши защитные порядки он выстраивал в линию и в качестве главного оружия проповедовал искусственный офсайд. История мирового футбола знает много примеров того, как этот прием, отточенный до совершенства, делал оборону практически неуязвимой. Пожалуй, самый яркий из этих примеров — бельгийский «Стандард» конца 70-х — начала 80-х: безупречная офсайдная ловушка в исполнении игроков льежского клуба запомнилась мне по его матчам с тбилисским «Динамо» в Кубке кубков.

Однако «Фоджа» явно не располагала игроками такого класса, какие были в том «Стандарде». Довести такой сложный прием до совершенства нашим защитникам было не под силу, поэтому все усилия Земана организовать оборону так, как ему хотелось, были тщетны. Довольно часто нам удавалось успешно применять искусственный офсайд, но коварство этого приема в том, что у тебя нет права на ошибку, ибо ошибка неизменно приводит к выходу соперника один на один с твоим вратарем. Если же учесть, сколь высоко мастерство нападающих в Серии А, то каждый такой выход — это гол на 90 процентов. В итоге получалось, что оборона «Фоджи» в принципе ошибалась не так уж часто, но практически каждая ее ошибка становилась роковой. Так что наша борьба за повышение результативности итальянского футбола велась одновременно на двух фронтах: много забивая, мы и соперникам не слишком уж препятствовали в этом.

Дальнейшая карьера Земана показала, что все его команды —

и «Лацио», и «Рома» — много забивали. Но при этом им удавалось значительно меньше пропускать: видимо и класс защитников был значительно выше, да и тренер, наверное сделал нужные выводы и скорректировал свой подход к организации обороны. Так или иначе, и для Земана «Фоджа» стала своего рода трамплином в большой итальянский футбол. И со временем он стал по праву считаться одним из ведущих и наиболее авторитетных специалистов в Серии А.

Этого незаурядного человека, под руководством которого я открывал для себя итальянский футбол, я всегда буду безмерно уважать. В свое время в интервью российским газетам я по молодости (читай: по глупости) наговорил о нем много дурного под влиянием конфликта, приведшего к моему нервному срыву. Сегодня мне стыдно за каждое тогдашнее слово, и потому я чувствую себя обязанным восстановить справедливость и побольше рассказать о Зденеке Земане.

* * *

Можно только удивляться тому, как этот чех, нелегально покинувший родину в 1968 году, когда в Чехословакию вошли «братские» советские танки, сумел из полной безвестности подняться до вершин итальянского футбола. Тренер-иностранец в «кальчо» вообще явление не слишком распространенное, а кроме того, специалисты, которым все-таки доверяли команды Серии А, как правило, приезжали в Италию уже с громким именем. Оцвирк и Эррера, Менотти и Лидхольм, Лазарони и Бошков, Луческу и Эрикссон… Одни стяжали славу в качестве блистательных футболистов, другие добивались успехов, тренируя большие заграничные клубы или сборные.

У Земана же, перебравшегося на Апеннинский полуостров в 19 лет, не было ни имени, ни опыта, но, видимо, их заменили целеустремленность, трудолюбие и талант. Иначе он бы никогда не стал одним из ведущих тренеров в Италии.

Тринадцать лет потребовалось ему, чтобы получить первую футбольную должность — он возглавил молодежную команду «Палермо». А два года спустя, в 1983-м, начал самостоятельную тренерскую карьеру: вывел «Ликату» из Серии С2 в С1, затем, недолго пробыв в «Фодже», перебрался в Серию В. После «Пармы» и «Мессины» оказался в «Фодже», которую на второй год работы вывел уже в высший дивизион. Три сезона в Серии А позволили

ему сделать имя и получить приглашение из столицы. Сперва «Лацио», потом «Рома» — так Земан прочно закрепился на одном уровне с командами, обладающими богатой историей.

Он никогда не был особенно популярен среди журналистов, сдержанностью и неразговорчивостью производя впечатление угрюмого человека. Да он и не стремился к популярности, а, напротив, часто вредил своему имиджу независимыми и неожиданными суждениями. Честность, откровенность и принципиальность всегда были для Земана важнее политического этикета и вежливой уклончивости, подтверждением чему может служить хотя бы недавний случай, когда накануне сезона 1998/99 он потряс итальянский футбольный мир заявлением о том, что современная игра слишком уж подвержена вмешательству врачей и ее характер часто изменяется под влиянием медицинских исследований и разработок. Разгорелся нешуточный скандал, в ходе которого Земана клеймили позором и оскорбляли как клеветника, но все это он пропускал мимо ушей, нимало не заботясь о том, чтобы вступать в полемику с противниками. Его всегда интересовала только его работа.

Работал он действительно много: его тренировки, пожалуй, были тяжелее, чем у любого другого тренера, под чьим руководством мне доводилось играть. Земан любил придумывать необычные упражнения. Скажем, каждый вторник привозил нас на стадион, и мы начинали прыгать вверх-вниз по трибунам — это, скажу я вам, было ничуть не легче, чем качать железо в спортзале.

Только с Земаном мы выезжали на гостевую воскресную игру в пятницу, а не в субботу, чтобы иметь весь день для полноценной подготовки к матчу. Да и проводимые им сборы всегда отличались напряженным графиком работы. Лично мне это всегда нравилось, поскольку я давно заметил, что чем больше тренируюсь, тем лучше играю. Но не только мне, а, думаю, и всей команде предлагаемые Земаном нагрузки шли на благо, готовя нас к соперничеству с более сильными, более славными, более могучими суперклубами, переполненными «звездами» мировой величины.

Были, конечно, у Земана и свои суеверия. Самой необычной мне казалась привычка называть стартовый состав в последнее мгновение. Приезжая на стадион за час до матча, мы были в полном неведении относительно планов тренера и шли на разминку всей командой, одетые в тренировочную форму. И только после разминки, когда пора уже было выходить на игру, Земан самолично раздавал нам футболки с номерами. Тут-то мы и узнавали, кому следует бежать к центру поля, а кому садиться

на скамейку.

Выходя из тоннеля на поле, Земан оборачивался к трибуне, ибо знал, что на самом нервом ряду его ждет болельщик, который уже держит в руке пакетик с леденцами. Этот пакетик он протягивал тренеру сквозь решетку, отделяющую трибуну от поля, Земан клал леденцы в карман и на протяжении всей игры не переставал сосать их.

В обязанности другого помощника входило участие в традиционном соревновании, проводившемся накануне каждого матча. Пока команда разминалась перед тренировкой на одной половине поля, Земан с ассистентом на другой упражнялись в ударах на точность. Вблизи ворот устанавливался контрольный мяч. «Дуэлянты» отходили к центру, после чего каждый должен был пробить так, чтобы его мяч остановился как можно ближе к контрольному. По итогам дуэли Земан, видимо, определял исход или характер предстоящего матча.

Таких странностей у моего первого тренера в Италии было немало. Но не странности, а высокий профессионализм позволил ему, никому не известному эмигранту, занять достойное место в святая святых итальянского общества — в футболе, который здесь часто и с полным основанием сравнивают с религией.

Но сегодня, увы, Земан не работает в Италии. Тот скандал, разгоревшийся накануне сезона 1998/99, не прошел бесследно: «кальчо» не простил тренеру критических слов, и по окончании чемпионата «Рома» отказалась от услуг чеха, пригласив на его место знаменитого Фабио Капелло, в прошлом прекрасного игрока «Ромы», «Ювентуса», «Милана» и сборной Италии, который в свое время в качестве тренера принял «Милан» из рук Арриго Сакки и привел красно-черных к новым победам в чемпионатах страны и Лиге чемпионов. Ну, а Земан был вынужден отправиться в Турцию. Начало сезона 2000/01 года он провел в «Наполи», но неудачи команды заставили его уйти.

* * *

И вот сезон 1991/92, мой первый сезон в Италии, завершился. Теперь уже можно было раскрыть карты и спокойно подписывать новые контракты. Я официально стал игроком «Интера». Одновременно выяснилось, что, помимо меня, «Фоджа» лишится еще доброй половины своего основного состава: ушли Синьори, Байано, Рамбауди и другие. Руководство клуба, думаю, было

довольно: на гребне нашего успеха ему удалось сорвать приличный куш, ибо всех нас, привлекших к себе внимание футбольной Италии, распродали отнюдь не по дешевке. Но вместе с тем это означало конец «Фоджи», крах надежд и амбиций команды и ее болельщиков. Первый сезон клуба в Серии А стал для нее лучшим, на дальнейший же прогресс надеяться уже не приходилось.

Еще два года Земану и Колыванову удавалось держать команду на плаву. Но в сезоне 1994/95, когда тренер ушел в «Лацио», а ведущий форвард получил тяжелую травму, «Фоджа» рухнула.

К тому времени у клуба был уже новый президент. Не знаю, его ли в том вина, но «Фоджа» с тех пор продолжает движение только вниз: из Серии В — в Серию С1, затем в С2, и вот теперь уже ей вообще грозит переход в ранг любительского клуба. Можно ли было представить подобный исход весной 1992-го, когда маленький южный город бурлил, окрыленный нашим успехом?

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СУПЕРКЛУБ

Сразу же по окончании сезона, подписав официальный контракт с «Интером» на четыре года, я прибыл в Милан на собственную презентацию: меня, нового игрока клуба, представили журналистам и болельщикам.

Это мероприятие проходило в шикарной гостинице «Принчипи ди Савой». Наконец-то я дождался того внимания к своей персоне, о каком грезил еще в самолете Москва — Рим. У входа в отель меня встретили и взяли в плотное кольцо с десяток репортеров, непрерывно щелкавших фотокамерами.

Перед тем как войти внутрь, я встретился с группой болельщиков. Они тепло приветствовали меня, пожелали удачи и подарили черно-синий шарф, а затем мы некоторое время позировали перед теле- и фоторепортерами. Уже здесь я понемногу начал понимать, что, помимо всего прочего, большой клуб отличается от маленького и своими болельщиками. В Фодже мне не приходилось жаловаться на невнимание со стороны поклонников: я уже говорил, что, как и всех остальных игроков, меня всегда узнавали на улицах и мы ежеминутно ощущали безграничную любовь горожан. II все же в Милане это выглядело совсем иначе. Я стал частью великого клуба, а значит, и великой болельщицкой культуры. Излишне говорить, что у «Интера» поклонников в сотни, тысячи, а может, и в сотни тысяч раз больше, чем у «Фоджи». К тому же они разбросаны повсюду: куда бы ни приезжал я со своей новой командой, нас непременно встречали члены местного фан-клуба «Интера», которые разбросаны не только по всей Италии, но и по всему миру.

Болельщики суперклуба мирового уровня, каким является «Интер», — это совершенно особая каста. От остальных, так сказать, рядовых любителей футбола их отличает многое, в том числе и высокий уровень организации, о которой свидетельствует и тот факт, что для встречи каждого нового игрока непременно отряжается группа «активистов».

Но самое главное — то, что связь между болельщиками и футболистами не односторонняя. Каждый клуб очень дорожит своими поклонниками и делает все, чтобы их ряды крепли. Поэтому для нас, игроков, общение с болельщиками становилось, по сути, такой же обязанностью, как и тренировки. Регулярно, согласно составленному заранее расписанию, мы по двое ходили на встречи с членами так называемого «Интер»-клуба и в течение нескольких часов отвечали на все интересующие их вопросы. А

затем полные стенограммы наших встреч публиковались в специальном журнале издаваемом фан-клубом, и становились достоянием сотен тысяч черно-синих тиффози.

Пообщавшись у входа в «Принчипи ди Савой» с болельщиками, я прошел внутрь отеля и направился к залу, где должна была состояться пресс-конференция. Идти по-прежнему приходилось в окружении телеоператоров и фотокорреспондентов, так что вскоре от яркого света и бесконечных вспышек зарябило в глазах. А у входа в зал меня встретил представитель команды — один из опытнейших ее игроков Вальтер Дзенга. Я был очень тронут вниманием со стороны этого знаменитого футболиста, много лет защищавшего ворота «Интера» и сборной Италии, трижды становившимся лучшим вратарем Европы. Он был очень приветлив, несмотря на то, что ему пришлось довольно долго ждать моего приезда: в силу разных обстоятельств все это мероприятие затянулось примерно на полчаса.

Затем наступила очередь журналистов: мы прошли в зал, где было порядка пятидесяти человек, я занял место на сцене и начал отвечать на вопросы. К тому времени я уже вполне сносно говорил по-итальянски, так что представители прессы, думаю, остались довольны мною. Был доволен и я: в общем-то, единственным недостатком всего мероприятия было то, что рядом со мной не было настоящего прокуратора. Это явно не шло на пользу моему имиджу.

Главная задача прокуратора во время таких встреч — достойно представить игрока. Можно сказать, что впечатление, которое производит футболист, во многом зависит от того, насколько солидно выглядит его окружение. Впрочем, это справедливо не только в отношении футболиста: то же самое можно сказать про любую общественно значимую личность. Вы ведь непременно, пусть даже подсознательно, проникнетесь уважением к тому, кого сопровождают хорошо одетые, умеющие уверенно держаться и хранить чувство собственного достоинства люди.

В тех случаях, когда дело касается российских футболистов, попадающих в совершенно непривычную для себя обстановку, задача прокуратора значительно сложнее. Он должен все время следить за своим подопечным и, едва заметив легкое замешательство или растерянность игрока, сразу же прийти ему на помощь. Не думайте, будто это так легко — отвечать на град вопросов на иностранном языке, зная при этом, что завтра утром миллионы болельщиков будут внимательно изучать в газетах каждое твое слово.

В такие моменты на игроке лежит ничуть не меньшая ответственность, чем во время футбольного матча. Разница лишь в том, что на зеленом полеты находишься в своей стихии и делаешь то, что умеешь делать лучше всего, тогда как пребывание на сцене в свете прожекторов, особенно в начале карьеры, никак не назовешь привычным для футболиста занятием. Так что во время первой встречи с миланской прессой мне в некоторых случаях не помешала бы помощь опытного прокуратора. Но рассчитывать на это мне тогда не приходилось.

И все-таки в целом я был удовлетворен тем, как прошла моя презентация. Остались, как мне кажется, довольны и другие ее участники. На следующий же день я покинул Милан. Приближалось лето, однако до отпуска было еще далеко: прежде мой путь лежал в Швецию, где нашей сборной, в первый и последний раз выступавшей под странной и непривычной аббревиатурой — СНГ, предстояло сыграть в финальном турнире чемпионата Европы.

* * *

Мои воспоминания о Евро-92 не назовешь особенно приятными. Команда наша выступила в Швеции неудачно, и разочарование было тем более велико, что поначалу ничто не предвещало провала. Мы достойно сыграли и с чемпионами мира немцами, и с победителями предыдущего европейского первенства голландцами, сумев оба матча завершить вничью. И вдруг, когда казалось, что место в полуфинале нам обеспечено, произошла досадная осечка: вместо того, чтобы обыграть в последнем матче шотландцев, уже лишившихся каких-либо шансов на место в четверке, мы крупно проиграли — 0:3 — и в одночасье превратились из потенциальных героев в неудачников.

Что же касается меня лично, то мне повезло еще меньше: в стартовом матче с Германией я вскоре после перерыва получил травму, так что мое выступление в Швеции ограничилось одним таймом и еще несколькими минутами. Честно говоря, я, будучи в тот момент игроком основного состава сборной, рассчитывал получить значительно больший опыт выступлений на крупнейших футбольных форумах. Перед поездкой в Швецию мой послужной список включал в себя полтора матча чемпионата мира 1990 года: 90 минут игры с Аргентиной и первый тайм встречи с Камеруном. Скандинавская же кампания, увы, не позволила существенно

пополнить его.

Все же не могу сказать, что в то время слишком уж переживал по этому поводу. Я был еще молод, передо мной раскрывались замечательные перспективы, и я верил, что впереди меня ждет еще не один чемпионат мира и Европы. Переход в «Интер» удесятерил мою веру в собственные силы, к тому же осенью, когда наша сборная уже официально называлась сборной России, мне доверили капитанскую повязку. Я был на седьмом небе от счастья, ибо о такой чести мечтает каждый футболист.

Увы, дальнейшее развитие событий показало, что я напрасно связывал радужные надежды со сборной. Чемпионат мира 1994 года после известного конфликта с руководством Российского футбольного союза я пропустил. Пропустил в общем-то по собственной инициативе, приняв самостоятельное решение. Впрочем, на самом деле у меня, как и у разделявших мою точку зрения партнеров по команде, просто не было выбора. Мы сделали то, что считали нужным, послушавшись голоса разума и совести. И предпочли принести в жертву самый великий шанс, какой только может быть у футболиста — шанс сыграть на чемпионате мира. Но с течением времени ни я, ни мои товарищи не раскаялись в своем решении, ибо ничто не могло заставить нас поступиться своими принципами — даже мировое первенство.

Позже мне все-таки удалось попасть на крупный турнир — на чемпионат Европы 1996 года в Англии. Сборную уже возглавил новый тренер, но она вновь выступила неудачно. Я же появился на иоле лишь однажды, выйдя на замену в середине второго тайма в матче с Чехией — единственном матче, в котором мы сумели взять очко.

Теперь, видимо, пора подводить итог: мой опыт игры в крупнейших международных турнирах ограничился без малого тремя полными матчами, растянувшимися на шесть лет. Не густо, что и говорить. Тут уж ничего не поделаешь — жизнь есть жизнь, но и три игры в США, которые я мог бы провести, вряд ли смогли бы стать предметом моей гордости.

* * *

Отдохнув после чемпионата Европы — впервые за полтора года мне был предоставлен отпуск продолжительностью больше трех дней, — я с новыми силами и новыми надеждами вернулся в Милан. Накануне отъезда на первый предсезонный сбор мне

опять довелось побывать на презентации в отеле «Принчипи ди Савой» — на сей раз это была презентация всей команды.

За день до этого ритуального события мы собрались в другой гостинице. Там первым делом с нас сняли мерки для спортивных и цивильных костюмов, затем, поужинав, мы отправились спать, а на следующий день после небольшого медосмотра и завтрака поехали в «Принчипи ди Савой».

К прибытию нашего автобуса площадь перед отелем была забита народом: пожелать нам успеха в новом сезоне пришли несколько тысяч болельщиков, так что пробираться к входным дверям пришлось сквозь очищенный полицией коридор. В отеле нас ждала официальная часть — фуршет, в ходе которого мы беседовали с многочисленными журналистами, — а затем вся команда вышла на просторный, обращенный к площади балкон второго этажа и предстала перед своими поклонниками.

Нас встретил радостный клич толпы, взметнувшей навстречу нам бесчисленные черно-синие шарфы, кепки и знамена. Людское море, до краев заполнившее просторную площадь, волновалось, и его волнение передавалось нам. Выхватывая взглядом из толпы отдельные восторженные лица, я думал о тех прочных узах, которые связывали нас с этими людьми. Вот мы стоим перед ними, молодые, богатые и знаменитые, и ждем грядущего сезона, который должен сделать нас еще более богатыми и знаменитыми. Но им, нашим многочисленным поклонникам, никакие наши успехи не прибавят ни богатства, ни славы. Почему же каждое воскресенье они могут думать и говорить только о нас, почему наша удача делает их на неделю самыми счастливыми людьми на земле, а неудача обращается в трагедию всей жизни? Объяснить это невозможно, как вообще невозможно объяснить счастье. Можно только возблагодарить природу за то, что она научила людей любить. Любить жизнь, любить друг друга, любить футбол.

«Интер» был очень недоволен восьмым местом, занятым в сезоне 1991/92: в последний раз команда столь неудачно выступила в чемпионате почти двадцать лет назад, в середине 70-х. При этом не удовлетворял не только результат, но и игра: из 84-х матчей первенства «Интер» сумел выиграть всего десять (для сравнения: мы с «Фоджей» одержали 12 побед), а забивал при этом ничтожно мало: только 28 мячей за весь сезон — на тридцать меньше, чем «Фоджа»! В Серии А менее результативным нападением обладали лишь команды, занявшие четыре последних места и покинувшие ее по итогам чемпионата.

Неудивительно, что перед новым сезоном главное внимание руководства было сосредоточено на реорганизации атаки: у «Ювентуса» был куплен лучший бомбардир чемпионата мира

1990 года Сальваторе Скиллачи, у «Лацио» — уругвайский форвард Рубен Соса, у «Црвене звезде» — Дарко Панчев, который в 1991 году помог белградскому клубу выиграть Кубок чемпионов. Среднюю линию решили укрепить немцем Маттиасом Заммером и мною.

В те времена еще существовала квота на иностранцев: в одном матче за команду могли выступать только трое. Нас же в «Интере» было четверо: Соса, Панчев, Заммер и я, поэтому газеты вовсю раздували тему конкуренции за три места в основном составе. Я читал все эти статьи, однако волнения за свое будущее не испытывал, ибо просто не представлял себе, что такое настоящая конкуренция. В 1988 году, твердо заняв место в основном составе «Спартака», я в первом же сезоне провел 25 матчей в высшей лиге. В «Фодже», как я уже говорил, мне и в голову не могла прийти мысль о том, что кто-то со скамейки запасных может вытеснить меня. Да и никого другого такая мысль тоже не посещала, и в итоге я пропустил всего одну из 34-х игр чемпионата. Это домашняя игра против «Ромы», состоявшаяся через несколько дней после моего нервного срыва. Причина моего отсутствия в составе, как вы понимаете, никоим образом не была связана с конкуренцией.

Вероятно, поэтому я не задумывался всерьез о том, кто же из нашей четверки легионеров окажется лишним. Жизнь показала, что в первый сезон волноваться действительно было не о чем. В чемпионате я провел 32 игры, уступив по этому показателю только нашему свободному защитнику Серджо Баттистини, который выходил на поле в каждой из 34-х встреч. При этом все свои 32 матча я отыграл полностью, без замен, а два тура пропустил из-за отъездов в сборную. В общем, о том, что такое конкуренция, в те времена я знал лишь понаслышке, поскольку коснулась она в «Интере» других легионеров.

Ничто, увы, не длится вечно, и со временем мне тоже довелось испытать на собственной шкуре, что такое борьба за место в составе. Но в тот момент, когда я стоял на балконе отеля «Принчипи ди Савой», купаясь в аплодисментах и песнях болельщиков, до начала этого непростого периода в моей карьере оставался еще целый год. Пожалуй, лучший год моей футбольной биографии.

* * *

Подготовку к сезону мы начали в спортивном центре Пьяно-Джентиле, примерно в получасе езды от Милана. Столь совершенную базу я увидел впервые в жизни, хотя к тому моменту уже успел кое-что повидать. В 1990 году на меня произвели неизгладимое впечатление те условия, в которых разместили нашу сборную во время чемпионата мира, да и у «Фоджи» возможности для тренировок были прекрасные. Казалось бы, можно уже привыкнуть и перестать удивляться, однако, впервые попав в Пьяно-Джентиле, я не смог скрыть своего восхищения.

Там было все, что только можно было пожелать: три футбольных поля, а на случай непогоды — еще одно, под крышей, прекрасно оборудованный тренажерный зал, а также несколько площадок для других игр: мини-футбола, баскетбола… Единственное, чего не хватало в наш первый приезд, — это гостиницы. Она в тот момент была закрыта на реконструкцию, поэтому жили мы в обычном отеле неподалеку. Но полгода спустя строительные работы были завершены, и наш спортивный центр принял законченный вид: теперь команда размещалась в прекрасной гостинице, где были идеальные условия для отдыха.

Наше первое посещение Пьяно-Джентиле продолжалось всего три дня. По существу, мы собрались там не для того, чтобы по-настоящему начать подготовку к сезону, а просто чтобы настроиться на работу. Июльская жара не позволяла тренироваться в полную силу, поэтому полноценную подготовку можно было вести только в горах, где воздух прохладнее и чище.

Но эти три дня не прошли даром, особенно для меня, поскольку я за это время успел подыскать себе дом. Я нашел его в Комо, небольшом городке возле северной гранит»!. Там жили многие игроки «Интера».

Это место поразило меня своей необыкновенной красотой, какую не встретишь на юге Италии. В окрестностях Фоджи, конечно, можно найти живописные уголки, но в целом южная природа довольно скудна и однообразна. Это понятно: далеко не каждое растение способно выстоять под палящими лучами солнца, выжигающего все вокруг, на юге растительность, как правило, не зеленая, а рыжая или даже рыжевато-бурая.

Северная же итальянская природа поражает разнообразием видов и буйством красок. А Комо!.. Впервые попав туда, я остолбенел от удивления и понял, что хочу жить только здесь. Тихий и уютный городок расположился на берегу озера, запрятанного в горах. В этом райском уголке есть все, что способно доставить удовольствие человеческому глазу: и зеркальная водная гладь, и залитые солнцем поля и лужайки, и

тенистые рощи, и уходящие ввысь неприступные склоны, игриво цепляющие своими заснеженными верхушками зазевавшиеся облака. И удивительный, прямо-таки неземной покой.

Понятно, почему в Комо живут многие известные люди. К примеру, неподалеку от моего дома находилась шикарная вилла ныне покойного модельера Джанни Версаче. Думаю, излишне говорить о том, что далеко не каждый может себе позволить снять или купить дом в этом чудесном месте. Очень подходит Комо и для футболиста, который испытывает острую потребность в тишине и покое после тяжелых тренировок или напряженных игр, проведенных на арене клокочущего многотысячного стадиона. Не последнюю роль играет и расположение: до Пьяно-Джентиле на машине можно добраться за четверть часа, до Милана — от силы за час.

Итак, я обрел новый дом, однако поселиться в нем смог не сразу. Прежде нас ждали трехнедельные сборы в горном местечке Ковалезе.

Как я уже сказал, только на приличной высоте можно по-настоящему работать в середине итальянского лета. Там не так жарко, а потому мы могли выдерживать довольно большие нагрузки. Баньоли предпочитал оставаться в горах на протяжении всего сбора, хотя некоторые тренеры допускают различные вариации. Скажем, сменивший его позже Оттавио Бьянки любил постепенно спускаться, начиная сбор в горах, а заканчивая в условиях, наиболее близких к игровым.

Неверно думать, будто бы команда, уезжающая на тренировочный сбор в горы, проводит его в покое и уединении, наслаждаясь размеренной жизнью вдали от городской суеты. Не сбрасывайте со счетов знаменитых итальянских болельщиков: истинный тиффози энергичен и вездесущ, он не знает преград и расстояний. На базе нам приходилось вести жизнь затворников, не решаясь выйти за ограду, находившуюся под круглосуточным наблюдением полиции. Это отнюдь не лишняя предосторожность, ибо толпы горячих поклонников сопровождали нас повсюду.

Оказывается, для некоторых из них это было лучшим способом провести отпуск. Да-да, многие тиффози, которым были прекрасно известны планы любимой команды, приезжали в Ковалезе целыми семьями не на день-два, а на несколько недель, останавливались в окрестных гостиницах, а то и просто разбивали палатки в непосредственной близости от нашего лагеря.

Они неотступно следовали за нами, испытывая блаженство от каждой возможности увидеть своих кумиров, прикоснуться к ним, получить автограф или просто поприветствовать, размахивая

черно-синими шарфами. Временами такое безудержное проявление любви может показаться навязчивым и утомительным, однако представьте, как приятно проводить каждую тренировку на глазах нескольких тысяч зрителей. И как горячая поддержка переполненных трибун какого-нибудь крохотного заштатного стадиончика придает интерес разминочной игре с любительской командой. От таких игр, заканчивавшихся, как правило, с двузначным счетом «под ноль», мы никогда бы не получили удовольствия, если бы не болельщики, восторженно радующиеся не только каждому голу, но и любому удачному пасу, красивому финту или хорошему удару. Поклонники ведут себя так, словно присутствуют на матче за Кубок чемпионов, тем самым заставляя и нас забыть о том, как слаб наш соперник. И мы продолжаем бежать вперед, движимые одной целью — доставить удовольствие тем, кто нас любит. В конце концов, ради этого мы и играем в футбол!

* * *

Круговорот миланской жизни закружил меня. Из провинциального южного города я попал в огромный мегаполис, второй по величине город Италии после Рима. Причем, принимая во внимание относительную удаленность Рима, расположенного в центре страны, Милан вполне можно назвать северной столицей Италии.

Жизнь здесь не замирает ни на секунду. Днем Милан — крупнейший индустриальный и политический центр, его улицы заполняют миллионы вечно спешащих автомобилей и пешеходов, здесь бьется пульс деловой Ломбардии, и этим биением во многом определяется ритм жизни всей Италии и значительной части Европы.

Вечером город превращается в культурный центр, известный всей планете в первую очередь благодаря жемчужине мирового оперного искусства — знаменитому театру Ла Скала. Милан не обходит стороной ни одна крупная выставка, театральная или кинопремьера. Показы мод и спектакли, концерты и шоу, всевозможные развлечения на любой вкус — все это вы найдете в Милане в любое время года. Здесь закружится голова не только у того, кто прибыл сюда из Фоджи, но даже у того, кто долго прожил в Москве, ибо ритм московской жизни, каким бы напряженным он нам ни казался, не может даже отдаленно

сравниться с интенсивностью миланской круговерти.

Закружилась голова и у меня — закружилась от сознания того, что я стал частью одного из величайших клубов мира, от обилия новых знакомых и новых развлечений. Вокруг меня постоянно крутилось множество людей, и разобраться, кто есть кто, было просто невозможно.

Хотя мой дом находился в тихом и благообразном Комо, я очень много времени проводил в Милане. Во-первых, мне хотелось как можно быстрее узнать и понять этот замечательный город. Во-вторых, здесь жил мой самый близкий приятель из «Интера» — Никола Берти. Не знаю, что именно притянуло нас друг к другу, но мы с ним довольно быстро сдружились, много времени проводили вместе и сохранили теплые отношения на долгие годы: даже сейчас, через несколько лет после моего ухода из «Интера», мы часто созваниваемся и регулярно встречаемся.

Никола жил не в Комо, а в самом центре Милана. Насколько я помню, еще только один игрок из нашей тогдашней команды отдал предпочтение большому городу — вратарь Вальтер Дзенга. Остальные же, в том числе и я, последовали зову тихой провинции.

Берти понемногу открывал для меня Милан. Я попал в его круг общения, в котором было много известных и уважаемых людей. Из тех, с кем я встречался наиболее часто, назову для примера младшего брата Версаче, страстного поклонника «Интера», и известную киноактрису Уму Турман, у которой в то время был роман с другом Берти Фабрицио. Вообще Никола сам по себе был человеком известным и уважаемым, одним из ведущих и наиболее любимых болельщиками игроков «Интера». Так что в круге его общения не было ничего удивительного — Берти ему вполне соответствовал.

Не знаю уж, насколько тогда соответствовал этому кругу я, однако, вращаясь благодаря своему новому другу в избранном миланском обществе, я сделал для себя довольно много полезных выводов.

Один из таких выводов, к примеру, касался одежды. Попав в Милан и серьезно улучшив материальное положение, я стал задумываться над своим внешним видом. В Фодже подобный вопрос меня совершенно не волновал — жизнь там была спокойная и без претензий, так что я за год едва ли посетил десяток магазинов одежды. Но теперь мне казалось, что нужно вести себя иначе и соответствовать имиджу игрока суперклуба. Короче говоря, я ощущал потребность выразить в одежде свою индивидуальность, свой стиль, свой уровень доходов, наконец.

Я остановил выбор на Версаче — названии, знакомом с

московского детства. С малых лет имя Версаче вошло в нашу жизнь как символ неведомой заграничной жизни. Мы не видели, иначе как в журналах, ни одной созданной им вещи, но твердо знали: Версаче — это что-то!

Поэтому, приехав в Милан, увидев знакомое имя на витринах магазинов, а также узнав, что знаменитый модельер живет по соседству со мной, я принял смелое и ответственное решение одеваться у Версаче. И довольно долго покупал все вещи только у него, чем, признаюсь, немало гордился.

Но со временем, побывав благодаря Николе Берти в компании солидных людей, я осознал всю несостоятельность и глупость своих юношеских амбиций и понял, что в том обществе, где я оказался, едва ли можно было кому-то что-то доказать своей одеждой. Возможно, такое под силу каким-то мультимиллионерам, для которых выдающиеся кутюрье изготавливают эксклюзивные наряды в единственном экземпляре — да, в этих случаях, наверное, одежда действительно о чем-то говорит. Но в такой заоблачно высокой компании мне бывать никогда не доводилось и явно не доведется, поэтому рассуждать о ней не берусь.

Обычный же человек должен избирать иные способы самоутверждения. Известных фирм, изготавливающих одежду, очень много, и, какая из них лучше, а какая хуже, никто не разберет. Поразить чье-либо воображение дороговизной наряда — бесплодная надежда, если вы, конечно, не султан Брунея: в любой компании обязательно найдется человек, у которого костюм, галстук или ботинки окажутся более дорогими, чем ваши. К тому же на это едва ли кто посмотрит. Мне, по крайней мере, не доводилось встречать людей, обращавших действительно серьезное внимание на одежду окружающих.

Здесь, в общем-то, нет никакого открытия — известная с детства народная мудрость гласит: «Встречают по одежке, провожают по уму». Но там, куда я попал, по одежке даже и не встречали. Достаточно выглядеть опрятно и аккуратно, быть одетым со вкусом и в соответствии с выбранным стилем. Этого хватит для того, чтобы вас приняли в обществе и дали вам шанс добиться уважительных проводов. А что там на вас надето — Версаче, Валентино, Сен-Лоран или нечто другое — особого значения не имеет. Я понял это довольно быстро и перестал заниматься всякими глупостями.

Хотя, вообще-то, глупостей в моей миланской эпопее хватало.

* * *

Определение «глупость» прежде всего относится к моему тогдашнему образу жизни, к поведению вне поля. Попав в профессиональный футбол и продвигаясь от его низов к вершине, я должен был менять свой менталитет, вести себя в соответствии с новой обстановкой, иными словами, заботиться о своем имидже. Увы, по молодости и неопытности сам я не мог осознать подобную необходимость, а подсказать было некому. Такой совет можно услышать от опытного и авторитетного прокуратора, но, как вы уже знаете, от человека, находившегося в то время рядом со мной, толковых наставлений ждать не приходилось.

Мне было 23 года, и я продолжал радоваться жизни, расслабляясь и развлекаясь так, как развлекался до того в Москве, а затем в Фодже. В этом-то и заключалась моя главная ошибка. Мне трудно было понять, насколько изменилась моя жизнь после переезда в Милан. А изменилась она очень существенно — прежде всего потому, что я обрел невиданную дотоле известность.

Конечно, я был популярен и в «Спартаке», и в «Фодже», однако это совсем не та популярность, какой пользуются футболисты суперклуба, подобного «Интеру». Да, меня любили болельщики «Спартака» и очень часто в дни матчей или тренировок окружали, желая поболтать или взять автограф. Но в остальное время я не чувствовал этой популярности: на шумных московских улицах никто меня не окликал, в барах, ресторанах и других общественных местах никто не узнавал и не бросался навстречу.

В Фодже, как я уже рассказывал, дело обстояло иначе: нас знал весь город, где бы мы ни оказались, отовсюду неслись радостные приветствия в наш адрес, нам без конца приходилось фотографироваться с болельщиками, будь то в парке или на улице, в ресторане или магазине. Это была уже совсем другая популярность: каждый из нас был местной знаменитостью.

Но то была популярность провинциальная. Жители маленького южного городка видели в нас скорее друзей, нежели кумиров. Они были рады каждой встрече, запланированной или неожиданной.

Это не идет ни в какое сравнение с той популярностью, какую я обрел в «Интере». Попадая в такой великий клуб, игрок становится фигурой общенационального масштаба. В этом нет ни малейшего преувеличения: того, кто хоть сезон провел в «Интере», «Милане» или «Ювентусе», вся футбольная Италия будет помнить долгие годы. Одев черно-синюю футболку, я получил право на место в истории и на всеобщую известность. Но

данным правом нужно было умело воспользоваться, и со временем мне предстояло постичь эту простую истину.

Первое, от чего приходится отказаться, — это от неприкосновенности частной жизни: чем популярнее футболист, тем меньше у него возможности ускользнуть от всевидящих глаз болельщиков и журналистов. Порой игрок не может чувствовать себя спокойно даже в стенах собственного дома. Всем известно, какие проблемы возникали у таких звезд, как Диего Марадона и Йохан Круифф, Пол Гаскойн и Эрик Кантона и многих других, кому не удавалось и шагу ступить втайне от поклонников и репортеров, и у кого время от времени сдавали нервы. Тогда каждый из них выплескивал эмоции по-своему: кто распускал кулаки, кто хватался за ружье, а кто просто махал рукой и, послав всех к черту, бросал футбол. В общем, никому это пользы не приносило — разве что газетчикам, получавшим возможность публиковать новые скандальные истории. Но сам футбол и его верные слуги — игроки и истинные болельщики — всегда оказывались в проигрыше.

Что делать? Такова реальность жизни, такова оборотная сторона сверкающей золотом медали, которую носит на шее каждый известный футболист. Счастлив тот, кому удается пронести ее по жизни легко и достойно. Но для многих, увы, эта медаль со временем превращается в тяжелый камень, непреодолимо влекущий в пучину.

Чтобы избежать отрицательного эффекта собственной популярности, я должен был как можно меньше бывать на людях, избегать шумных общественных мест, короче говоря, вести себя поспокойнее. Но в тот момент понять это я был не в состоянии. Мне нравилась известность, нравилось быть узнаваемым повсюду. Я развлекался, посещая дискотеки и прочие места, какие, в общем-то, и должен посещать молодой человек в моем возрасте.

Разумеется, я ходил туда не один — у меня были товарищи из числа новых партнеров по клубу. Правда, как и потом осознал, то были товарищи, так сказать, не моего круга — в том смысле, что мы занимали в команде разное положение. И это обстоятельство было необычайно важно, хотя поначалу мне не приходило в голову оценивать ситуацию под таким углом зрения.

Те футболисты, которые составляли мне компанию, делились на две группы: одни не входили в основной состав, другие, напротив, закрепились в нем давным-давно. Первые, понятное дело, мало влияли на результаты команды. К тому же, когда ты сидишь на скамейке запасных, твоей личной жизнью не очень-то интересуются, да и проверить, отражается ли отдых на твоей спортивной форме, невозможно. Ну, а те ребята, которые входили

во вторую группу, могли себе позволить подобные развлечения в силу собственного опыта: они многие годы играли в «Интере», прекрасно чувствовали свое состояние, знали, что им можно и что нельзя.

Я, как вы понимаете, ни к одной из этих двух категорий не относился. В этом, собственно, и заключалась моя ошибка. Не то чтобы развлекаться подобным образом считалось грешно: никто не запрещал нам проводить досуг так, как мы того желаем. Поход в дискотеку не считался преступлением и не влек за собой никакого наказания. Но в той компании я был единственным, на кого возлагались такие большие надежды, и бесследно это пройти не могло.

Обо всех наших похождениях было известно решительно всем — вполне понятные издержки популярности. Но до поры до времени никто о них и не вспоминал. Если на поле у тебя все получается, ты можешь весь сезон по шесть раз в неделю гулять и веселиться ночами напролет, но если каждое воскресенье ты прекрасно играешь, никто не упрекнет тебя ни единым словом.

Я прекрасно провел первый круг, забил семь голов, хотя играл на непривычной для себя позиции опорного полузащитника. Если в «Фодже» мое место в средней линии было чуть правее и ближе к воротам соперника, то теперь я оставался последним рубежом полузащиты перед обороной, и значит, мне гораздо реже удавалось выходить вперед и подключаться к атакам. Тем не менее за весь сезон я забил девять мячей — столько же, сколько и в «Фодже».

Так вот, весь первый круг я провел отлично и имел все основания радоваться жизни. Мне нравился мой новый клуб, новый город, новая жизнь, нравилось быть «звездой».

Но отыграть весь сезон ровно, на высоком уровне, практически невозможно. В конце 1992 года в моей игре наступил небольшой спад, который, к сожалению, совпал с неудачным выступлением команды: мы проиграли два матча подряд. И тогда меня пригласил к себе генеральный директор клуба Пьеро Боски. От него-то я и узнал о том, что одной из главных причин неудач команды руководство считает мою неубедительную игру. А причину моего спада оно объясняет образом моей внефутбольной жизни. Какая-то доля справедливости в этом, пожалуй, была, однако наш разговор расстроил меня прежде всего тем, что я убедился, насколько искаженной и преувеличенной доходила к начальству любая информация.

И здесь нечему удивляться: представьте себе, сколько раз имя футболиста всплывает в разговорах болельщиков, обсуждающих все футбольные новости. И если кто-то вдруг скажет: «А я

позавчера видел Шалимова на дискотеке», то при передаче в пятые или шестые уста «позавчера» непременно превратится в «каждый день». Точно так же, как бокал вина, выпитый в ресторане за ужином, обернется бутылкой — и не вина, а водки.

Как бы то ни было, доказать я никому ничего не мог. Вся эта история сильно давила на психику: газеты начали критиковать меня, болельщики во время матчей каждую ошибку встречали свистом. И позиция руководства «Интера» лишь усугубляла ситуацию.

Это еще одна из тех ситуаций, в которых необходима помощь прокуратора. Опытный советник предвидел бы всё заранее и объяснил, как следует себя вести, чтобы никому не давать повода для упреков задним числом. И потом смог бы отстоять мою репутацию в глазах руководства. А значит, я пережил бы этот спад не столь болезненно и с меньшими последствиями.

Быть может, вам кажется, что я слишком часто говорю о том, как важна для меня была бы чужая помощь. Возможно, у вас сложилось впечатление, будто я совершенно не способен жить своим умом. Но не забудьте, что мне было всего лишь 28 года. Что я знал тогда о жизни, где мог нажить тот ум, который позволил бы мне избежать ошибок молодости?

К тому же я приехал из России, а это говорит о многом. Попадая за границу, наш человек сталкивается с такими проблемами, о каких никто другой и не подозревает. По большому счету, итальянская жизнь не многим отличается от английской, французской, немецкой, голландской. Да и профессиональный футбол во всех развитых странах одинаков. Поэтому многие европейцы, пересекая границу, не испытывают ни малейших неудобств, особенно если попадают в знакомую языковую среду. Все, что им нужно, — это привыкнуть к новой команде да к новой квартире.

Впрочем, и это немногое далеко не всегда удается, и очень часто игроки высочайшего класса оказываются не в состоянии прижиться за границей: скажем, в том же «Интере» в числе прочих не заладились дела у немца Маттиаса Заммера, голландца Денниса Берхкампа. Дальнейшая их карьера показала, что причиной неудачи стал отнюдь не недостаток мастерства: оба прекрасно проявили себя в других клубах, блистали в составе национальных сборных на чемпионатах мира и Европы. А вот в Италии заиграть не смогли.

Представьте, насколько тяжелее должно быть нашему человеку, которому необходимо не только привыкнуть к новым условиям жизни и работы, но и полностью перестроить свой менталитет, избавиться от множества комплексов и

предрассудков и, самое главное, постичь совершенно незнакомую, непонятную жизнь, такую далекую от всего того, что знаешь с детства. Причем делать все это нужно, как говорится, без отрыва от производства: привыкая, перестраивая, избавляясь и постигая, ты должен каждое воскресенье выдавать результат, который удовлетворил бы самую требовательную аудиторию в мире.

Именно поэтому я не стесняюсь своих ошибок и не боюсь признать тот факт, что без посторонней помощи мне было очень трудно жить и играть за границей. Я не считаю, что моя карьера в профессиональном футболе стала провалом, — о нет, дай Бог каждому достичь того, чего достиг я. Но при этом я понимаю, что мог бы добиться значительно большего, и если рассказ о моих ошибках позволит кому-то сделать более успешную карьеру, я буду только счастлив.

Пусть тот, кто пойдет вслед за мной, знает, что за ошибки ему придется расплачиваться не в момент их совершения, а в дни неудач, как пришлось мне. Шесть или семь месяцев я играл хорошо, и все было в порядке. Но тот небольшой спад, как я уже говорил, мне было бы гораздо легче пережить, не начни все вокруг указывать на просчеты давно минувших дней. Так что мне сразу пришлось отвечать за поступки, совершенные в течение нескольких месяцев, а это значительно труднее. В дни неудач за все платишь сторицей.

Мог ли я в то время не обращать внимания на критику со стороны журналистов? Некоторым это прекрасно удается: я знаю игроков, которые вообще не читают газет, знаю тех, которые читают и тут же выбрасывают прочитанное из головы. Многим действительно наплевать на любую критику, но я так не могу. В 23 года я был полон амбиций, тем более что за год в «Фодже» и первые месяцы в «Интере» привык читать о себе только хорошее. Мне это нравилось, нравилось видеть в отчетах о матчах высокие оценки рядом со своей фамилией.

Что ж, за это удовольствие тоже пришлось заплатить. Я привык читать газеты и продолжал делать это во время своего спада. Как вы понимаете, удовольствие от прочтения было ниже среднего, как и оценки, которые я получал за игру. Это довольно мучительное занятие: получая утром свежую газету, ты хочешь сразу же выбросить ее в мусорное ведро, но не можешь решиться — тебя тянет раскрыть ее в надежде прочесть что-то хорошее о себе. Ты начинаешь читать, обнаруживаешь плохое, но остановиться уже не в силах. А, дочитав, понимаешь, что день безнадежно испорчен.

Пережить этот период особенно трудно тому, кто совершенно не готов к такому повороту событий. Весь мой опыт игры на

родине оказался бесполезен, ибо за годы, проведенные в «Спартаке», я сформировался как игрок, но, к сожалению, не сформировался как личность. А ведь эти две стороны процесса становления футболиста одинаково значимы и потому должны быть неразрывны: с первых же шагов молодому человеку нужно прививать основы правильного образа жизни. Он должен не только уметь дать хороший пас или нанести точный удар, но и чувствовать себя личностью вне поля, ощущать свою значимость и вытекающую из нее ответственность за каждый поступок. Тому, кто с детства будет воспитан в таких условиях, не придется столкнуться с проблемами, с какими столкнулся я, попав в абсолютно новую среду. И тогда уже ничто не помешает ему раскрыться за границей по-настоящему. Он сумеет заставить окружающую обстановку работать на себя, ибо эта обстановка может либо подхлестнуть игрока, придать ему дополнительных сил, либо раздавить его — все зависит от того, как к ней относиться.

К счастью, тот первый мой спад в «Интере» был очень непродолжительным. К тому же пережить его я смог в игре, а не на скамейке запасных: наш тренер Освальдо Баньоли верил в меня и не лишил места в составе.

Два или три матча мне пришлось провести под свист и крики зрителей, а потом все вновь стало на свои места. Я снова набрал форму, заиграл на прежнем уровне и вернул расположение болельщиков. Казалось бы, все безвозвратно ушло в прошлое. Но на самом деле это не так: мой имидж уже был подпорчен, а, значит, любые ошибки в будущем грозили обернуться более серьезными проблемами. Так и получилось в следующем году, когда я проводил свой второй сезон в «Интере». Но до тех неприятностей было еще далеко.

* * *

Первые официальные игры за «Интер» я провел на Кубок Италии против «Реджаны». Сперва мы выиграли в гостях — 4:3, а потом дома — 4:2. В августе, когда чемпионат еще не начался, такое обилие голов — обычное дело: команды не набрали форму, защитники много ошибаются, а форварды умело этим пользуются.

Все были довольны тем, как команда начала сезон. Новички вроде бы удачно вписались в нее, особенно Дарко Панчев,

который из восьми голов «Реджане» забил пять.

Казалось, его ждало прекрасное будущее и лавры бомбардира, но…футбольная фортуна переменчива: дела у Дарко не заладились, он большую часть времени провел на скамейке запасных и за весь чемпионат сыграл лишь дюжину матчей, забив всего один гол.

На ответной игре с «Реджаной» трибуны «Сан-Сиро» были, по миланским меркам, почти пусты. Это означает, что зрителей собралось тысяч двадцать — двадцать пять, не больше. Но несколько дней спустя, когда начался чемпионат, картина изменилась, и первая домашняя игра «Интера» прошла при переполненных трибунах.

Стартовали мы не лучшим образом: проиграли в гостях «Удинезе» — 1:2, пропустив решающий гол на последних минутах. Поэтому в матче второго тура с «Кальяри» на «Сан-Сиро» нам была необходима только победа. Впрочем, результат первой игры, по большому счету, значения не имел: все равно при горячей поддержке 80-тысячного стадиона, не умолкавшего ни на минуту, думать о чем-либо, кроме победы, просто невозможно.

Мы ринулись вперед и уже через четверть часа вели 2:0. О том, как вся команда мечтала о победе, вам скажет тот факт, что второй гол забил после розыгрыша углового наш капитан Джузеппе Бергоми, а делает он это, как защитник, очень редко.

Во втором тайме Оливейра — бразилец с бельгийским паспортом — отыграл один мяч, и наше преимущество в счете перестало быть ощутимым. Соперник усилил натиск, и нам стоило большого труда удерживать победу. А под занавес матча исход борьбы был решен третьим голом в ворота «Кальяри». И забил этот гол я.

Получив мяч в штрафной площади от Берти, я чуть сместился к центру и, увидев бросившегося мне наперерез защитника, незамедлительно пробил. В тот момент защитник уже перекрыл ворота, но мяч попал ему между ног. Думаю, это сыграло важную роль: вратарь был дезориентирован и не смог отразить удар — мяч влетел в нижний угол. Позже я понял, что голкиперу особенно трудно реагировать на такие удары, и стал сознательно повторять этот трюк: ложным замахом я заставлял защитника поверить, что буду бить в дальний угол. В такой ситуации любой игрок, стремясь помешать удару, выбрасывает ногу в сторону — и тебе предоставляется прекрасная возможность направить мяч ему между ног в ближний угол. Вратаря уже можно не опасаться: мяча он не видит, а потому вынужден реагировать на движение защитника. Значит, в момент удара он уже летит в другую сторону.

Должен сказать, что этот прием срабатывал безотказно: каждый раз, когда мне удавалось осуществить его, мяч заканчивал свой путь в сетке. Но тогда, в самый первый раз, это получилось случайно.

Вот так, как это ни странно, первого гола за «Интер» мне пришлось ждать совсем недолго, хотя, как я уже говорил, в миланской команде мне была отведена более оборонительная роль, чем в «Фодже». Но это не помешало мне мчаться вперед в общем порыве. У меня получалось решительно все, я просто летал по полю, а победе нашей и своему первому голу был вдвойне рад потому, что после поражения от «Удинезе» заявил в интервью: «Что ж, нам не повезло, но это ничего не значит. В следующей игре вы увидите, что такое настоящий «Интер».

Лучшего подтверждения моего пророчества, думаю, быть не могло.

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Впечатления от игры на самом красивом стадионе Европы, каким я считал тогда и продолжаю считать сегодня «Сан-Сиро» (а из всех знаменитых футбольных арен континента я не бывал, кажется, только на барселонском «Ноу Кампе»), наслаивались в моем сознании на впечатления от знакомства с самим Миланом. Честно говоря, я не назвал бы его очень уж красивым, хотя центральная часть города достойна внимания любого, даже самого искушенного туриста.

Сердце Милана — Пьяцца Дуомо, площадь кафедрального собора. Этот величественный, известный всему миру собор — одно из самых знаменитых творений средневековой готики. Впервые я увидел его из окна квартиры Берти — как я уже говорил, Никола живет в центре Милана. Наверняка, выбирая себе жилище, он не в последнюю очередь думал о видах из окон. Что ж, нельзя не одобрить его выбор: каждое утро, отдергивая занавеску, приятно увидеть прямо перед собой шедевр мирового зодчества.

Окна квартиры Николы выходят прямо на фасад собора, украшенный статуей мадонны. Один мой миланский приятель поведал мне историю этой статуи — не то быль, не то легенду, теперь уж не разберешь. Согласно этой легенде, до недавнего времени статуя была позолочена, что и привлекло внимание группы любителей драгоценных металлов (наверняка это были горячие парни с юга Италии). Они разработали дерзкую операцию по похищению мадонны, решив использовать для этой цели вертолет. К счастью, в последний момент коварный замысел удалось раскрыть — ограбление века не состоялось, реликвия была спасена. Но дурной пример, как известно, заразителен, а потому было решено на всякий случай содрать со статуи позолоту, дабы она более не привлекала внимание грабителей. Так и стоит теперь мадонна на своем месте. Забавная история, хотя мне, честно говоря, трудно представить, чтобы такое могло произойти на самом деле.

В первое время я часто заходил внутрь собора. Не то чтобы он особенно нравился мне — наши православные церкви кажутся мне более красивыми и уютными, чем мрачные и холодные католические, — однако манил меня, влек чем-то едва уловимым. Было приятно после городской суеты оказаться в прохладной полутьме и несколько минут посидеть в полной тишине и абсолютном покое на гладкой, отполированной тысячами

богомольцев скамье. Под уходящими в поднебесье сводами можно было забыть обо всем — не только о мелких проблемах и неудачах, но и о самом футболе. Наверное, в такие моменты и воплощается руководившая зодчими идея приближения человека к Богу — когда ты способен взмыть над суетой и забыть даже о том, что составляет существо и смысл твоей жизни.

Но период забытья непродолжителен. Ты покидаешь крепкие стены собора и вновь оказываешься в центре жизненного круговорота. Рядом с тобой еще одна миланская знаменитость — крытая галерея Виктора Эммануила, ведущая от Пьяцца Дуомо к театру Ла Скала. Здесь множество магазинов, кафе и ресторанов, здесь бьет ключом многоголосая и многоязыкая жизнь, здесь можно встретить посланцев со всех уголков света и любую местную знаменитость. Хотя в поисках знаменитостей вам лучше пройти на расположенного неподалеку Виа Монте-Наполеоне, изобилующую самыми роскошными магазинами одежды.

Однако вернемся в галерею Виктора Эммануила. Она представляет собой два скрещивающихся сквозных прохода. В месте их пересечения на мозаичном полу вы обнаружите изображение быка. Оно наверняка привлечет ваше внимание весьма крупными размерами мужского достоинства, которым наградил животное автор мозаики. Могучие бычьи гениталии — не просто игривая шутка художника, а важный элемент миланского фольклора: встаньте на них, загадайте желание и обернитесь на 360 градусов — ваша мечта непременно сбудется.

Пройдя галерею насквозь, вы окажетесь на Пьяцца делла Скала — в Мекке поклонников оперы. Каждый ценитель высокого музыкального искусства мечтает хоть раз в жизни попасть в Ла Скала. Побывал там и я, хотя никоим образом не намерен прикидываться тонким знатоком оперы.

И все же, попав в Милан, я не мог не посетить этот всемирно известный театр. Лучшим временем для такого выхода в свет я посчитал начало декабря, когда в Ла Скала проходит традиционный ежегодный праздник — «Прима Ла Скала». В этот день публике предлагается какой-то совершенно особенный, необычный спектакль: так, в декабре 92-го должен был пройти первый после долгого перерыва концерт Лючано Паваротти на родине.

По такому случаю я заплатил огромные деньги за билет и, готовясь на один вечер влиться в самое что ни на есть изысканное общество приобрел смокинг. И надо же было такому случиться — я опоздал!

Как говорят, великое и смешное идут по жизни рядом. Отправившись в Ла Скала из Комо, я едва успел отъехать от дома,

как попал в чудовищную пробку. Дело в том, что перед тем, как попасть на ведущее в Милан шоссе, я должен был проехать метров триста по направлению к швейцарской границе и, чуть не доезжая до таможни, свернуть в сторону. Для того чтобы преодолеть эти злополучные триста метров, мне понадобилось около полутора часов.

Не помню точно, в чем была причина такого наплыва желающих попасть в Швейцарию. Кажется, наступил последний день действия каких-то скидок, и итальянский люд бросился за покупками в Швейцарию. В принципе, в этом нет ничего необычного: многие жители приграничных районов регулярно ездили в Швейцарию, скажем, заправлять свои автомобили, поскольку там бензин стоил дешевле. Но в тот вечер случилось нечто необычное, и любители сэкономить едва не сорвали мне культурное мероприятие.

Я прибыл в Ла Скала под конец первого отделения — как оказалось, весьма удачный момент для того, чтобы лишний раз привлечь к себе внимание. В ожидании антракта у входа в зрительный зал столпились журналисты, готовившиеся броситься с микрофонами и камерами к выходящим из дверей знаменитостям. Антракт еще не начался, так что, войдя, я оказался один в окружении репортеров. Все разом обернулись в мою сторону, облепили меня в мгновение ока, вокруг защелкали фотоаппараты, посыпался град вопросов. Вопросы, надо заметить, были не из приятных, поскольку накануне мы потерпели крупное поражение от «Анконы». Под проливным дождем, на раскисшем болотистом поле стадиона «Дель Конеро» в Анконе нас практически в одиночку обыграл Лайош Детари, техничный и изобретательный венгр, на закате своей карьеры игравший в скромных итальянских клубах. В тот момент ему было уже под тридцать, однако он все еще был столь силен физически, что мог без устали бегать по лужам на протяжении всего матча. Ну, а врожденная, свойственная венгерским футболистам хитрость с годами, напротив, лишь развивалась. Матч против «Интера» 6 декабря 1992 года стал, возможно, лучшим в карьере Детари за несколько лет. Он забил нам два гола и должен был забить третий, но посланный им мимо Дзенги мяч у самой линии ворот застрял в луже, так что в сетку его направил кто-то из партнеров Детари.

О нашей неудаче в Анконе меня в основном и принялись расспрашивать журналисты, едва я переступил порог Ла Скала. Но вскоре начался антракт, знаменитостей вокруг оказалось хоть отбавляй, репортеры рассредоточились по всему фойе, и я смог перевести дух. Пройдя в зрительный зал, я занял свое место и был

готов приобщиться к прекрасному.

Честно говоря, я никогда не был ни любителем, ни тем более знатоком оперы. И единственный в моей жизни поход в Ла Скала не сделал меня таковым. Однако я получил поистине незабываемые впечатления. Трехчасовой концерт Паваротти я прослушал на едином дыхании. Голос великого певца увлек меня за собой, и я ни на секунду не заскучал, ни разу не посмотрел на часы, пытаясь понять, скоро ли конец. Такое со мной бывает крайне редко даже во время просмотра самого что ни на есть интересного и остросюжетного фильма.

Конечно, после концерта я не стал лучше разбираться в оперном искусстве и не буду делать вид, что смогу с первых нот назвать все знаменитые арии Паваротти, хотя некоторые из них все же способен узнать. Но, в конце концов, не эту задачу ставил я перед собой, отправляясь в Ла Скала. Я совершил путешествие в мир прекрасного, ненадолго приобщившись к нему пусть не на профессиональном, но на эмоциональном уровне, а ведь именно эту цель преследует настоящее искусство — проникнуть не в мозг, но в душу человека. Что ж. моей душой Паваротти в течение трех часов владел безраздельно — это я знаю точно. А критики и заядлые театралы пусть спорят о своем на им понятном языке.

Кстати, о критиках. Зрительный зал Ла Скала вызвал у меня прямые ассоциации с трибунами «Сан-Сиро». Дело в том, что в ходе концерта голос Паваротти дважды срывался на какое-то мгновение, причем во второй раз это заметил даже я. Честно говоря, на мой взгляд, это не такой уж большой грех: два малюсеньких скачка за три часа тяжелой и напряженной работы, — ведь можно только догадываться, каких усилий требует исполнение всех этих арий. Но публика, должно быть, всегда стремится к идеалу, и оба раза, стоило голосовым связкам Паваротти дрогнуть, по партеру проходил легкий шепоток. Галерка же отваживалась даже на свист.

Точь-в-точь как на стадионе: боковые трибуны, особенно их центральные сектора, занятые более обеспеченной и респектабельной публикой, как правило весьма спокойно реагируют на ошибки футболистов. Но за воротами, где собираются самые рьяные болельщики, редко встретишь снисходительное отношение к промахам игроков: настоящий тиффози всегда готов разразиться гневной тирадой в адрес своего кумира, давшего плохой пас или неудачно пробившего по воротам.

Так было в тот вечер и в Ла Скала: сливки общества, конечно, дали Паваротти понять, что его ошибки не прошли незамеченными, но сделали это вполне тактично и по окончании

концерта наградили артиста заслуженными аплодисментами. Галерка же до конца так и не простила певца, и даже прощальный его поклон сопроводила нестойким, но все же весьма отчетливым свистом.

Такова природа человека, заставляющая его искать выход своим эмоциям и обрушивать их на других. Помню, играя в «Лугано», я отправился в Милан посмотреть первую игру «Интера» в чемпионате. С особым вниманием я следил за действиями своего друга Берти (в том матче он носил капитанскую повязку), недавно восстановившегося после травмы. Конечно, не только мне, но и многим болельщикам было интересно, насколько сумел Никола набрать форму.

Поначалу все шло нормально, он несколько раз получил мяч и хорошо им распорядился. Но потом — такое неминуемо бывает с каждым, это же футбол — ошибся с передачей. Тут неподалеку от меня вскочил какой-то человек и, размахивая руками, закричал: «Эй, Берти, как же ты уже надоел!»

Я страшно удивился и подумал: «Когда же он успел тебе надоесть. Это ведь первая игра сезона, и он совершил только первую ошибку!» Но в действиях болельщиков не всегда следует искать логику. Кто знает, что случилось с этим парнем перед походом на стадион: поспорил с начальником по работе, поругался с женой? Так или иначе, плохое настроение будет вымещено на футболистах. А может, как раз им, футболистам, удастся своей хорошей игрой это настроение поднять, и тогда верному болельщику сразу перестанет надоедать Берти и вообще никто не будет ему страшен в течение нескольких следующих дней — ни начальник, ни жена. Подумать только, сколько счастья и — жаль, конечно, но от этого никуда не деться — горя можем мы принести другим!

* * *

В сезоне 1992/93 радости своим болельщикам мы доставили значительно больше, чем огорчений. Правда, неудача в стартовом матче в Удине сразу же поставила нас в нелегкое положение догоняющих, поскольку принципиальный земляк-соперник «Милан» — чемпион и первый фаворит нового сезона, а значит, вдвойне наш главный конкурент — начал новую кампанию очередным мощным рывком, выиграв семь матчей кряду. Не все победы «россонери» (красно-черных) были одинаково уверенны:

за вымученным выигрышем дома у «Фоджи» — 1:0 — последовал фейерверк голов в Пескаре, где уже к перерыву команды по четырежды добились успеха, а во втором тайме Ван Бастен, завершив свой хет-трик, поставил точку — 5:4. Потом две упорных встречи с «Аталантой» и «Сампдорией», закончившиеся с незначительным перевесом чемпиона, — и новый всплеск активности бомбардиров: во Флоренции разгромлена «Флорентина» — 7:3, а неделю спустя в Милане побежден «Лацио» — 5:3.

К восьмому туру, когда «Милан» понес первую потерю, сыграв на «Сан-Сиро» вничью с «Торино», мы отставали от него на пять очков. Одно из них было потеряно нами в домашнем матче с «Фиорентиной» (это было в четвертом туре, предшествовавшем поездке «Милана» во Флоренцию). В начале второго тайма мы пропустили гол от аргентинского форварда «Фиорентины» Габриэля Батистуты и всеми силами бросились отыгрываться. Времени оставалось все меньше, мы начали волноваться, спешить, и тут, за десять минут до финального свистка, мне удалось сравнять счет. Это был самый странный гол в моей карьере.

«Фиорентина», с первых минут сделавшая ставку на контратаки, была верна избранной тактике и ни на секунду не отказывалась от нее, обороняясь грамотно и большим числом. Преодолеть ее защитные порядки было очень непросто — наверное, пальцев одной руки хватит для того, чтобы сосчитать созданные нами за весь матч опасные моменты. И вот я получил мяч в середине поля и пошел вперед. Первый защитник встретил меня примерно в 25 метрах от ворот. Я сыграл в «стенку» со Скиллачи: отдал ему мяч, мгновенно открылся, забежав сопернику за спину, и тут же получил обратный пас в одно касание. Готовясь к приему мяча, я молниеносно оценивал ситуацию. До ворот метров двадцать, впереди вторая линия обороны, которую мне в одиночку не преодолеть; партнеры все закрыты, так что пас отдать некому. Похоже, единственным вариантом оставался удар по воротам, но с такого расстояния надо бить сильно, а значит, я должен был сперва обработать мяч, прокинуть его вперед, чтобы вторым касанием нанести удар подъемом. Но на это нет времени: сбоку приближается соперник, который не позволит замешкаться ни на долю секунды и сразу же накроет мой удар. Все эти мысли пронеслись в моем мозгу в считанные мгновения, и я понял, что у меня просто нет выхода.

То, что случилось потом, я не могу объяснить до сих пор. Откуда возникла идея с ходу пробить «щечкой»? Как можно решиться на подобный удар с такого расстояния? Скажу честно:

не знаю. Однако я поступил именно так: без обработки, первым же касанием я послал мяч в сторону ворот. Естественно, такой удар не мог получиться сильным: мяч взмыл вверх и медленно, слишком медленно, как мне казалось, полетел в сторону ворот. И тут возникает второй вопрос: как после такого удара мяч оказался в «девятке»? Возможно, вратарь не видел момент удара или просто не верил в то, что в этой ситуации можно пробить, но, так или иначе, Алессандро Маннини запоздал с прыжком и не сумел помочь своей команде.

Сознание того, что я на секунду осчастливил восемьдесят тысяч болельщиков, вызвало в моей душе бурную радость, которая была безмерно усилена тем, что я никак не ожидал такого исхода и не мог понять, как же все это приключилось. И до сих пор не понимаю. Да, это действительно был самый странный гол в моей жизни.

Трибуны «Сан-Сиро» ожили, а мы, казалось, пребывали в нерешительности: то ли, сумев спасти игру, остановиться на достигнутом, то ли продолжить натиск и попытаться вырвать победу. Эта нерешительность стоила нам новых проблем — Батистута забил второй мяч. Теперь уж раздумывать было нечего, мы вновь ринулись отыгрываться, и три минуты спустя наш свободный защитник Серджо Баттистини ударом головой после розыгрыша углового установил окончательный счет — 2:2.

Уходя в раздевалку после матча, мы чувствовали, что болельщики на трибунах с трудом переводят дух. Мы в общем-то и сами были опустошены, не часто ведь последние минуты игры становятся такими насыщенными и драматичными.

Еще одна неудача, куда более серьезная, поджидала нас в Риме. Первый тайм против «Ромы» мы провели в равной борьбе и незадолго до перерыва обменялись голами: Сильвано Бенедетти вывел хозяев поля вперед, но Маттиас Заммер восстановил равновесие. Худшее, однако, ждало нас впереди: не успел начаться второй тайм, как отличился еще один полузащитник сборной Германии — Томас Хесслер. Когда же мы попытались переломить ход игры, римляне наказывали нас острыми контратаками: Джузеппе Джаннини и Руджеро Рицциттелли довели счет до разгромного — 4:1 в пользу «Ромы ». Это было наше самое крупное поражение в сезоне.

Осечка «Милана» в восьмом туре позволила нам чуть приблизиться к лидеру. В гостях мы разгромили «Пескару» — 4:1. Через пять минут после перерыва я положил начало нашей победе, и, хотя вскоре хозяевам удалось сравнять счет, нас уже было не остановить. После этой победы мы догнали «Торино». Впереди оставался только «Милан», преимущество которого

составляло четыре очка. В тот момент оно не казалось таким уж внушительным, тем более что мы разыгрались и поверили в себя. Крупная победа над «Пескарой» последовала за красивым и уверенным выигрышем у «Ювентуса» на «Сан-Сиро». В этом дерби Италии мы просто сокрушили туринцев: Соса и Заммер забили по голу уже в первом тайме, что позволило нам после перерыва вести спокойную игру на удержание счета. Впрочем, это одно название — «спокойная», на самом деле успокаиваться нельзя было ни на минуту. В атаке «Ювентуса» в то время блистали Джанлука Виалли и Роберто Баджо, в полузащите игру вел немец Андреас Мёллер, а обороной руководил его соотечественник Юрген Колер. Про каждого из этих прекрасных футболистов можно долго рассказывать, перечисляя их многочисленные заслуги и титулы. Все они вписали много ярких страниц в футбольную историю, добивались успехов и в сборных, и в различных клубах. В том числе и в «Ювентусе», который тогда стоял в начале славного пути: в конце сезона 1992/93 он завоевал Кубок УЕФА, затем стал чемпионом Италии, выиграл Лигу чемпионов. Межконтинентальный кубок — короче говоря, всё, что только может выиграть клуб. Правда, к тому моменту, когда туринский суперклуб завоевал свой последний трофей, в его составе уже не было перечисленных выше игроков, однако все они в свое время внесли солидный вклад в подготовку этого триумфа.

Вы понимаете, что удерживать добытое в первом тайме преимущество, когда тебе противостоит такой соперник, не слишком-то легко. Поэтому мы думали не только о том, как отбиться от атак «Ювентуса», но и о том, как при удобном случае увеличить свое преимущество. И однажды такой случай представился.

Мы перешли в контратаку, я увидел свободную зону в штрафной площади соперника и устремился туда. Мой партнер по средней линии Алессандро Бьянкн, точно оценив ситуацию, отправил мяч мне вдогонку. Как раз когда я входил в штрафную под углом к воротам, мяч вылетел у меня из-за спины, ударился в землю и опустился прямо мне в ноги. До ворот было рукой подать — метров девять или десять. Наперерез мне в подкате бросился Колер, но я убрал мяч под себя (в тот период у меня просто здорово получался этот прием, да и вообще практически все удавалось легко и быстро), так что немец с разгона проскользнул мимо. Не дожидаясь, пока ко мне приблизится его партнер, я решил пробить: показав, будто собираюсь послать мяч в дальний угол, сильно ударил в ближний. Возможно, Анджело Перуцци обязан был парировать такой удар, однако слишком уж близким было расстояние: голкипер «Ювентуса» сумел лишь подставить

руку, но мяч от его перчатки отскочил в сетку. Так я довел счет просто до неприличного, и только за пять минут до конца Мёллер забил гол престижа. Мы победили — 3:1 — и почувствовали, что вполне можем бороться за «скудетто».

Потом, как я уже сказал, мы чуть приблизились к «Милану», победив «Пескару», тогда как лидер сыграл вничью с «Торино». Увы, радость наша продолжалась недолго: следующее же воскресенье вернуло нас с небес на землю. Мы дома сыграли вничью с «Сампдорией» — 0:0, а «Милан» сорвал злость в Неаполе, победив «Наполи» — 5:1 (Ван Бастен в той игре забил четыре гола), и его отрыв вновь увеличился.

После этого тура в чемпионате наступил небольшой перерыв, вызванный матчами сборных, а две недели спустя нас ждала очная встреча с лидером — знаменитое и волнующее миланское дерби.

* * *

Это совершенно особый матч в жизни каждого футболиста, да и болельщика, конечно, тоже. Летом, как только появляется на свет календарь нового сезона, тиффози первым делом ищут в нем именно дерби — миланские, римские, туринские — и обводят их даты жирными кружочками. Так делают не только поклонники команд, задействованных в этих конкретных матчах, но, можете не сомневаться, все без исключения, поскольку такие дерби вызывают всеобщий интерес, они давным-давно уже перестали быть просто матчами чемпионата и принадлежат не только участникам и их болельщикам, но всей Италии.

Для нас, игроков, подготовка к дерби начиналась сразу же после финального свистка арбитра в предыдущем матче. Если обычно мы могли отдохнуть хотя бы в понедельник, вспоминая прошедшее и не думая о новом сопернике, то теперь это было невозможно: мгновенно забывая о только что завершившейся игре, все мы переносились мыслями в предстоящее воскресенье.

Совершенно по-особому готовятся к дерби и болельщики. К каждому такому матчу они непременно готовят какие-то сюрпризы: создают новые гигантские знамена или яркие плакаты, разрабатывают пиротехнические трюки с ракетами, петардами и дымовыми шашками. В общем, можно не сомневаться, что на трибунах в такой день вам обязательно удастся увидеть что-нибудь необычное.

За несколько часов до начала игры, чуть ли не с самого утра, на стадион пропускают активистов из фан-клубов, которые начинают кропотливо готовить «декорации»: развешивают по перилам ярусов и расстилают вокруг поля плакаты (в этом плане у римских тиффози больше простора для творчества, поскольку поле Олимпийского стадиона окружено беговыми дорожками, которые без единого пробела застилаются элементами болельщицкой атрибутики — на «Сан-Сиро», конечно, свободного места значительно меньше), раскладывают на сиденьях разноцветные карточки или флажки, которые все должны будут одновременно поднимать по команде, создавая какую-то живую картину. В общем, к тому времени, когда команды попадают на родной стадион, он уже полностью готов к действу и украшен, как праздничный торт.

Несмотря на то что этот стадион для обеих команд является родным в равной степени (в Италии клубы не имеют собственных арен, и в тех городах, где есть две команды, они делят между собой муниципальный стадион, играя на нем поочередно), вопрос о том, кто в данной игре считается хозяином поля, очень важен. От этого зависит настроение на трибунах, поскольку они почти полностью будут заполнены поклонниками хозяев. Одних только сезонных абонементов любой большой клуб продает каждый год по несколько десятков тысяч, и, можно не сомневаться, что на дерби, в котором он будет хозяином поля, владельцы этих абонементов придут в полном составе. Да и при распределении немногочисленных билетов, поступающих в продажу, болельщики хозяев пользуются преимущественным правом.

В сезоне 1992/93, надо заметить, «Милан» продал рекордное количество абонементов — около 72 тысяч. А всего на домашние матчи клуба приходили в среднем по 76 тысяч. На 80-тысячном стадионе! «Интер» в этом плане значительно уступал своему земляку: порядка 28 тысяч абонементов было продано накануне сезона (это и неудивительно, принимая во внимание провал в предыдущем чемпионате), зато посещаемость по мере наших успешных выступлений (мы, кстати, стали в итоге единственной командой в Серии А, не проигравшей в первенстве ни одного домашнего матча) постоянно росла и в конечном счете составила в среднем более 50 тысяч.

Итак, пришел день первого в моей карьере дерби (не считая пулийского). По мере его приближения меня одолевали странные, непередаваемые чувства. Понятно, что прошлогодние встречи с «Миланом» (вы, конечно, помните, что «Фоджа» дважды была разбита — 1:3 и 2:8) не вызывали особенно приятных воспоминаний, если не считать забитого мною гола в первой

игре. Не менее грозен «Милан» был и на этот раз. Однако теперь ситуация существенно изменилась: я защищал цвета не маленькой провинциальной команды, а столь же славного и знаменитого клуба. Поэтому волнение, охватывавшее меня, объяснялось уже не столько уважением к грозному сопернику, сколько предвкушением бескомпромиссной борьбы.

Вот я снова стою в коридоре, ведущем из раздевалки на поле, плечом к плечу со знаменитыми на весь мир игроками. Гуллит, Ван Бастен, Рейкаард, Мальдини, Барези — все они на месте, все в полном порядке и по-прежнему заставляют трепетать всю Европу (в тот момент никто еще не мог этого знать, но спустя три дня после нашей встречи «Милан» разгромит в Лиге чемпионов шведский «Гетеборг» — 4:0, причем все четыре гола забьет Ван Бастен, и этот феноменальный успех обеспечит ему третий титул лучшего игрока Европы). Минувший год добавил футболистам «Милана» славы и титулов, однако я уже смотрю на них совсем иными глазами. Они больше не кажутся мне исполинами, непобедимыми богатырями, в борьбе с которыми у меня и моих товарищей нет никаких шансов на успех. Я вижу в них равных соперников, которым придется изрядно потрудиться, чтобы доказать на поле свое превосходство над нами.

Думаю, перемена моего настроения по сравнению с временами «Фоджи» вам понятна: теперь я принадлежу к столь же великому клубу и ношу не менее знаменитую форму, так что у меня нет никаких оснований трепетать перед равными. И мои новые партнеры испытывают такие же чувства. Наши глаза горят, адреналин в крови заставляет сердце стучать о грудную клетку, дыхание учащается. Мы хлопаем в ладоши, подбадривая друг друга, и с криками: «Ваи, ваи!» («Пошли, пошли!») мы взбегаем по лестнице, ведущей в тоннель и на арену. Эти несколько ступенек для нас — не тяжелый путь на эшафот, как бывает для очень многих команд, а дорога на поле брани, на котором мы можем покрыть себя неувядающей славой.

Родной «Сан-Сиро» сегодня выглядит очень необычно. В его убранстве слишком много красного, режущего нам глаза. Странно ведет себя и публика: она восторженно приветствует удачные действия наших соперников и освистывает нас. Ну, а когда за пять минут до перерыва Джанлуиджи Лентини, талантливый длинноволосый полузащитник, недавно перешедший в «Милан» из «Торино», забивает нам гол, трибуны начинают сходить с ума.

С этим не так-то легко примириться: «Сан-Сиро» радуется голу в ворота «Интера» — такое возможно только один день в году. Что ж, сейчас именно такой день — перед своими трибунами мы чужие, гости на родном стадионе. Наши

болельщики занимают лишь одну трибуну за воротами, и эта (отнюдь не маленькая, в принципе) трибуна кажется одиноким синим островком, тонущим в безбрежном красно-черном море. Криков в поддержку «Интера» практически не слышно: «Сан-Сиро» в едином порыве жаждет нашего краха.

Что ж, тем хуже для него: в середине второго тайма, когда Луиджи де Агостини сравнивает счет, красно-черное море внезапно сковывает мертвый штиль. И на фоне гробовой тишины слышны крики радости верных нам тиффози.

Болельщики «Милана» особенно досадовали потому, что наш гол был забит из-за явной ошибки вратаря. Де Агостини пробил практически с середины поля, и у Франческо Антониоли, молодого голкипера, который тогда заменял травмированного Себастьяно Росси, была масса времени, чтобы подготовиться к приему мяча. Однако он неверно оценил ситуацию, ошибся в расчетах и совершил неудачный бросок. В итоге мяч прямо перед ним ударился в землю и, перелетев через распластавшегося вратаря, опустился в сетку. Что и говорить, нам крупно повезло, однако в целом это был равный матч, по справедливости завершившийся вничью. «Милан» потерял лишь второе очко в чемпионате и по-прежнему опережает нас на пять очков. На четыре от лидера отстает «Ювентус», мы же идем вровень с «Сампдорией» и «Торино». Но это только начало чемпионата, и многое еще можно исправить, так что мы не расстраиваемся. В запасе у нас матч второго круга с «Миланом» уже на нашем поле!

Однако вскоре турнирная ситуация для нас осложнилась: в начале декабря мы два матча подряд проводили в гостях и оба проиграли. Первый, о котором я уже рассказывал, — «Анконе» (0:3), а второй — римскому «Лацио» (1:3). И хотя вслед за этим, вернувшись на «Сан-Сиро», в первый игровой день нового, 1993 года мы разгромили «Дженоа» — 4:0 — и вновь вышли на второе место, отрыв «Милана» существенно возрос: к 15-му туру лидер опережал нас уже на восемь очков.

* * *

А в 15-м туре меня ждало возвращение в Фоджу. Собственно, это был не первый мой приезд с «Интером» в гости к команде, открывшей для меня Италию. Первый состоялся еще в начале октября, когда мы проводили кубковый матч третьего круга.

Пока мы готовились к поездке на юг страны, меня

переполняли эмоции. Я с нетерпением ждал возвращения туда, где провел прекрасный год своей жизни, представлял, как проеду по знакомым улицам на маленький уютный стадион, выйду на ноле. Но как встретят меня трибуны? Я же для них теперь игрок чужой команды. Эти мысли роились у меня в голове, не давая успокоиться.

Приехав, мы поселились в той самой гостинице, в которой я прожил первые четыре месяца, пока не перебрался в квартиру. Было приятно увидеть знакомые лица: швейцар, портье, горничные, официанты, — всех их я сразу же вспомнил, да и они меня, конечно, тоже. Один за другим навестить меня приходили приятели и знакомые, которые были так же, как и я, рады нашей новой встрече. У меня не было никакой возможности подняться в свой номер, и я весь вечер просидел в баре на первом этаже, беседуя то с одним, то с другим и предаваясь воспоминаниям о времени, проведенном вместе.

Посетила меня и группа болельщиков «Фоджи». Им тогда приходилось нелегко, ведь команда после успешного сезона была распродана чуть ли не целиком, и Зденеку Земану приходилось создавать ее практически заново, а потому рассчитывать на особо успешное выступление в новом сезоне поклонникам «Фоджи» было трудно. Тем не менее они не унывали и предупредили меня, что готовят один сюрприз. Я почему-то сразу подумал: «Наверное, исполнят песню в мою честь», и не ошибся. Когда мы вышли к центру поля перед началом матча, трибуны встали и хором исполнили четверостишие, которое вы уже знаете:

Он приехал из России,
Его прислал Горбачев,
Он высокий и могучий,
И зовут его Шалимов.

Стоит ли говорить, что я был очень растроган таким теплым приемом? Было приятно почувствовать, что, проведя предыдущий сезон в «Фодже», я оставил след не только в статистических справочниках, но и в сердцах многих людей. Они же, в свою очередь, навсегда заняли место в одном из уголков моей души.

Тот матч закончился вничью — 0:0, а в ответной встрече, в которой я участия не принимал, «Интер» уверенно победил — 2:0.

И вот 10 января 1993 года я во второй раз приехал в Фоджу. Но это была уже совсем другая история.

Октябрьский кубковый матч не вызвал такого интереса, как игра чемпионата: трибуны моего бывшего стадиона не были заполнены, обстановка на них царила спокойная и

доброжелательная, почти как во время товарищеской встречи. Но теперь все было по-другому: маленький южный город бурлил в ожидании миланского суперклуба.

Оживились и журналисты: на протяжении всей предшествовавшей матчу недели меня, как бывшего игрока «Фоджи», одолевали репортеры, пытавшиеся придумать наиболее каверзные, провокационные вопросы. Естественно, часто вспоминали о моем конфликте с Земаном. Я старался говорить как можно более взвешенно и спокойно, чтобы не способствовать разжиганию ненужных страстей. Однако это мне не вполне удалось.

В субботу по окончании последней перед вылетом из Милана тренировки меня спросили, как я оцениваю успехи «Фоджи» в предыдущих матчах (команда Земана не проигрывала пять туров подряд, одержав три победы, в том числе над «Лацио» и «Ювентусом»). Вопрос прозвучал с явно провокационным оттенком: согласен ли я с тем, что Земан сотворил новое чудо?

Я ответил лаконично и аккуратно: мол, действительно, «Фоджа» последние игры проводит здорово, но для того, чтобы делать глобальные выводы, нужно подождать конца сезона. Каково же было мое удивление, когда на следующее утро, уже в Фодже, я обнаружил в газете броский заголовок, наподобие: «ШАЛИМОВ РАЗВЕНЧИВАЕТ ЗЕМАНА».

Мои невинные слова преподнесли так, словно я считаю своего бывшего тренера чуть ли не шарлатаном и выскочкой. Рядом была помещена реплика президента «Фоджи» Казилло, который примерно в том же духе говорил обо мне: дескать, «Фоджа» мне столько дала, а я, злодей, уехал и без малейшей благодарности отзываюсь о своей бывшей команде. В той заметке хватало обидных для меня выражений, однако обижаться на Казилло я не мог: а вдруг его мысли были так же извращены при переводе на бумагу, как и мои? Что, если мы оба стали жертвами в погоне журналиста за дешевой сенсацией?

Так или иначе, настроение было безнадежно испорчено. Я страшно разозлился и горел желанием отомстить за все оскорбления на ноле. Но и болельщиков «Фоджи» охватывали примерно те же эмоции: когда я перед игрой вышел на газон, с трибун раздался яростный свист. А ведь совсем недавно те же самые люди пели песню в мою честь! Согласитесь, подобную перемену в отношении к себе не так-то легко воспринять.

В тот момент я ненавидел журналистов, одной статьей разрушивших добрые отношения с моей первой итальянской командой, открывшей мне путь к вершинам «кальчо». И, пожалуй, единственный раз в жизни такое взвинченное состояние перед

матчем принесло не вред, а пользу. Во всех остальных случаях моя игра лишь страдала от ненужной злости и чрезмерного напряжения нервов. Но в тот день я провел один из лучших матчей в своей карьере.

В середине первого тайма мы получили право на угловой. Я занял привычное место на подступах к штрафной, готовясь подхватить мяч в том случае, если защитникам удастся отбить его. Рядом со мной, метрах в пяти, находился Колыванов, с которым еще недавно мы были партнерами. Переглянувшись, мы чуть улыбнулись друг другу, а затем он пошел к своим воротам, чтобы помочь защитникам.

По иронии судьбы мяч попал точно к Игорю. Он вообще-то не слишком здорово играет головой, особенно в обороне, и в этом эпизоде допустил ошибку: ударив не глядя, он отбросил мяч точно мне под удар. Я не стал раздумывать и мощно пробил с полулета — мяч как из пушки влетел в верхний угол.

Получился красивый гол, и мы вышли вперед. Уже во втором тайме, за двадцать минут до конца. Соса забил второй мяч, а спустя еще три минуты я сделал счет разгромным. Приняв длинную передачу из глубины, я на линии штрафной сыграл в «стенку» с Сосой, вышел один на один с вратарем и мягко перебросил его. Что ж, эти два зрелищных гола утолили мою жажду мести. В самом конце «Фоджа» отыграла один мяч, и мы победили — 3:1. А когда мы уходили с поля, зрители, хоть и жидковато, но все-таки похлопали нам.

* * *

В конце марта — начале апреля вновь наступил период, когда мы с разрывом в две недели должны были провести два классических матча: дерби Италии против «Ювентуса» в Турине, а затем миланское дерби на «Сан-Сиро», в котором уже мы считались хозяевами и могли рассчитывать на бешеную поддержку трибун.

Накануне игры с «Ювентусом» ко мне подошел Освальдо Баньоли и, хитро прищурясь, сказал:

— Что-то ты давненько не забивал.

— Да уж, признаю, виноват, — ответил я. Действительно, после двойного успеха в Фодже мне больше не удавалось поражать ворота.

— Ты в порядке? — спросил тренер.

— Абсолютно. Можете не волноваться, скоро я это дело исправлю.

Улыбнувшись друг другу, мы закончили этот шутливый, как вы понимаете, разговор. Разумеется, Баньоли не мог иметь ко мне претензий по части результативности, я ведь не нападающий, а для своего в большой степени оборонительного амплуа и так забивал прилично. Уж не знаю, почему он завел этот разговор: может, думал, что я переживаю, и хотел как-то подбодрить, подстегнуть, что ли? Но так или иначе, лучшего времени для этой краткой беседы он найти не мог, ибо на следующий день я вернул свое имя в список бомбардиров.

Матч с «Ювентусом» на туринском стадионе «Делле Альпи» сложился для нас успешно: мы сразу же захватили инициативу и уже через четверть часа вели в счете. Рубен Соса мощно пробил метров с тридцати, Перуцци бросился в угол, но мяч ударился в землю прямо перед голкипером и над его руками проскочил в сетку.

Хозяева, опешившие от такого начала, бросились отыгрываться и минут пять не выпускали нас со своей половины поля. На 20-й минуте они получили право на штрафной в середине поля. К мячу подошел бразильский защитник «Юве» Жулио Сезар и, вместо того, чтобы сделать передачу вперед, решил отдать поперечный пас. Соса, каким-то шестым чувством предвосхитивший этот момент, рванулся наперерез и сумел перехватить мяч, так что совершенно неожиданно возникла опасная контратака: мы втроем (перед Сосой находился Давиде Фонтолан, а я начал разбег на фланге) оказались против двух игроков обороны. Соса переправил мяч Фонтолану, перед которым оставался последний защитник. Давиде решил не рисковать и не обыгрывать соперника, а сделал небольшую паузу и отдал мне фантастический по точности пас, выведя меня один на один с Перуцци. Обрабатывая мяч на линии штрафной, я краем глаза заметил, что вратарь со всех ног несется ко мне, сделал вид, что намерен сильно пробить, а вместо этого подсек мяч и мягко перебросил его через голкипера.

Трибуны погрузились в гробовое молчание: им не часто приходится видеть, как великий «Ювентус» в родных стенах через двадцать минут после начала матча проигрывает два мяча. Ну, а нашей радости не было предела, ибо мы почувствовали, что можем победить в этой встрече. Ко мне подбежал Фонтолан, я запрыгнул на него и начал размахивать рукой. Вечером, наблюдая за этой сценой по телевизору, я поймал себя на мысли, что мы с Давиде создали — конечно, ненамеренно — живую картину а-ля Бразилия-70. Вы наверняка помните знаменитый снимок,

обошедший все издания мира: после гола в ворота итальянцев в финальном матче Жаирзиньо держит на руках героя эпизода Пеле, выбросившего вверх кулак победителя. Уж не знаю, кто из нас на кого меньше похож — я на Пеле или Фонтолан на Жаирзиньо, — однако в порыве радости мы очень напоминали игроков команды, ставшей тогда трехкратным чемпионом мира.

«Ювентус» так и не смог прийти в себя после двух пропущенных в самом начале голов, и счет 2:0 остался без изменений до финального свистка.

* * *

А три недели спустя — новое миланское дерби. Та же безумная обстановка в городе в течение нескольких предшествующих матчу дней, гот же клокочущий вулкан, в который превращается в воскресенье «Сан-Сиро». Но теперь уже мы хозяева поля, а значит, трибуны громче и яростнее поддерживают нас.

Это был наш последний и весьма призрачный шанс уцепиться за «скудетто». В случае победы наше отставание от «Милана» сократилось бы до пяти очков. Это не так уж и мало, однако в той ситуации психологическое преимущество непременно было бы на нашей стороне. Дело в том, что «Милан», мощно начавший чемпионат, к концу сезона попал в тяжелую полосу неудач. У команды едва хватало сил для игры в национальном первенстве и в Лиге чемпионов. Возможно, руководство клуба посчитало, что европейский кубок в тот момент был для него важнее, ведь «Милан» вернулся в Европу после годичной дисквалификации. УЕФА наказал его за самовольный уход игроков с поля в ответном четвертьфинальном матче Кубка чемиионов-90/91 с «Марселем». Вернувшись, «Милан» горел желанием доказать, что по-прежнему остается лучшим клубом Европы. И это ему почти удалось: в мае 1993-го красно-черные играли в финале Лиги чемпионов, но уступили… все тому же «Марселю» — 0:1.

Не знаю, по этой ли причине или по какой другой, но в то время, когда «Милан» продвигался к европейскому финалу, его дела в чемпионате складывались неважно. Достаточно сказать, что из двенадцати последних матчей будущий чемпион сумел выиграть лишь один и девять свел вничью. Теперь вы понимаете, почему я говорю, что отрыв в семь очков за одиннадцать туров до конца не мог гарантировать нашим землякам спокойной жизни,

и, если бы мы победили в дерби, вопрос о чемпионе оставался бы открытым, возможно, до самого конца.

Мы вышли на этот матч, как на самый главный матч своей жизни, и с первых секунд при бешеной поддержке трибун бросились вперед. Подхлестывало нас не только стремление до самого конца побороться за чемпионский титул, но и горячее желание отыграться за недавнее обидное поражение. Так сложилось, что в том сезоне нам с «Миланом» пришлось провести не два, а четыре дерби: волею календаря мы в январе — феврале встретились в четвертьфинале Кубка Италии. Первый матч, в котором хозяином поля считался наш соперник, мы свели вничью — 0:0, а во втором были разбиты — 0:3. Два гола в самом начале встречи забил нам тогда Жан-Пьер Папен, один из ярчайших нападающих во всей истории французского футбола, в 1991 году признанный лучшим футболистом Европы (как раз тогда «Марсель», за который он выступал, и выбил «Милан» из Кубка чемпионов, затем в полуфинале дважды выиграл у «Спартака», а в решающем матче уступил по пенальти «Црвене звезде»), однако так и не сумевший по-настоящему раскрыться в заграничных клубах — ни в «Милане», ни позже в «Баварии». Хотя и в Италии, и в Германии у него бывали отдельные звездные дни. Один из них пришелся на тот самый кубковый матч, когда уже к 12-й минуте юркий француз дважды поразил наши ворота. А за десять минут до перерыва Рууд Гуллит поставил унизительную для нас точку.

И вот четвертое, последнее и самое важное дерби в сезоне. Раз за разом создавали мы опасные моменты у ворот Себастьяно Росси, но сопернику удавалось отражать наш натиск. А за минуту до свистка на перерыв мы все-таки открыли счет. Сделал это Никола Берти после розыгрыша углового: ворвавшись в штрафную, он просто смел с пути пытавшегося помешать ему защитника и в высоком прыжке пробил головой. Мяч ударился в перекладину, отскочил в землю и от нее в сетку.

Нашей радости не было предела — мы чуть не задушили Берти, навалившись на него всей командой. Гол, забитый на последних минутах тайма, всегда считается вдвойне ценным. У соперников уже нет времени отыграться, забыть о неудаче, и значит, весь перерыв они проведут в раздевалке в тяжелых переживаниях по поводу своей ошибки в столь неподходящий момент. Наверное, игрокам «Милана» было несладко в эти четверть часа, разделявшие два тайма. Мы же ворвались в раздевалку, возбужденные и воодушевленные. Гол Николы удесятерил наши силы, и каждый из нас рвался назад, на поле, мечтая лишь о том, чтобы перерыв закончился как можно быстрее. Мы чувствовали, что судьба чемпионского титула в

наших руках.

Во втором тайме характер игры практически не изменился: никто не хотел уступать ни в одном эпизоде, обе команды вели отчаянную борьбу по всему полю, но в целом небольшое преимущество было на нашей стороне. Правда, опасных моментов было уже не так много, как в первой половине.

Трагическая для нас развязка наступила за семь минут до финального свистка. Роковую ошибку совершил молодой защитник Мирко Таккола. Этот 22-летний парень пришел к нам в ходе сезона из «Пизы» как игрок резерва и за полгода появился на поле лишь шесть раз, причем в пяти случаях выходил на замену. Один из таких случаев приключился как раз в матче с «Миланом»: минут через десять после начала второго тайма получил травму Анджело Орландо, и Баньоли выпустил Такколу.

Оставалось играть минут семь, и мы уже начали подумывать о победе, как вдруг пропустили гол в безобидной в общем-то ситуации (возможно, таково проявление высшей справедливости: вспомним, что в первом круге мы точно так же сравняли счет не самым логичным образом). Последовала длинная передача к нашим воротам в расчете на находившегося там Рууда Гуллита, — Таккола, по идее должен был легко прервать ее, однако не рассчитал и выпрыгнул раньше, чем было нужно. В итоге, когда мяч подлетел к нему, Мирко уже опускался и смог едва задеть его макушкой. И вместо того, чтобы помешать Гуллиту, невольно помог: мяч, замедлив полет, упал голландцу точно в ноги.

Справедливости ради стоит заметить, что Гуллит в тот момент находился под очень острым углом к воротам, и забить в той ситуации было очень непросто. Но на то он и выдающийся мастер, чтобы в одиночку решить судьбу матча в трудный момент. Гуллит быстро оценил обстановку и понял, что Дзенга ждет мощного удара в ближний угол — именно так обычно бьют форварды с такой позиции. И голландец обманул нашего вратаря: вместо того чтобы ударить со всей силы, Гуллит мягко покатил мяч низом в дальний угол. Совершенно не ожидавший этого Дзенга уже не мог ничего поделать и в отчаянии наблюдал, как мяч неспешно прокатился мимо его ноги и пересек линию ворот у дальней штанги.

Этот гол похоронил все наши надежды. Трудно описать то состояние, в котором мы находились. Оставалось играть еще несколько минут, можно было попытаться забить второй гол, но на это у нас не хватило ни физических, ни моральных сил. Мы доиграли матч вяло и безынициативно, смирившись с тем, что чемпионский титул достанется не нам. «Милан» в оставшиеся минуты тоже не лез на рожон, вполне довольствуясь ничьей,

сохранявшей его преимущество в семь очков.

До конца чемпионата оставалось одиннадцать туров. Разозленные неудачей в дерби, мы выиграли три матча подряд, забив по три мяча «Брешии» и «Анконе» и два — «Лацио». «Милан» же продолжал играть не слишком удачно и позволил нам сократить разрыв до четырех очков. Но, в конце концов, наши силы не безграничны, мы не могли выигрывать бесконечно, и в итоговой таблице нас разделили все те же четыре очка. А мы, в свою очередь, на пять очков опередили «Парму». Но тогда это не имело никакого значения: для такого клуба, как «Интер», любое место, кроме первого, считается плохим. К тому же в те времена только победитель первенства получал право выступить в Лиге чемпионов.

Единственное, чем могли мы утешаться, — это тем, что стали, как я уже говорил, единственной командой в Серии А, не потерпевшей ни одного поражения на своем поле. Но, как сказал классик, песок — плохая замена овсу.

ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

Отпуск летом 1993 года мы с Берти и еще несколькими друзьями начали в Нью-Йорке. Компанию нам составил Альдо Серена, в недавнем прошлом могучий нападающий «Торино», «Ювентуса», «Интера» и сборной Италии, в составе которой он стал третьим призером чемпионата мира 1990 года.

Пять дней мы вели светскую жизнь в каменных джунглях одного из самых знаменитых городов мира. В компании, окружавшей нас, было много знаменитостей. Тому, кто постоянно следит за модой, конечно, знакомы имена известных манекенщиц Наоми Кэмпбелл и Евы Герциговой, а любителям кино не надо представлять актеров Роберта Де Ниро и Дольфа Лундгрена. Встреча с Де Ниро, с давних пор моим любимым зарубежным киноактером, произвела на меня огромное впечатление. В жизни он ничуть не менее обаятелен, остроумен и загадочен, чем на экране. Недолгая же беседа с Лундгреном откровенно удивила: по его ролям — а играет он, как правило, крутых парней, отчаянно размахивающих огромными кулаками и сокрушающих все вокруг, — трудно было представить, что в жизни это спокойный, интеллигентный и образованный парень. По нашим понятиям, у него два высших образования. Однако, скажем, в фильме «Рокки-IV», где он играет советского боксера-костолома, ему легко удалось скрыть свой интеллект, не правда ли?

Единственное, что огорчало меня, — это мой весьма посредственный английский. Из всех моих новых знакомых только с чешкой Герциговой мне удалось более или менее сносно поболтать, поскольку она немного говорит по-русски. Я понял, что для международного общения английский язык незаменим, и дал себе слово, как только появится чуть больше свободного времени, обязательно заняться им. Надеюсь, у меня получится — итальянский, как вы помните, я учил очень серьезно, так что сегодня вполне могу считать его вторым родным языком.

За эти пять дней в Нью-Йорке удалось мне приобщиться и к американскому спорту: я посетил матч финальной серии чемпионата НБА (американцы, что им свойственно, называют его чемпионатом мира и. надо сказать, нисколько не преувеличивают: нигде на планете не играют в баскетбол так здорово, как в США). В «Мэдисон Сквер Гарден» встречались «Нью-Йорк Никс» и «Хьюстон Рокетс». За билет, стоивший шестьдесят долларов, в день матча пришлось заплатить шестьсот, но я не раскаивался в содеянном, поскольку великолепный

спектакль, который показали две лучшие на тот момент команды Национальной баскетбольной ассоциации, вполне стоил затраченных денег.

Из Нью-Йорка мы отправились в райское местечко в Карибском море — на крохотный островок Сен-Барт. Не знаю, есть ли в мире другой такой уголок: пожалуй, он чем-то напоминает Сейшелы, однако кажется более цивилизованным. В культурном центре Сен-Барта есть все, что нужно для насыщенного отдыха в конце XX века. Жизнь здесь бьет ключом, но стоит чуть отъехать от этого оазиса цивилизации, как природа Сен-Барта поразит вас своей первозданной красотой. Вы неожиданно почувствуете себя на необитаемом острове.

Здесь уже давно обустроили свои шикарные резиденции многие голливудские звезды и прочие знаменитости. Позволить себе подобную роскошь может далеко не каждый, а потому любое строение на Сен-Барте является примечательным — прежде всего благодаря имени хозяина: дом Барышникова, дом Нуриева.

Дом Рудольфа Нуриева произвел на меня неизгладимое впечатление. Он расположен на самой вершине отвесного утеса — открытый всем ветрам и словно готовый в любую секунду оторваться от своего фундамента и броситься навстречу волнам в безбрежное море. Удивительное здание: его линии энергичны, его образ печален. После смерти великого танцора этот прекрасный дом опустел и выглядит заброшенным, что придает ему еще большее очарование и большую притягательность, какими обладает полуразрушенный средневековый замок, находящийся во власти привидений и призраков прошлого.

Наслаждаясь морем, солнцем сказочной природой Сен-Барта, мы не переставали держать руку на пульсе итальянской футбольной жизни. По подписке к нам ежедневно приходила «Гадзетта дело спорт», из которой мы узнавали самые свежие новости. В межсезонье когда собственно о футболе писать нечего, главной темой становятся переходы игроков — как уже состоявшиеся, так и планирующиеся и вообще выдуманные. Можно только посочувствовать журналистам, вынужденным в этот период затишья заполнять многочисленные газетные полосы. Неудивительно, что многие темы репортерам приходится высасывать из пальца.

Едва ли не каждый день я узнавал что-то новое о себе: то я перехожу в «Торино», то туда, то сюда, то еще куда-нибудь. Разумеется, подобные измышления нисколько не волновали меня, напротив, было приятно сознавать, что даже в эти дни футбольная Италия не забывает обо мне.

Однако по возвращении в Милан мне пришлось убедиться,

что разговоры о моем переходе из «Интера» возникли не на пустом месте, хотя названия клубов, о которых писали в газетах, не соответствовали действительности.

Оказалось, что президент Пеллегрини собирается отдать меня на год в аренду «Удинезе», у которого «Интер» купил полузащитника Франческо Делль'Анно. Это была одна из множества операций, которые можно объединить под общим названием «коренная перестройка команды».

В этом, как мне кажется, заключалась главная ошибка президента, в конечном счете развалившего «Интер». Быть может, кто-то посчитает, что не мое дело оценивать поступки руководства, и, наверное, будет отчасти прав. Однако дальнейшая судьба команды показала, что действия Пеллегрини не принесли ей никакой пользы и, более того, серьезно навредили.

Да, президент мог быть недоволен результатами сезона 1992/93. С чисто статистической точки зрения мы выступили прекрасно, поднявшись с восьмого места в чемпионате на второе. Однако для клуба с такой историей любое место, кроме первого, может считаться провалом — только «скудетто» удовлетворит честолюбивых поклонников и руководителей «Интера». Поэтому, повторю, президент имел полное моральное право высказывать неудовлетворенность нашими результатами и стремиться к большему.

Другое дело, каким путем хотел синьор Пеллегрини добраться до вершины. Согласно его соображениям, команду следовало полностью перекроить, тогда как наш тренер Освальдо Баньоли, напротив, полагал, что ее нужно лишь слегка усилить, сохранив основу. Действительно, едва ли следовало до основания разрушать тот коллектив, который занял второе место.

Но президент считал иначе, а власть, как вы понимаете, была на его стороне. Поэтому с самого начала трансферного периода Пеллегрини демонстративно игнорировал все предложения Баньоли. Тренер просил сохранить для команды левого защитника Луиджи Де Агостини, но президент продал его в «Реджану», видимо, посчитав слишком старым. Де Агостини в тот момент было 32 года, он здорово провел в «Интере» один сезон, придя из «Ювентуса», и Баньоли, на мой взгляд, совершенно справедливо считал его одним из ключевых игроков команды. Но у президента была иная точка зрения, и в итоге «Интер» вступил в новый сезон вообще без левого защитника достаточно высокого класса.

Что касается атаки, то Баньоли просил президента купить в пару к маленькому и юркому уругвайцу Рубену Сосе мощного высокого форварда, хорошо играющего головой. Такой тандем

был бы идеален: Соса, который при росте всего 175 сантиметров имел массу других игровых достоинств — скорость, ловкость, технику и разящий удар, благодаря чему и забивал массу голов, при поддержке мощного партнера получил бы в игре больше пространства и времени. Но Пеллегрини включился — думаю, скорее всего из честолюбия — в борьбу, которую вели в тот момент все суперклубы Европы за Денниса Берхкампа из «Аякса». И выиграл эту борьбу! Так что партнером Сосы по нападению стал голландец — бесспорно, очень талантливый и высокотехничный футболист, которого, однако, никак не назовешь форвардом таранного типа. А значит, и здесь надеждам Освальдо Баньоли не суждено было сбыться.

Для меня же дело осложнялось тем, что Берхкамп приходил в «Интер» вместе со своим лучшим другом по «Аяксу» Вимом Йонком. Пеллегрини согласился на эту двойную сделку в надежде на то, что присутствие Йонка поможет Берхкампу быстрее адаптироваться к новым условиям и раскрыть свой талант в полной мере. Таким образом, в лице голландского полузащитника я получил прямого конкурента на место в основном составе.

В команде оказалось слишком много иностранцев: Соса, Берхкамп, Йонк, Панчев и я. Играть же одновременно могли только трое. Сосе и Берхкампу места в составе были гарантированы: уругваец в предыдущем сезоне забил 20 голов, а голландец был слишком дорог, чтобы сидеть на трибуне. Панчев, напротив, переживал трудный период и потому мог рассчитывать разве что на травму, дисквалификацию или отъезд кого-то из основных форвардов. Значит, оставалось два претендента на одно место в средней линии — я и Йонк.

Пеллегрини нашел свой способ решить эту проблему: обменять меня на Делль'Анно из «Удинезе». Поскольку Делль'Анно — итальянец, они с Йонком могли играть одновременно.

Президент вызвал меня для беседы. Надо сказать, что его предложение выглядело вполне достойно: речь шла не о продаже, а лишь об аренде, то есть через год я должен был вернуться в «Интер». При этом Пеллегрини предложил мне продлить контракт (в тот момент до истечения моего контракта с «Интером» оставалось три года) ровно на год. Это значит, что, проведя сезон в «Удинезе», я бы ничего не потерял: по возвращении впереди у меня все равно были те же три года в «Интере». Более того, президент намекнул, что, если я соглашусь на такое продление, мы сможем вновь обсудить все цифры.

Итак, впервые в жизни я встал перед необходимостью сделать

самостоятельный выбор. И я начал размышлять.

Конкуренции с Йонком я не боялся: если Берхкамп действительно высококлассный игрок, то о Йонке в то время сказать это было нельзя, и я считал, что вполне способен удержать свое место в основном составе. Однако следовало учитывать, что свое превосходство мне нужно было доказать не один, не два и даже не три раза, — нет, я должен был постоянно, из недели в неделю, держаться на более высоком уровне, чем мои голландский соперник. Малейший спад — и мы меняемся местами. А разве можно пройти сезон без спада, пусть даже короткого? Конечно, нет. Так было со мной и в «Фодже», и в первый год в «Интере» — оба раза кризис продолжался недолго, однако в обоих случаях я переживал его в игре, на поле, рядом с партнерами. А сумею ли так же быстро пережить на трибуне?

Однажды оказавшись вне основного состава, очень трудно вновь вернуться в него. Допустим, ты решил все свои проблемы, набрал форму и опять готов к игре — но этого мало. Без повода тренер не будет сажать на скамейку твоего конкурента. А значит, ты должен ждать, когда наступит кризис у него — только в этом случае у тебя появится шанс вернуться. Возникает крайне неприятная с моральной точки зрения ситуация: получается, что ты должен желать неудачи своему товарищу по команде. Он может быть прекрасным парнем, вы с ним можете дружить за пределами поля, помогать друг другу на тренировках, и у тебя не будет ни малейшего повода желать ему зла — но как же тяжело наблюдать за его игрой, сознавая, что твой единственный шанс напрямую связан с его провалом. Согласитесь, очень трудно подготовиться к такой жизненной ситуации.

Но бывает и так, что ты не попадаешь в состав по причине, не имеющей никакого отношения к спорной форме. Эта причина — тактические соображения тренера. Совершенно ясно, что в разных ситуациях тренер ставит перед командой разные задачи и в соответствии с ними компонует состав. В нашем с Йонком случае это выглядело так: если, скажем, «Интеру» предстоит трудный матч на выезде и Баньоли считает нужным повести игру от обороны, он выбирает Йонка. Если же тренер предпочитает более атакующее построение, то включает в него меня.

Все это выглядит совершенно логичным, не так ли? Однако попытайтесь представить, как трудно примириться с этим молодому человеку, который находится в прекрасной форме и вдруг не находит своего имени в составе на очередной матч. Для того чтобы правильно оценить ситуацию, нужен опыт, нужно понимание, нужен профессиональный подход, в конце концов. Игрок должен четко понимать, что является лишь одной

составляющей большого коллектива. «Нас в команде 25 человек, и мы все вместе делаем одно общее дело. Наша задача — добиться результата, и тренер знает, кто и в какой день должен эту задачу выполнять», — вот что говорит себе в такой ситуации настоящий профессионал. И тогда он спокоен, ибо знает, что ничего страшного не произошло, что тренер в нем вовсе не разуверился и что он должен, как и прежде, поддерживать свою форму и готовиться к тому дню, когда тренер сделает ставку на него.

Откуда у профессионального футболиста это умение взвешенно и спокойно оценивать ситуацию? Оно прививается с первых шагов в футболе, в котором он воспитывается. Но я не мог, просто не был готов относиться ко всему так, как требовалось. Именно поэтому впервые оказавшись вне состава, я стал ломать голову над тем, что сделал неправильно. А не сумев найти ответ (я действительно в тот момент играл вполне прилично), решил, что дело в изменившемся отношении тренера ко мне (хотя никакого изменения не было и в помине). Я начал злиться, потерял покой, а возбужденное нервное состояние тут же отрицательно сказывается на игре. В итоге получилось, что я своими размышлениями себе и навредил. Всего этого могло бы не быть, если бы я был воспитан иначе, в духе настоящего профессионализма. Но тут уж ничего не поделаешь…

Возможно, если бы я всерьез и надолго задумался об этой проблеме, то посчитал бы за благо уйти в «Удинезе», хотя покидать «Интер» мне в тот момент совсем не хотелось. Но на мое решение повлияли еще несколько обстоятельств.

Во-первых, у меня состоялся разговор с тренером. Баньоли, зная, зачем меня вызвал президент, сказал мне: «Не уходи, ты мне нужен, я рассчитываю на тебя». Его слова окрылили меня, и я стал смотреть на проблему конкуренции в более розовом свете. Был бы рядом со мной опытный прокуратор, он бы, конечно, отрезвил меня, охладил юношеский пыл. Да, пусть тренер верит в меня и готов пойти на конфликт с президентом. Хорошо, если я сумею оправдать его надежды, докажу правильность его выбора и команда начнет побеждать. А если нет? На кого обратит президент свой гнев после первой же неудачи? Конечно, на тренера и на меня, и тут уже никто не будет разбираться, виноваты ли мы в этой неудаче лично или это просто следствие стечения обстоятельств. В подобных конфликтах тот прав, у кого больше прав — то есть президент.

В конце концов, опытный прокуратор подсказал бы мне, что тренер тоже ни от чего не застрахован: сегодня он есть, а завтра президент вспылил — и его уже нет. Так, кстати, и произошло с

Баньоли: дела у «Интера» не заладились, и вскоре после начала второго круга терпение Пеллегрини лопнуло. Тренер был отправлен в отставку, и сезон мы завершали под руководством Джампьеро Марини, тренера юношеской команды «Интера». Сезон, ставший в итоге самым неудачным за всю историю клуба.

Да, много советов мог бы дать мне в тот трудный момент хороший прокуратор. Но, как вы уже знаете, рядом со мной был совершенно ничего не понимавший человек, и помощи мне было ждать неоткуда.

Он не мог ничего ни решить, ни подсказать, поскольку этот мир с его проблемами был ему совершенно незнаком. Он сам пользовался советами одного своего знакомого, в прошлом занимавшего довольно ответственную должность в «Интере». Тот знакомый, весьма приятный в общем-то человек, посоветовал отклонить предложение Пеллегрини и остаться. Он передал этот совет мне, и, поскольку совет этот совпал с моим желанием, я последовал ему довольно быстро, известив президента о том, что никуда из «Интера» уходить не намерен. И только потом, когда уже ничего нельзя было исправить, я понял, что знакомый этот, выступая в роли советчика, руководствовался — скорее всего подсознательно — своими личными соображениями. Он был обижен на Пеллегрини, который в свое время уволил его, и в глубине его души зрело желание вступить в борьбу с президентом, доказать его неправоту. Я не хочу осуждать этого человека: в конечном счете, он давал лишь дружеский совет в ситуации, в которую ему трудно было вникнуть до конца, высказывал свое личное мнение. И, разумеется, никого не заставлял следовать своим советам.

* * *

Ч етыре дня президент Пеллегрини и генеральный директор Боски уговаривали меня уйти в «Удинезе», но я твердо стоял на своем. «С какой стати мне уходить? Только потому, что приходят новые игроки? Это не повод отправляться в заштатную команду из великого клуба, за который я так хорошо играл в прошлом году!» — размышляя таким образом, я упрямо отказывался от всех предложений руководства. Можете себе представить, что далеко не всегда наши переговоры проходили в спокойной обстановке: президент не раз терял терпение и повышал голос. И это понятно: думаю, ему не часто приходилось встречать такое

отношение со стороны своих игроков — мало кто из профессиональных футболистов отважится перечить боссу и идти с ним на открытый конфликт.

Естественно, не следовало делать этого и мне. Но кто остановит меня, кто посоветует изменить линию поведения? Да во время моих переговоров с президентом мой представитель не мог не то что должным образом отстаивать мои интересы, но хотя бы связать два слова.

В нормальном же развитии все должно было выглядеть совсем иначе: мне вообще не следовало встречаться с президентом. В таких случаях все переговоры ведет исключительно прокуратор — настоящий прокуратор, который может и умеет разговаривать с президентом клуба на равных, как бизнесмен с бизнесменом. И тогда уже президент не будет ни раздражаться, ни повышать голос. А если переговоры вызовут его неудовольствие, он не станет переносить это чувство на игрока, с которым не имеет прямого контакта. Таким образом, благодаря прокуратору обе стороны берегут свои нервы и, несмотря ни на какие разногласия, не становятся врагами. Увы, в нашем случае этого избежать не удалось: после четырехдневных переговоров мы с Пеллегрини стали относиться друг к другу куда хуже, чем раньше.

Не говоря уж о том, что опытный прокуратор посоветовал бы мне согласиться на предложение президента. Сегодня, уже задним числом, можно понять, что, уйдя на год в «Удинезе», я бы ничего не потерял, а, напротив, мог бы многое приобрести. В скромной команде я, как в «Фодже», играл бы одну из ведущих ролей и провел бы сезон спокойно, не тратя лишних нервов на мысли о конкуренции. Пресса была бы на моей стороне и каждый мой удачный матч и тем более гол ставила бы в укор Пеллегрини: мол, зачем президент отпустил такого хорошего футболиста. Особенно актуален был бы такой упрек на фоне неудачной игры «Интера», для которого сезон 1993/94 стал, как я уже говорил, худшим в истории. Конечно, перед началом сезона знать этого наверняка никто не мог, однако подобное развитие событий вполне можно было предположить. Команда пережила серьезную перестройку, причем в полном противоречии с планами тренера, — вероятность того, что у такой команды возникнут проблемы, была очень высока.

И вот через год я бы вернулся из «Удинезе» героем. Вернулся бы с продленным контрактом, в хороших отношениях с президентом, который, пусть и не прилюдно, но в глубине души уж непременно осознал бы свою неправоту. И передо мной вновь открылись бы блестящие перспективы.

Все это смог бы предвидеть опытный прокуратор, не один год проработавший в футболе и научившийся понимать его. Но ожидать такого глубокого понимания от 24-летнего футболиста — и уж тем более от того, кто назывался его прокуратором, — не приходилось. Поэтому я упрямо стоял на своем и тем самым навредил своей карьере.

Немаловажным был и тот факт, что временный переход в «Удинезе» мог бы улучшить мое материальное положение. Согласись я на продление контракта, мы с Пеллегрини могли бы заговорить и о новых суммах. У меня в таком случае были бы неплохие шансы, поскольку президент находился в сложном положении: если я не иду в «Удинезе», значит, он не обменивает Делль'Анно, а покупает его (кажется, за него просили четыре миллиона долларов). Мое согласие помогло бы Пеллегрини сэкономить круглую сумму, и я имел полное право рассчитывать на часть этой суммы в качестве увеличения контракта.

Не впервые на этих страницах я завожу разговор о деньгах и каждый раз чувствую себя неловко. Так уж сложилось, что любого, кто заговаривает на тему материальных благ, у нас сразу же спешат объявить рвачом, хапугой и т.д. Хороший пример — конфликт в сборной 1994 года, когда ситуация была представлена общественности в искаженном виде. Тогда футболистов безосновательно обвинили в том, что они требуют денег, отказываются играть за родную страну, хотя в первую очередь речь шла об улучшении условий подготовки команды, о правильной организации дела, о достойном отношении к игрокам национальной сборной. Но, кажется, никому объяснить это мы не сумели — нас просто не захотели слушать. И действительно, зачем прислушиваться, пытаться понять, если можно легко и безболезненно перевести все в денежную плоскость? С тех пор меня не покидает какое-то противное чувство, словно я должен все время перед кем-то в чем-то оправдываться. Но Действительно ли здесь есть в чем оправдываться?

Так сложилось, что в современном профессиональном спорте заработки необычайно высоки, причем Футбол здесь далеко не на первом месте: многие мастера баскетбола, тенниса, хоккея, гольфа, бокса и ряда других видов спорта получают больше, чем футболисты. Но дело не в размерах, а в источниках их баснословных зарплат. Важно понять что спортсмен ни у кого не крадет и не отнимает деньги, он их честно зарабатывает. Люди по собственному желанию покупают билеты, абонементы, тратятся на спутниковое или кабельное телевидение и получают взамен высококлассное зрелище. Из этих денег складываются доходы команд, клубов и федераций, а часть этих доходов идет на оплату

труда спортсменов. Эта схема ничуть не отличается от любого другого экономического механизма.

Мы, футболисты, своим трудом приносим огромную прибыль нашим работодателям. Они, как и положено бизнесменам, стремятся к максимальным доходам, которые напрямую зависят от результата команды. А результат делаем мы. Каждый игрок в зависимости от своего мастерства, а по сути — от способности влиять на результат, имеет свою цену. Чем выше цена футболиста, тем выше его контракт. Владелец клуба, желающий добиться максимального результата, вынужден приобретать сильнейших игроков и платить им зарплату, соответствующую их уровню. В середине 90-х годов конкуренция между клубами сильно возросла, и поэтому суммы трансферов и зарплат значительно увеличились. Это совершенно естественно.

Не знаю, убедил ли я кого-то своими рассуждениями, но, по-моему, тут и убеждать-то не в чем. Нет и не может быть ничего постыдного в желании зарабатывать как можно больше — если, конечно, для этого не нужно преступать закон.

В России, увы, разговоры о деньгах всегда находят благодатную почву. Поэтому нашим оппонентам было очень легко увести общественное мнение в сторону от затронутых нами проблем. Для этого нужно было только заговорить о презренном металле. И мы сразу оказались плохими: ну как же, в стране тяжелое положение, а они только о деньгах думают.

Уже довольно много лет прошло с тех пор, однако воспоминания о тогдашнем конфликте по-прежнему не дают мне покоя. Что ж, быть может, когда-нибудь придет время вернуться к этому разговору и поставить все точки над «i». Но не сейчас.

* * *

Итак, я остался в «Интере», хотя для этого мне пришлось пойти наперекор президенту, что, конечно же, не сделало меня его лучшим другом. Но я был молод, полон сил и верил, что смогу доказать свою правоту на поле.

Поначалу ситуация складывалась благоприятно: Соса уехал играть за Уругвай на Кубке Америки, и нам с Йонком обоим хватило мест в составе. Игр семь или восемь мы провели вместе — это был мой шанс, который я, к сожалению, не использовал.

Прошло чуть больше года с того момента, когда меня назвали лучшим легионером в Италии. Что случилось со мной?

Состарился? О чем речь — мне же только 24! Разучился играть? Конечно же, нет — это невозможно! И все же я не был похож сам на себя.

Я упустил несколько возможностей забить — раньше со мной такого не случалось. Шансы у меня, игравшего в глубине полузащиты, возникали очень редко, зато реализовывал я почти все, благодаря чему и был одним из самых результативных в своем амплуа. Но теперь картина изменилась.

Особенно обидным в этом отношении был матч пятого тура в Риме против «Лацио». По воле календаря для нас это была вторая выездная игра подряд: неделей раньше в Кальяри мы потерпели первое поражение в сезоне. Победа в Риме позволила бы сразу забыть о той неудаче и вернуть команде хорошее настроение. Но мы сыграли вничью — 0:0, а я не использовал два отличных голевых момента. Сперва Йонк прекрасным пасом вывел меня один на один с вратарем, и я с полулета пробил выше, а затем, замкнув прострел с фланга, из выгодной позиции попал в штангу.

Эти неудачи подрывали мою уверенность в себе. И, что самое обидное, утрачивал веру в меня и тренер. Я находился не в том состоянии, чтобы Баньоли ради меня шел на конфликт с президентом, и, когда Соса вернулся с Кубка Америки, я очутился на трибуне. В тот момент я считал, что внутренне готов к такому развитию событий и сумею пережить этот период без потрясений. Но в действительности это оказалось куда труднее — я и не представлял, каким тяжелым окажется переход в разряд запасных игроков. В принципе, играл я не так уж мало: выходил на поле в 18-ти матчах чемпионата и забил два гола. Дело было в начале декабря в Лечче: мы провели ту игру на подъеме, выиграли -3:1, и я забил первые и, как потом оказалось, последние свои голы в чемпионате. Причем один из них — головой, чего со мной ни до, ни после этого не случалось. Все мы были воодушевлены победой, нам казалось, что она — первый шаг к преодолению кризиса и что скоро наши дела пойдут на поправку. Но, увы, за этим ярким выигрышем опять последовали бледные выступления, команда вновь утратила веру в себя и продолжала вязнуть в болоте средней части таблицы.

Кроме восемнадцати матчей чемпионата, я провел большинство из двенадцати игр на Кубок УЕФА, который мы в том сезоне завоевали. Но все равно впервые в своей карьере мне пришлось ощутить себя футболистом запаса, а жить с этим ощущением чрезвычайно тяжело.

А «Лацио» в том сезоне стал камнем преткновения не только для меня, но и для Баньоли: именно после матча с римлянами во втором круге наш тренер был отправлен в отставку.

Ту игру на «Сан-Сиро» мы начали и большей частью провели очень хорошо, за несколько минут до конца выигрывая — 1:0. Но непродолжительная расслабленность стоила нам двух очков (тот сезон был последним, в котором за победу давали два очка). Одну ошибку допустили защитники, одну — наш опытный вратарь Дзенга, прозевавший удар Ди Маттео метров с тридцати, и вместо победы наши болельщики стали свидетелями очередного поражения. Мы покинули поле под оглушительный свист трибун, а Баньоли на следующий же день был отправлен в отставку.

Мне довольно часто приходилось быть свидетелем тренерских перестановок в ходе чемпионата. В Италии, да, кажется, и в других странах, без них вообще ни один сезон не обходится. Но, насколько я мог заметить, пользы от таких перемен немного. Это, в общем, понятно: новому тренеру крайне тяжело включиться в работу, тем более что работать придется с игроками, находящимися в плохой форме и плохом настроении.

Бывают, конечно, исключения — скажем, в сезоне 1996/97 из неважно выступавшего «Лацио» ушел Зденек Земан, и его заменил Дино Дзофф, ранее тренировавший команду, а в тот момент занимавший пост президента. Он быстро наладил игру в обороне (я уже говорил, что это не самое сильное место Земана), а с атакой особых проблем и не было. В результате до конца чемпионата «Лацио» не потерпел ни одного поражения и резко вознесся в таблице, попав из опасной зоны, грозившей вылетом, в Кубок УЕФА. Вот одно из редких исключений, когда смена тренера в ходе сезона дала положительный результат. Наверное, знатоки футбольной истории найдут и другие. Но в целом, думаю, эти исключения лишь подтверждают правило.

Подтвердил его и «Интер» в сезоне 1993/94. За тринадцать туров до конца чемпионата президент Пеллегрини решил не искать замену Баньоли на стороне и предложил возглавить команду тренеру молодежи Джампьеро Марини. С психологической точки зрения это был неплохой ход. Марини — чемпион мира 1982 года — очень симпатичный человек, в клубе его любили и со всеми футболистами у него были прекрасные отношения. Он понял, что его главная задача — снять с нас тяжелый психологический груз, и это ему удалось. Его шутки и розыгрыши позволили нам встряхнуться.

В отношении меня все шутки Марини носили специфический характер. Он явно был наслышан о том, что русские любят выпить и что водка заменяет им и воду, и молоко. Поэтому он все время цеплялся ко мне с вопросами тина: «А ты какую больше любишь — апельсиновую или мандариновую?» Эту тему он продолжал и во время тренировок. Когда я ошибался, Марини непременно

кричал: «Я ж тебе говорил: пей апельсиновую, а ты все мандариновую глушишь». Ну, а во время сборов, совершая вечерний обход, тренер вообще разыгрывал целый спектакль: врываясь в мою комнату, он начинал обшаривать все шкафы и ящики, залезал под кровать, приговаривая: «Я все равно ее найду, так что лучше сам признайся, куда спрятал водку. Я же знаю, что ты собрался всю ночь напролет пьянствовать!»

Все это было весело, настроение наше с приходом Марини заметно улучшилось, однако на результатах это, увы, не сказалось. Вернее, сказалось даже в отрицательном плане: если с Баньоли мы проигрывали каждый четвертый матч, то с Марини — два из трех. Так что направление нашего движения по таблице было совсем не таким, какого ждали президент и болельщики, и к концу сезона мы из середины опустились на 13-е место: от лучшей из четырех команд, покинувших Серию А, нас отделило всего лишь одно (!) очко.

Спасти сезон нам удалось победой в Кубке УЕФА. Не знаю, что сделали бы с нами болельщики и президент, если бы мы и тут потерпели неудачу, оставшись без места в еврокубках на следующий год. К счастью, хоть в чем-то нам повезло.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТРОФЕЙ — КАК ЛОЖКА МЕДА

Победу в Кубке УЕФА вполне можно назвать ложкой меда в той бочке дегтя, какой представляется для нас неудачный сезон 1993/94. Как же загадочна и иронична наша жизнь: единственный в своей заграничной карьере трофей (причем весьма почетный!) я завоевал в самый трудный для себя год — не в период популярности и славы, когда был «звездой», а в тот момент, когда даже не в каждой игре появлялся на поле.

Надо честно признать, что на протяжении всего розыгрыша нам в обще много везло с жеребьевкой: из шести соперников, с которыми пришлось играть на пути к вершине, лишь один был по-настоящему силен. Но, в конце концов, хоть когда-то должна была фортуна улыбнуться нам!

В первом круге мы встречались с бухарестским «Рапидом» и выиграли очень легко. В домашнем матче три гола Берхкампа обеспечили нам победу — 3:1, которая позволяла со спокойным сердцем ехать на ответную игру. В Румынии я наблюдал за матчем с трибуны — наши играли уверенно, раскрепощенно и опять победили — 2:0.

Следующим подарком жребия стал кипрский «Аполлон». Мы так обрадовались, что даже не сумели толком настроиться на встречу с таким откровенно слабым соперником. Вновь первая игра прошла на «Сан-Сиро», и единственное, на что мы сподобились, — это на скромную победу со счетом 1:0 благодаря все тому же Берхкампу. В принципе, результат этот можно было назвать для «Интера» позорным, но мы не очень уж беспокоились, понимая, что можем наверстать упущенное в гостях.

Ответная игра получилась удивительно живой и необычной. Как мы и ожидали, начало далось нам легко: уже на пятой минуте я открыл счет. Вскоре в очередной раз отличился Берхкамп, в том розыгрыше забивавший едва ли не в каждом матче, — короче говоря, мы всю игру спокойно вели в счете: пропустив гол, тут же усилиями Фонтолана восстановили разрыв в два мяча. И вдруг что-то с нами произошло — не то устали, не то надоело нам играть, — и в течение нескольких минут мяч дважды побывал в наших воротах, к бешеной радости горячих болельщиков-киприотов. Нас словно окатили ледяной водой: в принципе, мы могли себе позволить пропустить еще один гол, но до такого позора доводить все же не хотелось. С трудом удалось нам

мобилизоваться и доиграть матч без дальнейших потрясений, подарив хозяевам поля почетную ничью — 3:3.

Очередным нашим соперником стал «Норвич». Новая удача: команда хоть и английская, но далеко не самая авторитетная. За год до этого «Норвич» неожиданно, пожалуй, даже для самого себя взлетел на третье место в чемпионате Англии и получил путевку в Кубок УЕФА. Но к моменту встречи с нами команда уже испытывала большие проблемы в новом сезоне и, кажется, в итоге лишилась места в премьер-лиге. Так что нам грех было жаловаться: из английских клубов это явно был самый удобный соперник.

Однако выход в четвертьфинал не дался нам легко: «Норвич» в типичном английском стиле навязал нам в обоих матчах упорную борьбу и заставил выложиться до конца. В очередной раз мы убедились в том, как превосходно британцы подготовлены физически. Нам удалось выиграть оба матча по 1:0 — и вновь голы забил Берхкамп: сперва в гостях с пенальти, назначенного за его же снос, а потом дома с игры.

И вот наконец-то нам достался серьезный соперник: в четвертьфинале жребий свел нас с дортмундской «Боруссией», финалистом предыдущего розыгрыша. Немецкий клуб тогда планомерно шел к вершине мировой славы — вскоре ему предстояло стать двукратным чемпионом Германии и завершить восхождение победой в Лиге чемпионов и Межконтинентальном кубке в 1997 году.

Первый матч в Дортмунде мы проводили без Берхкампа. В отсутствие своего друга обязанности бомбардира взял на себя его соотечественник Йонк, довольно быстро забивший два гола. Мы играли просто здорово. Что касается меня, то я, безусловно, провел свою лучшую игру за тот год. Она, кстати, вызвала большой интерес ко мне со стороны ряда немецких клубов: как рассказывал мне Сергей Кирьяков, немецкая пресса после того матча высоко отзывалась обо мне и активно развивала тему моего возможного перехода в Германию. Причем тогда в газетных статьях фигурировали куда более солидные клубы, чем «Дуйсбург», в котором мне предстояло оказаться спустя несколько месяцев.

Но вернемся на поле красивого и уютного дортмундского «Вестфален-штадиона» — одной из самых современных и удачных по дизайну арен Европы, квадратные трибуны которой вплотную подступают к полю. Легкость, с какой мы повели в счете против «Боруссии», была обманчива. Немцы постепенно перехватили инициативу и начали подминать нас. Мы в полной мере смогли осознать, почему немецкие команды, как правило, сравнивают с

машинами: что бы ни случилось, как бы ни развивались события, они никогда не отказываются от своего игрового плана и продолжают наращивать давление на соперника. Казалось, два гола на чужом поле уже решили вопрос о выходе в полуфинал. Так мог подумать кто угодно, но только не игроки «Боруссии». Они, по-моему, вообще не заметили, что произошло нечто страшное для них. Не смутившись, не расстроившись, не растерявшись ни на минуту, они шли и шли вперед, словно тевтонские рыцари — так же размеренно и целеустремленно, как и при 0:0.

Постепенно мы уступали инициативу и пространство и вскоре были уже не в силах сдерживать натиск хозяев поля. Им удалось отыграть один гол — это сделал мощным ударом головой огромный Михаэль Шульц, 32-летний защитник, до начала профессиональной футбольной карьеры готовившийся стать полицейским. Вернее, уже ставший им: в большой футбол Шульц пришел очень поздно, успев к тому времени окончить школу полицейских. Итак, счет выравнивался, игра же, как я сказал, давным-давно не только выровнялась, но и шла с преимуществом наших соперников.

Из последних сил мы удерживали счет. Шла последняя минута матча, когда, отбив очередной натиск, мы завладели мячом и в едином порыве бросились в контратаку. Не знаю, откуда взялись у меня силы, но, увидев перед собой внушительное свободное пространство, я, как бык, ринулся вперед. Отдавал ли я себе полный отчет в том, что делаю? Едва ли. Я просто знал, что должен бежать и не имею права остановиться. Наверное, так чувствует себя марафонец на последних метрах олимпийской дистанции. Ты не ощущаешь ни собственных ног, ни собственного дыхания и практически ничего не видишь, кроме трепещущей впереди на ветру финишной ленточки. Ты знаешь только одно — это забег твоей жизни.

Так я бежал со своей половины поля — и пробежал метров шестьдесят, не отрывая глаз от финишной ленточки, роль которой для меня играла колыхавшаяся вдали сетка ворот Штефана Клоса. На подступах к штрафной я получил пас от Сосы и легким касанием прокинул мяч вперед, подальше от наступавшего мне на пятки защитника. Два-три шага — и мне удалось слегка оторваться от преследователя: настал отличный момент для удара. Как я пробил — не помню. Помню только, что мяч прошел между ног вратаря и оказался в сетке.

У меня не осталось сил даже для радости: я рухнул на колени и застыл с поднятыми руками. Так получилось, что за воротами «Боруссии» во втором тайме находились наши болельщики, и я

завершил свой героический рейд прямо перед ними. В глазах у меня помутнело, сквозь пелену я с трудом различал счастливые лица черно-синих тиффози, которым мы дарили так мало радости в том сезоне. Они в исступлении размахивали бесчисленными шарфами и флагами, отчего у меня закружилась голова. Я готов был упасть навзничь, но не успел — меня обхватили руки товарищей по команде. Партнеры, едва не задушив в объятиях, подняли меня, и мы вместе отправились на свою половину поля.

В тот момент никто из нас не мог представить себе, что мой гол окажется по сути решающим в борьбе за выход в полуфинал. Ибо ответный матч сложился совсем иначе, и те полтора часа, которые мы провели двумя неделями позже на «Сан-Сиро», я могу охарактеризовать лишь одним выражением: «тихий ужас».

Болельщики, которые рукоплескали нам в Дортмунде, теперь освистывали каждого игрока в отдельности и всех вместе. Увы, у горячих поклонников «11нтера» есть такая черта: вознося тебя до небес в миг успеха, они готовы растерзать, растоптать в дни неудач. Этим, кстати, наши тиффози невыгодно отличаются от своих земляков, отдавших сердца «Милану». Болельщики красно-черных поддерживают своих любимцев не только в радости, но и в горе, когда эта поддержка особенно необходима команде. Даже когда «Милан» играл в Серии В, на трибуны «Сан-Сиро» приходили по шестьдесят тысяч человек. Поклонники «Интера», увы, устроены иначе и, стоит тебе попасть в полосу неудач, отворачиваются от тебя. В этом у них много общего с неаполитанцами и флорентийцами, способными на безжалостную расправу со своими любимцами, если те вдруг оступятся.

Поле «Сан-Сиро» мы покидали под дружный свист, хотя главную задачу все-таки сумели выполнить. «Боруссия» приехала к нам в гости такая же непоколебимая и уверенная в себе, как и две недели назад. Прошло десять минут, и Михаэль Цорк, живая легенда дортмундского клуба («Боруссия» — единственная команда бундеслиги в его 17-летней карьере), открыл счет. Может с арифметической точки зрения это и не было трагедией, но, принимая во внимание характер игры — а она началась таким же натиском немцев, каким заканчивалась первая, — можно было ужаснуться. По сути, весь матч нам пришлось удерживать счет первой встречи, причем делали мы это неудачно.

До перерыва мы все же сумели сохранить свои ворота, но спустя лишь пять минут после возобновления игры пропустили гол от Ларса Риккена. Этот мальчишка (в тот момент ему было 17 лет) три года спустя станет одним из героев мюнхенского финала Лиги чемпионов и, выйдя на замену, забьет последний, третий гол «Ювентусу».

Вот тут уже было не до шуток: еще один гол — и можно прощаться с Кубком УЕФА. Немцы почувствовали вкус крови и бросились добивать нас. И добили бы, не приди нам на помощь удача. Маттиас Заммер, мой бывший партнер по «Интеру», вышел один на один с Дзенгой и пробил в штангу. Еще в двух или трех моментах только счастливый случай помог нам избежать гола.

За четверть часа до конца матча я был заменен и ушел с поля иод гневный свист трибун. В тот момент болельщики сопровождали свистом практически каждый наш шаг. Но несколько минут спустя мы доставили им хоть какую-то радость: полузащитник Антонио Маниконе в контратаке отыграл один мяч. Впрочем, отыгрываться никто по большому счету не собирался: мы просто молили Бога, чтобы как можно быстрее протекли оставшиеся десять минут. И Бог услышал наши молитвы — отдав все силы и нервы, мы все-таки прорвались в полуфинал.

А в полуфинале нас ждал хорошо знакомый соперник — «Кальяри». И вновь нам повезло — прежде всего в том, что в предыдущем раунде «Кальяри» выиграл у «Ювентуса». А с «Ювентусом», вступившим в тот розыгрыш Кубка УЕФА в ранге его обладателя, нам было бы бороться куда сложнее.

В гостях на острове Сардиния мы проиграли — 2:3. Очередной, весьма характерный матч для нашего тогдашнего состояния. Я видел его с трибуны — мы с Берти сидели рядом и на протяжении всей игры в общем-то не испытывали никакого беспокойства. «Интер» повел 1:0 благодаря голу Фонтолана, потом хозяева сравняли счет, но Соса вновь вывел нашу команду вперед. И вот в самом конце, когда мы с Берти уже потирали руки, видя себя в финале, матч был проигран. Несколько минут расслабленности — и мяч дважды побывал в сетке наших ворот. Ответная встреча сразу же перестала казаться формальностью.

Впервые за время нашей европейской кампании трибуны «Сан-Сиро» были заполнены. Это понятно: дело дошло до полуфинала, Кубок УЕФА стал заметно ближе к нам — настолько же ближе, насколько отдалилась перспектива занять более или менее приличное место в чемпионате.

В том матче мне отвели роль левого полузащитника — ту самую, которую я играл в «Спартаке» и в сборной. Передо мной стояла задача нейтрализовать Франческо Морьеро, крайнего полузащитника «Кальяри», который теперь, проведя несколько сезонов в «Роме», играет за «Интер».

Честно признаюсь, выполнить указание тренера мне было очень нелегко. В конце концов я справился с этим стремительным парнем, но попотеть пришлось изрядно. Он просто замучил меня бесконечными рывками, и, поскольку в стартовой скорости я ему

безнадежно проигрывал, требовалось компенсировать этот недостаток повышенной бдительностью и ежесекундно быть начеку.

Однажды, когда уже ничто не могло мне помочь догнать Морьеро, я был вынужден грубо нарушить правила и просто скосил его, ударив по обеим ногам. За что, конечно, тут же получил предупреждение, закрывшее для меня путь в первый финальный матч (тогда еще финал Кубка УЕФА состоял, как и все остальные раунды, из двух игр). Уходя с поля после игры, мы с Франческо пожали друг другу руки. По-моему, это очень важно в нашей профессии — сохранять хорошие отношения с соперниками, как бы жестко вам ни приходилось сталкиваться на поле. Ведь все мы коллеги и делаем одно дело, а значит должны уважать друг друга. В пылу борьбы всякое, конечно, бывает, но спортивную злость ни в коем случае нельзя уносить с собой в раздевалку. Поэтому я ни секунды не сомневался в том, что должен принести Морьеро свои извинения, и был рад, когда он принял их как настоящий мужчина и профессионал.

Ну, а матч мы выиграли со счетом 3:0. Опять не обошлось без везения: в самом начале игры мяч попал в руку защитника «Кальяри» в штрафной площади гостей. Ситуация была не самой опасной, а нарушение — не слишком очевидным. Добрая половина судей не отреагировала бы на этот момент, однако тогдашний арбитр сразу же показал на 11-метровую отметку. Берхкамп забил свой восьмой гол в розыгрыше, а игра приобрела совсем иной характер. Теперь уже нас устраивал общий счет, а сардинцам нужно было идти в атаку. Мы умело воспользовались ситуацией и, грамотно обороняясь, использовали свои шансы в контратаках: Берти и Йонк довели дело до разгрома.

После этого мы были просто обязаны выиграть Кубок УЕФА. В финале нам противостоял соперник из Австрии — «Казино» (Зальцбург). Разве это не удача, тем более что в ходе турнира австрийцы выбили из борьбы два немецких клуба — «Карлсруэ» и франкфуртский «Айнтрахт». Возможно, они в тот момент действительно были сильнее своих соперников, однако, принимая во внимание существенную разницу в авторитете между австрийскими и немецкими клубами, мы были ради тому, что играть придется с «Казино».

Первый финальный матч я пропустил. Играть я не мог в любом случае из-за дисквалификации, но мне не пришлось даже смотреть на игру с трибуны: из-за смерти отца я был вынужден срочно вылететь в Москву. Без меня «Интер» выиграл в Зальцбурге — 1:0. Гол забил Берти, и кубок можно было уже считать своим.

К ответной игре я был готов и очень хотел принять в ней участие, однако тренер, к сожалению, не включил меня в состав. Что поделаешь, в то время я уже осознал, что к такому повороту событий нужно быть готовым всегда. Матч на «Сан-Сиро» прошел спокойно, наш вратарь Дзенга, проводивший одну из последних игр за «Интер» (уже было объявлено о его обмене на Джанлуку Пальюку из «Сампдории»), действовал уверенно, прекрасно руководил обороной и не дал австрийцам ни одного шанса. Мы вновь выиграли — 1:0 благодаря голу Йонка — и спасли сезон.

Последние несколько минут я, спустившись с трибуны, уже стоял на подходе к полю и, едва прозвучал финальный свисток, ринулся в объятия товарищей. Эту радость трудно описать. Таких чувств я, кажется, никогда больше не испытывал. Впрочем, я ведь никогда больше и не выигрывал таких престижных трофеев.

Конечно, мне было обидно, что в самой последней игре я не участвовал. Было бы приятнее носиться по полю в грязной футболке, а не в отглаженном цивильном костюме. Но все равно все мы — и игравшие, и запасные — были одинаково счастливы, и каждый из нас по праву считал кубок своим. Эта победа стала плодом наших отчаянных усилий, и мы делили ее поровну.

Болельщики тоже не делали различий между нами и одинаково горячо приветствовали каждого, кто брал в руки тяжеленный трофей (я и не представлял, что он столько весит — 14 килограммов!). Пока кубок переходил от одного футболиста к другому, трибуны глухо гудели: «У-у-у-у-у-у…» — а потом, когда игрок поднимал его над головой, взрывались диким криком: «А-а-а-а-а-а!..»

Этот безумный вечер 11 мая 1994 года, пожалуй, был одним из самых запоминающихся в моей жизни.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОПЫТ БУНДЕСЛИГИ

Победа в Кубке УЕФА подняла нам настроение перед отпуском. Человеку свойственно всегда надеяться на лучшее, и мы с оптимизмом смотрели вперед, веря, что кризис навсегда остался позади. В «Интер» пришел новый тренер — Оттавио Бьянки. Его авторитет и славная биография, апофеозом которой была первая в истории «Наполи» победа в чемпионате Италии 1987 года (тогда же команда выиграла и Кубок страны), тоже вселяли в наши сердца надежду на лучшее.

Еще до прихода Бьянки, сразу же по окончании сезона, мы отправились на турне в Мексику, провели там две или три игры и, кажется, все выиграли. Не знаю почему, но в условиях невыносимой мексиканской жары я чувствовал себя на удивление хорошо: просто летал по полю, забивал — в общем, был в полном порядке. Это оценил и Марини, который проводил последние дни в роли главного тренера перед тем, как вернуться на прежнюю работу с молодежью. После одной из игр он подошел ко мне и сказал: «Я недавно разговаривал с президентом, рассказал ему, как хорошо ты сейчас выглядишь, так что не волнуйся, все будет в порядке: он дал мне понять, что рассчитывает на тебя в следующем сезоне».

Не буду скрывать, я был рад, услышав эти слова. Предыдущий сезон оставил в моей душе неприятный след: высоко взлетев в первые два года в Италии, я очень тяжело переживал последовавшее за этим взлетом падение с собственного пьедестала. Правду говорят: чем выше вознесешься, тем больнее будет падать. Новый сезон представлялся мне последней возможностью восстановить свою репутацию и вновь обрести веру в себя. Поэтому я был обрадован, узнав, что получу новый шанс в «Интере».

Отпуск 1994 года я, как и год назад, начал в Нью-Йорке. На сей раз Берти не смог составить компанию нам с Сереной, хотя находился в общем-то неподалеку: в составе сборной Италии Никола отправился на чемпионат мира в США. Моя сборная тоже была в то время в Америке, но, как вы понимаете, у меня не было особого желания появляться в расположении российской команды. Да и едва ли меня захотели бы там видеть (имею в виду, конечно же, руководство, а не ребят). Поэтому я сидел в Нью-Йорке, где играли итальянцы, и даже посетил один их матч — самый первый, против ирландцев, который они неожиданно проиграли.

Но не эти события оставили наибольший след в моей памяти. В 1994 году изменилась вся моя жизнь: весной, ненадолго приехав в Москву, я встретил Евгению — свою будущую жену. Наверное, это была любовь с первого взгляда: до той поры ни одна женщина не производила на меня такого впечатления в первые же минуты знакомства, и я сразу понял, что это не случайно. Однажды повстречавшись, мы с Женей больше не расставались. Летом, после чемпионата мира, провели отпуск в Сардинии и с тех пор жили вместе, а в 1996 году поженились в Москве.

Что я могу сказать о человеке, привнесшем новое содержание в мою жизнь? Чтобы выразить свое отношение к женщине, которая вот уже седьмой год делит со мной все радости и печали, чтобы описать те нежные чувства друг к другу, которые мы пронесли через эти годы и, надеюсь, сумеем пронести через всю нашу жизнь, мне следовало бы написать отдельную книгу.

* * *

По возвращении в «Интер» после отпуска меня ждали заметные перемены к худшему. Бьянки, поначалу хорошо относившийся ко мне, почему-то резко охладел ко мне и по мере приближения сезона вообще переставал замечать. Не знаю, чем была вызвана такая перемена в поведении тренера, но я почувствовал неладное. И вскоре получил подтверждение того, что в новом сезоне руководство команды на меня явно не рассчитывает.

Оставалось несколько дней до старта чемпионата. В воскресенье мы должны были в матче первого тура играть с «Торино», а затем в среду предстояла товарищеская игра сборной с Германией — первая игра Олега Романцева в качестве тренера национальной команды. Как обычно в таких ситуациях, все мы, легионеры, договорились с тренером, что, поскольку матч товарищеский, мы можем приехать в команду не за шесть дней, как на официальную игру, а в понедельник, после тура наших чемпионатов. Романцев не возражал, понимая, что любому футболисту важно провести начало сезона в своем клубе.

Так вот, в Милане за несколько дней до игры с «Торино» ко мне подходит администратор и говорит: «Твои документы оформлены, можешь ехать в сборную в субботу». Иными словами, дал понять, что в воскресном матче Бьянки намерен обойтись без

меня.

Я был возмущен, пожалуй, не столько самим этим обидным фактом, сколько той оскорбительной манерой, в которой до меня донесли информацию. Не став скрывать свои чувства, я остался в Милане до понедельника, чтобы хотя бы посмотреть матч с трибуны.

Оттуда же мне пришлось наблюдать и за игрой второго тура против «Ромы». Бьянки меня по-прежнему не замечал, и я понял, что в «Интере» у меня будущего нет.

Тут вдруг возник «Дуйсбург»: мне сообщили, что немецкая команда интересуется мною. В тогдашнем настроении я, наверное, был готов уйти куда попало, даже в этот самый «Дуйсбург», о котором не имел ни малейшего понятия. Желая узнать хоть что-то, я позвонил Кирьякову в Карлсруэ. В своей обычной энергичной манере он подбодрил меня: мол, давай соглашайся, здесь, в Германии, здорово, да и команда неплохая, в прошлом сезоне даже лидировала долгое время. Короче говоря, наговорил массу всего хорошего. Я согласился встретиться с тренером «Дуйсбурга» Эвальдом Линеном, который подробно рассказал о том, в какой роли хочет меня использовать, нарисовал несколько схем игры — в общем, произвел на меня впечатление серьезного специалиста, и я решился на переход.

Настала пора обзавестись настоящим прокуратором. Я давно уже понял, что от человека, представлявшего мои интересы в то время, ничего хорошего ждать не приходится, и решил отказаться от его прокураторских услуг: мне вполне хватило прошедших трех лет. И я обратился к Джованни Бранкини.

От своих партнеров по клубу я уже слышал об этом специалисте — он вел дела нескольких игроков «Интера». Число его клиентов постоянно росло, и сегодня среди них очень много известных игроков: бразильцы Рональдо и Ромарио, португалец Руи Кошта, хорваты Давор Шукер и Звонимир Бобан, болгарин Стоичков и другие.

Уже не помню, где мы с Бранкини впервые встретились, но при этой встрече он произвел на меня очень солидное впечатление. Уже один его внешний вид говорил о многом. Это довольно крупный мужчина в очках, с короткой бородкой, которую скорее следует назвать длинной щетиной, безупречно одетый, как и положено солидному бизнесмену. Ведь его работа — самый настоящий бизнес, ибо сам современный футбол есть бизнес, да еще какой!

Я понял, что нужно работать с Бранкини, если речь идет о достойном общении с представителями самых именитых клубов, об отстаивании ваших интересов при заключении выгодного для

вас контракта, о принятии правильного решения в выборе новой команды. А если дело касается административной работы (получить визу в консульстве, перегнать машину, встретить родственников в аэропорту), то мой бывший «прокуратор» с этим вполне неплохо справлялся. Но на каждого серьезно го специалиста работает целый штаб администраторов, которые способны сделать все, причем не ограничиваясь рамками одной страны.

Не стоит недооценивать такую важную деталь, как умение прокуратора держать себя в обществе. Я уже не раз говорил и готов повторить, что от его авторитета напрямую зависит авторитет игрока, которого он представляет. Очень многие неприятности — в том числе и тот поступок перед игрой с «Торино» — происходили со мной оттого, что меня недостаточно уважали. А на какое уважение мог я рассчитывать, если мои интересы представлял человек, которого никто всерьез не воспринимал? Понятно, что пренебрежительное отношение руководства к моему агенту переносилось и на меня.

Итак, приняв решение, я отправился к Бранкини и предложил ему работать вместе. А для начала обеспечить мне хороший контракт с «Дуйсбургом». Жаль, конечно, что мы с ним не сошлись раньше: я обратился к нему с конкретным поручением, а отношения наши не были в тот момент столь доверительными, чтобы он мог давать мне советы. А если бы мы уже успели сблизиться, как сблизились сейчас, Джованни наверняка бы отсоветовал мне уходить в «Дуйсбург». Действительно, раз уж я за год до этого отказался от перехода в «Удинезе», какой же был смысл теперь отправляться в какой-то заштатный немецкий клуб? Стоило правильно взяться за дело, и мы бы легко заставили «Интер» подыскать мне более приличную команду, причем в той же Италии.

Да, все это было бы возможно, если бы, повторю, мы с Бранкини были к тому моменту хорошо знакомы. Но наше сотрудничество только начиналось, и поэтому он просто взялся исполнить мое поручение. Я заключил годовой контракт с «Дуйсбургом», причем сумма была увеличена.

В остальном же мое знакомство с бундеслигой не принесло никакого удовлетворения. Должен заметить, что Германия вообще никогда меня не привлекала: немцы, с которыми я встречался, казались мне людьми совсем другой ментальности, мне не близкой, в отличие от итальянцев, с которыми я мгновенно находил контакт. За три года я успел полюбить Италию и ее жителей — энергичных, горячих и открытых. Немцы же, напротив, представлялись мне холодными и чопорными,

слишком правильными, что ли.

Приехав в Дуйсбург, я укрепился в этом мнении: отношения между игроками в немецком клубе были совеем не такими, как в итальянских. Понятно, что я, не зная языка (хотя, кстати, учил немецкий в школе), не мог ни с кем подружиться, но я вообще не заметил, чтобы мои новые партнеры дружили между собой. Каждый, похоже, существовал сам по себе, чему, надо заметить, сильно способствует уклад жизни в немецких командах. Так, например, питаются здесь все самостоятельно: кто когда пришел, тогда и поел. В Италии же в ресторан вся команда идет одновременно — считается, что это сплачивает футболистов, укрепляет чувство коллективизма.

Не понравился мне и Дуйсбург, и сама область, в которой он находится. Это индустриальный район Рурского угольного бассейна, где одинаковые, чистые и ухоженные, но больше ничем не примечательные города — Дортмунд, Бохум, Гельзенкирхен, Эссен и множество других, более мелких, — словно перетекают друг в друга бесконечной вереницей. Хотя есть в этой череде и очень красивый город — Дюссельдорф, а неподалеку, примерно в получасе езды, расположен Кёльн, привлекающий множество туристов со всего мира. Там есть что посмотреть: один знаменитый Кёльнский собор чего стоит.

Но ни немецкие красоты, ни их отсутствие не волновали меня в то время. Передо мной стояла одна задача: набрать игровую практику, вновь обрести уверенность в себе, чтобы через год вернуться в «Интер». Поэтому мне даже не хотелось привыкать к новой обстановке.

Я был настолько подавлен в то время и чувствовал себя таким далеким от всего, меня окружавшего, что даже не считал нужным учить немецкий язык. А жаль: учить-то много не требовалось, поскольку грамматику я со школьной поры помнил неплохо. Оставалось лишь поднабрать лексики, попрактиковаться, и вот тебе еще один язык для общения. Нравится тебе страна или нет, но знание ее языка никогда не бывает лишним, ибо позволяет тебе увереннее чувствовать себя, расширить круг общения, а это самое важное, ибо что такое в конечном счете наша жизнь, как не общение с себе подобными? И чем шире твои возможности, тем интереснее и насыщеннее становится твоя жизнь. Но это я понял, к сожалению, слишком поздно. Что ж. задним умом все мы крепки…

* * *

Команда, в которую я попал, поддавшись отчаянию, оказалась не подарок. Да, год назад ей в какой-то момент удалось произвести впечатление (после первого круга она шла на втором месте), однако следующий сезон показал, что тот взлет был случайным и делать в высшем дивизионе «Дуйсбургу» было нечего.

После ничьей во втором туре мы проиграли девять матчей подряд — другой такой результат в Европе надо еще поискать. Обстановка в команде накалилась: все чаще возникали конфликты игроков с руководством да и друг с другом, беседы на общих собраниях проходили, как правило, на повышенных тонах. Не улавливая содержания разговоров, я тем не менее прекрасно понимал их существо: каждый был недоволен всем и вся.

От подобных ситуаций не застрахован никто. Далеко за примером ходить не нужно: в «Интере» перед моим отъездом тоже, как вы знаете, не все было гладко. Но кто-то в состоянии справиться с критической ситуацией, а кто-то становится ее жертвой. В «Интере» мы всё же сумели сохранить лицо команды, не дали ей развалиться и даже умудрились что-то выиграть. В «Дуйсбурге» это, увы, было невозможно.

Многое здесь зависит от тренера — опыт и педагогический талант позволят ему контролировать ситуацию. Эти качества были у Освальдо Баньоли и у других тренеров, с которыми я работал в Италии. Линен же был молод и неопытен: он всего два года как закончил карьеру игрока (правда, играл — в гладбахской «Боруссии», «Арминии» и «Дуйсбурге» — до 39 лет). У него не хватило педагогических навыков, чтобы сплотить игроков вокруг себя, сохранить коллектив. Не улучшила ситуацию и смена тренера: в ноябре на место Линена пришел 43-летний Ханнес Бонгартц, в прошлом известный игрок «Шальке», «Кайзерслаутерна» и сборной Германии. Однако и ему не удалось исправить положение дел.

Но не только тренер отвечает за все. Необычайно важную роль играет организация всего клуба. Вот, кстати, хороший повод вернуться к тому, о чем я говорил раньше: о разнице в организации больших и маленьких профессиональных клубов.

На бытовом уровне это проявляется, скажем, в более отлаженной работе административных сотрудников. К примеру, во время поездки в другой город игрок «Фоджи», выходя из самолета, берет свою сумку, относит ее в автобус и забывает о ней, ибо дальше обо всем заботятся администраторы. Игрок же «Интера» вообще к своей сумке не прикасается: ее для него собирают, перевозят куда надо, а он обнаруживает ее только по

прибытии на место. Мелочь, скажете вы, барские замашки? Отнюдь. Это лишь свидетельство качества работы сотрудников клуба.

Для большого клуба не бывает мелочей. Зарплата неизменно поступает на счет игрока в указанный день: если сказано — «первого числа», значит, вы можете быть в этом уверены. И сумма будет точна до последней лиры.

Разумеется, в «Фодже» для меня не было проблемы подождать зарплату день-другой. На самом деле задержки там были крайне редки и непродолжительны. Но в «Интере» — и вот разница — их не бывало никогда. Как не бывало вообще никаких других накладок.

И самое важное: вся эта работа ведется вне зависимости от результата. Выигрывает команда или проигрывает — это не имеет никакого значения. Администраторы так же суетятся вокруг футболистов, финансовая служба так же исправно переводит деньги на их счета, и столь же отлаженно действуют все остальные подразделения. Ибо ни при каких обстоятельствах суперклубу нельзя ронять свое достоинство.

Разве все это можно сравнить с ситуацией в российских клубах, где игрок порой должен месяцами клянчить свои премиальные за прошлый сезон, а ему отказываются их выдать на том основании, что сейчас команда играет неважно? Вся эта дезорганизация футбольного хозяйства в клубе раздражает, унижает игрока, убивает его уверенность в себе, без которой нельзя быть сильной личностью, лидером. Пока в российских клубах сохраняется такое отношение к футболистам, бессмысленно рассчитывать на серьезные победы и так же бессмысленно ждать, что наши игроки будут становиться «звездами»» мирового масштаба и на протяжении многих лет смогут играть в ведущих зарубежных клубах.

«Дуйсбург», конечно, с точки зрения организации несравним с «Интером», что и отразилось на его судьбе: под бременем неудач он просто развалился.

На поле мы больше не выглядели командой — ни хорошей, ни плохой, вообще никакой. В трудной ситуации — так бывает довольно часто — каждый игрок старался спасти себя сам, обезопаситься от возможных упреков в свой адрес. Это самое страшное, что только может произойти с футбольной командой — когда ее члены начинают играть каждый за себя. На такой команде смело можно ставить крест.

Тебе больше не приходится ждать помощи от партнеров: каждый из них рассматривает вариант паса лишь в самом крайнем случае, когда нет другого выхода. Но прежде он

испробует всё: попытается обыграть соперника или пробьет по воротам в надежде, что удачный финт или шальной гол избавят его от критических выпадов. А если вдруг кто-то из своих ошибся в обороне и позволил сопернику убежать от себя, никто уже тебя не выручит. «Зачем? — подумает каждый. — Я-то своего визави не упускаю, значит, меня никто ни в чем обвинить не может. Ну, а если кто-то не справился со своим заданием — так это его проблемы, а не мои». Разве может команда, в которой культивируются такие отношения, рассчитывать на успех?!

В общем, получилось так, что в Дуйсбурге я не сумел найти того, ради чего отправился в этот город. Я надеялся, что, играя в основном составе, сумею вновь обрести душевный покой и уверенность в себе. Но какое там! На самом деле я попал в обстановку еще большей нервотрепки. Хорошо еще, что я не пытался вникать в существо разговоров, которые велись вокруг, и не читал газет. Не удивлюсь, если узнаю, что главного виновника неудач «Дуйсбурга» большинство видело именно во мне. Ведь меня, наверное, приглашали на роль спасителя, призванного в одиночку вытащить команду из пучины. Но в футболе таких чудес не бывает.

Получалось, что опять, как и перед отъездом из «Интера», я выходил на поле не для того, чтобы просто играть, а чтобы что-то кому-то доказывать. Где уж тут успокоиться и привести нервы в порядок?

«Дуйсбург» стал первой в моей карьере командой, в которой я за целый сезон ни разу не забил. Проведя 21 матч, я отметился лишь шестью голевыми передачами. Конечно, такая ситуация была для меня непривычной и огорчительной, но, с другой стороны, если трезво смотреть на вещи, то в тогдашней обстановке даже эти шесть результативных пасов можно посчитать выдающимся достижением, поскольку выходило, что я организовал добрую треть голов, которые «Дуйсбург» умудрился забить в матчах с моим участием (всего за сезон команда в тридцати четырех играх сумела забить только 31 мяч — меньше всех в лиге).

Думаю, пребывание в «Дуйсбурге» отрицательно сказалось и на моем физическом состоянии. Не знаю, как тренируются другие команды бундеслиги (наверняка в ведущих клубах это дело поставлено куда лучше), но мне после Италии казалось, что мы не тренируемся вовсе. Могу себе представить, какими круглыми глазами смотрели бы мои новые партнеры, скажем, на Зденека Земана, который заставил бы их скакать вверх-вниз по трибунам. Да и все другие тренеры в Италии заставляли нас хорошенько попотеть, особенно во время предсезонных сборов.

После всех этих нагрузок пребывание в Дуйсбурге казалось мне затянувшимся отпуском. До сих пор не могу понять, на что можно было рассчитывать при таком ненавязчивом тренировочном процессе. Приведу один очень показательный пример.

Как-то вдруг получилось, что мы выиграли два матча подряд: разгромили «Кёльн» на его поле — 3:0, а дома победили «Кайзерслаутерн» — 3:2. И перед нами забрезжила радужная перспектива сохранения места в бундеслиге — результаты в немецкой таблице, как правило, очень плотные, каждое очко любая команда. Даже фаворит, добывает с большим трудом, так что еще одна победа позволила бы нам если и не решить одним махом все проблемы, то уж по крайней мере вздохнуть с облегчением.

За этой победой нам предстояло ехать во Франкфурт, в гости к «Айнтрахту». Впереди было шесть дней: с «Кайзерслаутерном» мы сыграли в воскресенье, а матч с «Айнтрахтом» назначен на субботу. И вот начинается самое интересное: попробуйте представить себе, как мы готовились к самому важному для нас матчу сезона. Уверен: предположить такое вы ни за что не сможете. Да и никто другой не предположил бы. По крайней мере, когда я рассказывал об этой неделе своим друзьям в «Интере», они долго смеялись.

Итак, понедельник — выходной. Вторник — 15-минутная пробежка трусцой по лесу. Среда — сауна (вероятно, тренер чувствовал, что после таких сумасшедших нагрузок нам нужно восстановиться). Ну, думаю, хоть в четверг потренируемся нормально. Какое там: работа была совмещена с каким-то детским праздником. Мы отправились в парк, где устроили показательную тренировку для местного населения. Само по себе это довольно интересное мероприятие: вокруг масса людей, всюду, в том числе и по полю, бегают дети, а мы показываем им, как нужно бить по воротам. Разбившись на пары, мы отрабатывали нехитрые комбинации: навес — удар. Было нас человек 25, поэтому за всю тренировку, продолжавшуюся минут 40-50, каждый успел нанести по три-четыре удара. Я, к примеру, дважды пробил головой и один раз ногой с лета.

В общем, единственную более или менее приличную тренировку удалось провести в пятницу, после чего мы сели в автобус и отправились во Франкфурт. Думаю, вас нисколько не удивит, что привезли мы оттуда четыре пропущенных года, поскольку сил у нас хватило только на первые десять минут.

А ведь это была, что называется, игра нашей жизни! Но разве можно рассчитывать на успех при такой подготовке? В общем,

после этого мы проиграли еще один матч, и наша участь была решена.

Все же за сезон у меня было несколько удачных матчей, причем наиболее удачно я играл на больших стадионах, против серьезных соперников. Наверное, нам удавалось как-то по-особенному настроиться на встречу с грозными командами. Так, просто здорово и я, и мои партнеры отыграли в Мюнхене против «Баварии», которой тогда руководил самый, пожалуй, знаменитый итальянский тренер Джованни Трапаттони, в свое время выигравший с «Ювентусом» все существующие в клубном футболе трофеи.

С «Баварией» мы сыграли вничью — 1:1. Отлично отыграли и в Дортмунде против «Боруссии», уступив — 0:1 — в упорной, красивой и интересной борьбе. Но, к сожалению, мои удачные игры в том сезоне можно сосчитать на пальцах одной руки.

Интересно, что даже в «Дуйсбурге» мне случалось не попадать в состав. Иногда тренер ставил вместо меня какого-нибудь могучего бойца, рассчитывая на тактику игры от обороны, но это не помогало. И после очередного поражения я вновь возвращался в состав.

К сожалению, мое участие в игре тоже не гарантировало успешного ее исхода. Да и какие вообще могли быть гарантии в такой момент? Мы проигрывали в среднем две игры из трех — что при мне, что без меня. Футбол — командная игра, а «Дуйсбург» в то время можно было назвать как угодно, но только не командой.

Я не должен был чувствовать свою особую вину в наших неудачах. И все же тот факт, что мне даже не всегда удавалось попасть в основной состав, очень удручал меня.

Самые, пожалуй, приятные воспоминания связаны у меня с зимним перерывом, который в Германии тогда длился два месяца. В это время удалось хоть как-то развеяться: мы получили небольшой отпуск, потом отправились на сбор в Португалию, а вернувшись, приняли участие в традиционных турнирах по мини-футболу в зале. Я вспомнил, как в свое время ездил на такие турниры со «Спартаком» и получал от них удовольствие. Интересно было и на этот раз, тем более что в ходе одного из турниров мне довелось встретиться и пообщаться с соотечественниками из «Торпедо».

Перерыв в чемпионате закончился, вновь наступили тяжелые будни, не принесшие никаких положительных сдвигов. Мы продолжали страдать на поле, вымучивая каждое очко, и в конце концов вылетели. Так закончился мой опыт общения с бундеслигой.

ПО ТУ СТОРОНУ ОЗЕР

До истечения моего контракта с «Интером», заключенного до конца сезона 1995/96, оставался еще год. Но шансов вернуться в миланский клуб у меня не было, поскольку «Интер» в то время переживал очередную кардинальную перестройку.

Новым президентом клуба стал Массимо Моратти — человек с легендарной фамилией, по крайней мере для болельщиков черно-синей команды. Его отец Джампьеро занимал пост президента «Интера» в 60-е, в эпоху наивысшего расцвета клуба, который дважды подряд выигрывал Кубок чемпионов и Межконтинентальный кубок. 11онятно, что с приходом Моратти-младшего поклонники «Интера » начали мечтать о возвращении тех славных времен.

Новый президент засучил рукава и решительно взялся за дело: сменил практически весь руководящий состав, взяв себе в помощники выдающихся в прошлом игроков того великого « Интера» — Сандро Маццолу, Джачинто Факкетти, Луиса Суареса, продал и всех футболистов, которых можно было продать, — Берхкампа, Йонка, Сосу и других. Короче говоря, «Интер» в течение нескольких недель изменился до неузнаваемости. Новое руководство, новые игроки. новые амбиции… Было ясно, что в этот момент клуб едва ли будет рассчитывать на помощь футболиста, вернувшегося из «Дуйсбурга». Так что я не питал на свой счет никаких иллюзий и понимал, что должен подыскивать себе новую команду.

Надо сказать, что «Интер» в мое отсутствие провел очередной неудачный сезон. Лишь в самый последний момент он сумел протиснуться в Кубок УЕФА, забив спасительный гол на последних секундах последнего матча чемпионата и в итоге финишировав шестым. Но, по сути, для клуба с таким прошлым шестое место не сильно отличается от тринадцатого. Так что Массимо Моратти имел полные основания для начала своей перестройки.

Вернувшись из Дуйсбурга в Милан, я узнал кое-какие подробности о том, как моя команда прожила, а вернее, промучилась сезон без меня. Например, о том, что в какой-то момент совершенно испортились отношения тренера Бьянки с Берхкампом и Йонком. Вдруг ни с того ни с сего он перестал обращать на них внимание, как в свое время на меня, не разговаривал и даже не вызывал на сборы перед игрой.

Честно сказать, когда я узнал обо всем этом, мне стало

страшно обидно за Берхкампа. Ведь это феноменальный футболист! Никогда больше мне не доводилось встречать игрока, одаренного таким огромным талантом. При желании у него, как и у любого другого, тоже можно найти недостатки — скажем, отметить не очень мощный удар, — но в целом по удивительно разнообразной технике, по умению выполнять на огромной скорости приемы любой сложности, по фантастическому чувству ритма и тонкому пониманию игры равных ему во всем мире сегодня найдется не много.

Тем не менее Деннис, как и многие другие прекрасные футболисты, может считать итальянский период своей карьеры неудачным. В «Интере», как и я, он провел два сезона. Но если на мою долю все-таки выпал один удачный год, когда мы заняли второе место, то при нем команда в чемпионате выступала значительно хуже. И единственным светлым воспоминанием у него, как и у меня, остается Кубок УЕФА, завоеванный «Интером» в тот год, когда наши с Берхкампом пути пересеклись в Милане.

Неудачный период в «Интере» в глазах его почитателей с лихвой компенсируют многочисленные успехи в «Аяксе», «Арсенале» и сборной Голландии. Я, конечно же, не могу похвастаться подобными достижениями и говорю сейчас не о них, а лишь о том, как загадочно и порой нелогично складывается жизнь. Талант Берхкампа бесспорен, но почему-то в Италии, где становились кумирами многие, он раскрыться не смог.

Что помешало ему? Быть может, не хватило характера, сил выдержать бремя ответственности, ведь от него так многого ждали в «Интере»! А может, просто не сумел адаптироваться к итальянской жизни. Такое ведь с каждым может случиться, а не только с нами, россиянами, приезжающими поистине из другого мира. В «Интере» почему-то это происходит регулярно. При мне такая участь постигла, скажем, цивилизованного немца Маттиаса Заммера, который безуспешно пытался постичь итальянский язык, да и вообще с трудом привыкал к миланской жизни. Хотя его футбольный талант тоже не поставишь под сомнение, что он доказал, вернувшись на родину, выиграв со сборной чемпионат Европы, с дортмундской «Боруссией» — Кубок чемпионов и получив к тому же «Золотой мяч» лучшего игрока Европы.

Но в «Интере», повторю, Заммер провалился. Как, в общем-то, провалился и Берхкамп. К слову сказать, Деннис, прирожденный бомбардир, забивал за «Интер» не так уж много. Если отбросить реализованные им пенальти, то на его счету окажется примерно столько же голов, сколько и на моем, хотя понятно, что он действовал значительно ближе к чужим воротам, чем я, а значит, имел многократно больше возможностей.

Раз уж я заговорил о том, что было общего в нашей с Берхкампом итальянской эпопее, то следует отметить, в чем заключалось различие. А различие — и очень значительное! — проявилось в самом конце. Я, завершив выступление в «Интере», отправился в «Дуйсбург», а Берхкамп, тоже, как мы знаем, покинувший Милан без особой славы, оказался в «Арсенале». Вот, собственно, и вся разница. Но, согласитесь, разница огромная!

Думаю, после всего уже прочитанного вами, мое объяснение не покажется вам странным и нелогичным. Счастье Берхкампа заключалось в том, что его дела вел настоящий профессиональный агент. Как вы помните, решение уйти в «Дуйсбург» я принял самостоятельно, поскольку с Джованни Бранкини еще по-настоящему не сошелся. И, конечно, я совершил большую ошибку.

В принципе, в момент перехода не так уж важно, удачно ты играл в «Интере» или не очень. Важно, что это «Интер» — уже одно только название говорит об определенном уровне. Из «Интера», будучи даже не самым важным его игроком, можно уйти практически в любую серьезную команду Европы. А можно и остаться в Италии, пусть не в великом, но в среднем клубе типа «Сампдории», «Пармы» или «Фиорентины». Будь рядом со мной опытный помощник, он без труда нашел бы подходящий вариант, который все равно оказался бы лучше «Дуйсбурга».

К моменту возвращения в Милан из бундеслиги я уже все это понимал. Понимал, что одно дело — уйти из большого клуба в захудалый и совсем другое — совершить путь в обратном направлении. Поэтому, как я уже сказал, у меня не было иллюзий относительно своего будущего в «Интере». За год меня забыли, и рассчитывать на возвращение было бы наивно.

Тем не менее «Интер», когда я вернулся в Милан после короткого отпуска, создал мне отличные условия для тренировок. В ожидании команды я работал с тренером по физподготовке, а кроме того, ко мне подключили группу ребят из молодежного состава, так что наши совместные занятия приносили обоюдную пользу: и мне было интересно бегать с молодыми, да и я мог им кое-что полезное показать. А мой агент Бранкини тем временем подыскивал для меня новый клуб.

* * *

Вскоре прокуратор пришел ко мне с подобранным вариантом.

Из всех имевшихся предложений наиболее подходящим ему казалось то, что поступило от швейцарского клуба «Лугано». Поначалу я не разделял его оптимизма: мне хотелось играть в Италии, швейцарский же чемпионат меня особо не привлекал.

Но Бранкини настолько обстоятельно и детально изложил свои соображения, что после недолгого разговора с ним перспектива отъезда в «Лугано» показалась мне заманчивой. Действительно, прокуратор обратил мое внимание на несколько преимуществ этого клуба перед остальными.

Прежде всего, Швейцария — это спокойная страна, в которой живут спокойные люди. И футбол там спокойный, не требующий такого напряжения нервов и сил, как в Италии или другой ведущей футбольной стране. Для меня это прекрасная возможность прийти в себя, вновь поверить в свои силы, обрести душевное равновесие. Кроме того, «Лугано» в тот год получил право играть в Кубке УЕФА, а значит, я имел шанс показать себя в Европе (забегая вперед, отмечу, что шансом этим я сумел воспользоваться).

Лугано находится в итальянской части Швейцарии, поэтому проблем с языком у меня возникнуть не могло. И вообще, этот город лишь в часе езды от Милана, так что я, можно сказать, вообще не покидал свой дом. «Тебе не будет одиноко, — говорил Бранкини. — Чуть загрустишь — и можешь съездить навестить друзей. Или они запросто приедут к тебе в гости. И кроме того, если тобою заинтересуется какой-нибудь итальянский клуб, его представителям не составит труда приехать посмотреть на тебя».

Поговорив со своим новым прокуратором, я наконец сумел в полной мере осознать, как хорошо иметь рядом такого человека. Я послушался его совета, согласился на предложенный им вариант и впоследствии ни на секунду не пожалел об этом.

Итак, я отправился в Швейцарию. Лугано оказался замечательным городом, очень похожим на Комо, только, на мой взгляд, еще красивее. Он тоже расположен на озере, окруженном горами. В общем, это один и тот же альпийский район — озеро Лугано разделяет две страны: на одном берегу Швейцария, на другом Италия. Так что я и вправду чувствовал себя как дома, тем более что вокруг все говорили только по-итальянски.

Небольшой уютный стадион моего нового клуба, как правило, заполнялся от силы наполовину. Лишь однажды мне довелось увидеть его забитым до отказа, но об этом чуть позже. Вообще же футбол в Швейцарии не слишком популярен, тамошний народ больше любит хоккей. И хоккейная арена города, вмещающая пять тысяч зрителей, на каждом матче переполнена.

Не миновало всеобщее увлечение и меня: однажды я тоже

решил сходить на хоккейный матч, когда узнал, что команду, приехавшую в Лугано, тренирует Александр Якушев. Не помню уже, что это была за команда, но встречу с легендарным спартаковским игроком моего детства я запомнил надолго. Якушев оказался очень приятным в общении человеком, и мы в тот вечер провели вместе довольно много времени.

В футболе же мои дела складывались вполне успешно. Я действительно чувствовал себя спокойно и был доволен своей игрой. Снова стал забивать: в двенадцати матчах, проведенных в швейцарском первенстве, я четырежды добивался успеха, и это, конечно, тоже вселяло в меня уверенность в себе.

Приятным сюрпризом стала великолепная организация этого маленького клуба. Все в нем работало безупречно, как знаменитые швейцарские часы, так что все мои опасения насчет того, что я окажусь в очередном «Дуйсбурге», рассеялись. Думаю, даже в Италии клубы с такой организацией нужно искать не в числе середнячков, а ближе к элите. Это, между прочим, отметили и сами итальянцы — Карло Анчелотти, тренировавший тогда «Парму», пригласил в свой штаб тренера «Лугано» по физподготовке: уж где-где, а в Италии в этом вопросе разбираются лучше всех в Европе.

* * *

Спрашивая себя о том, какие достижения на футбольном поле я считаю самыми главными в своей карьере, я обращаюсь мыслями к европейским кубкам. В сезоне 1990/91 я вместе со «Спартаком» дошел до полуфинала Кубка чемпионов: по дороге мы по пенальти обыграли «Наполи» Диего Марадоны, а затем добились впечатляющей победы над мадридским «Реалом» на его поле — 3:1. Два других ярчайших воспоминания связаны с Кубком УЕФА: в 1994 году я выиграл его в составе «Интера», а осенью 1995-го вместе с партнерами по «Лугано» вошел в историю швейцарского футбола.

Европейскую кампанию наш клуб начал тогда с предварительного раунда, где никаких проблем не испытал. Встречаясь с каким-то скромным соперником из Люксембурга, мы в гостях сыграли вничью — 0:0, а дома крупно выиграли. Так мы попали в основную сетку Кубка УЕФА.

За процедурой жеребьевки я наблюдал по телевидению в прямом эфире. В глубине души я хотел, чтобы в соперники нам

выпал «Интер», хотя понимал, что вероятность чрезвычайно мала, ведь в жеребьевке участвуют 64 команды.

По регламенту сильнейшие клубы рассеивались, чтобы в первом же круге не попасть друг на друга. Помню, внутри этой группы посеянных команд «Интер» попал в пару с «Кайзерслаутерном». Шары с названиями команд-соперниц для этих клубов из корзины вытаскивал не кто иной, как Вячеслав Иванович Колосков. Я, разумеется, не помню, кто достался немцам, поскольку ждал, когда настанет очередь соперника «Интера». И вот Колосков достает шар, раскрывает его, разворачивает запрятанную в нем бумажку и показывает ее в камеру. Боже мой, на бумажке написано: «Лугано»!

Что тут со мной стало! Я заорал так, словно забил гол, сразу же бросился к телефону и набрал номер Берти. «Мы попали на вас, скоро встретимся!» — возбужденно говорил я Николе, который, как оказалось, этой новости еще не знал. А узнав от меня, тоже обрадовался, но спокойно сказал: «Ну, порвем вас, как Тузик шапку». По логике, такой исход казался наиболее вероятным, но, конечно же, в тот момент я совершенно не думал о результате грядущей встречи. Главным для меня было то, что я вернусь на свой родной «Сан-Сиро», увижусь с друзьями, вновь предстану перед своими болельщиками.

В тот момент я даже и представить себе не мог, что мы в состоянии победить «Интер». Но после первого матча, прошедшего в «Лугано», подумал, что это не такой уж невероятный исход.

Игра с «Интером» вызвала в Лугано такой огромный интерес, что на нашем небольшом стадионе за обоими воротами пришлось срочно возводить временные трибуны. Заполнены они были в основном итальянцами, благо путь из Милана был близким. Но и наши болельщики не оставили нас без поддержки, установив, наверное, рекорд посещаемости за всю историю клуба.

А вот погода преподнесла сюрприз иного рода: шел сильный дождь, сопровождавшийся к тому же яростными порывами ветра. В общем, испытание выдалось не из легких.

В этих ужасных условиях игра прошла при ощутимом преимуществе нашей команды. Мы подолгу владели инициативой, много атаковали, однако нам все же пришлось отыгрываться: бразильский защитник «Интера» Роберто Карлос в очередной раз мастерски исполнил штрафной. Его коварные крученые удары сегодня известны всему миру, а при тогдашней погоде они были опасны вдвойне — дождь и ветер делали траекторию полета мяча изменчивой и совершенно непредсказуемой.

Но в конце концов погода восстановила справедливость и проявила свою объективность: чилиец Карраско сравнял счет ударом с углового. Вероятно, он хотел выполнить подачу, но ветер занес мяч прямо в ворота, заставив ошибиться Пальюку. Ничья — 1:1 — стала для нас отличным результатом, а ход игры придал уверенности перед ответной встречей. Мы поняли, что «Лугано» в состоянии бороться с «Интером» на равных, а значит и — чем черт не шутит! — победить его.

Накануне отъезда в Милан я, как большой знаток «Интера», дал интервью, и котором, думаю, выразил тайную надежду каждого своего товарища по команде. Я пообещал болельщикам выиграть на «Сан-Сиро».

Это был фантастический день в жизни каждого из нас. Все сложилось просто великолепно. Бывают дни, когда ты играешь здорово, но дела у команды не ладятся, она терпит поражение и ты не получаешь особого удовлетворения от собственной хорошей игры. Бывает и наоборот, когда ты выступил так себе, а команда победила: все радуются, а тебе мешает присоединиться в общему ликованию засевшее внутри подлое чувство недовольства самим собой.

Но в тот вечер все было прекрасно: я провел свой лучший матч за полтора года (после игры в Дортмунде за «Интер» против «Боруссии» в четвертьфинале весной 1994-го) и так же прекрасно сыграла вся команда. Ситуация обязывала нас идти вперед, поскольку нулевая ничья устраивала соперника, и мы практически весь матч провели активно, много атаковали, в конце концов заслужив сенсационную победу.

Правда, гол мы вновь забили весьма странный. Оставалось играть пять-шесть минут, «Интер» уже явно был настроен только на сохранение нулевого счета, и мы понимали, что нужно забыть обо всем и попытаться забить гол, презрев осторожность. Очередная наша атака была остановлена на фланге недозволенным приемом, и мы получили право на штрафной метрах в десяти от линии ворот и в трех от боковой линии. С такой позиции, конечно, никто не будет бить по воротам, здесь напрашивается сильная подача в штрафную. К мячу вновь подошел Карраско, наш мастер исполнения стандартных положений, и крученым ударом направил мяч в сторону ворот. Мы почти всей командой бросились на эту подачу, однако до мяча так никто и не добрался. Только Фонтолан, пытаясь отбить мяч, слегка чиркнул его ногой и изменил направление полета, чем окончательно дезориентировал вновь неудачно сыгравшего Пальюку. В итоге мяч прямо перед голкипером проскользнул в ближний угол ворот «Интера».

Миланцы, спохватившись, бросились спасать игру, однако им было слишком трудно перестроиться: к этому моменту они уже приучили себя к мысли о том, что должны только удерживать счет, и теперь им требовались огромные усилия, чтобы заставить себя от пассивной, разрушительной игры перейти к активным действиям. Для этого у них просто не осталось сил и времени. Наши же силы были удесятерены предчувствием победы, мы сумели не поддаться панике и продержались до финального свистка.

Что тут началось! Обезумев, мы носились по всему полю, обнимались, прыгали и орали, как малые дети. Кажется, никто из нас в полной мере не соображал, что делает. Я, например, чуть не нанес травму товарищу по команде, пробегавшему мимо меня. Желая разделить с ним радость победы, я схватил его за уши и резко притянул его голову к своей. Увы, точно рассчитать силы мне не удалось, и наши лбы с треском сошлись. Надо заметить, лоб у меня крепкий, но даже я почувствовал в тот момент, что несколько перестарался — черепушка от удара загудела. Товарищу же моему пришлось и того тяжелее, поскольку удар пришелся ему не столько в лоб, сколько в бровь. Думаю, он не упал в обморок только благодаря адреналину, бурлившему в крови после нашей исторической победы.

Это ведь и вправду была историческая победа: до тех пор ни одному швейцарскому клубу не удавалось выигрывать в еврокубках у итальянского, тем более у такого гранда, как «Интер». Каждый из нас в тот миг ощущал себя героем швейцарского народа, этаким новым Вильгельмом Теллем.

Обратный путь в Лугано превратился в сплошной торжество. Шампанское и пиво лились рекой, мы ни на секунду не умолкали, распевая всевозможные победные песни. Когда закончились все, сочиненные до нас, мы принялись за создание новых, и немало в этом преуспели.

Европейская кампания «Лугано» закончилась в следующем же круге — мы дважды (1:2 дома и 0:1 в гостях) проиграли пражской «Славии», которая впоследствии сотворила сенсацию, обыграв «Рому» и дойдя до полуфинала Кубка УЕФА, где уступила «Бордо». Для нас поражение от чешской команды не было позорным, тем более что никто уже не мог столкнуть нас с пьедестала, на который мы вознеслись благодаря победе на «Сан-Сиро».

Для меня эта победа была вдвойне приятна: я не только вернулся на свой родной стадион, но и покинул его в ореоле славы, напомнив итальянцам о себе и показав, что еще кое-чего стою. Мне оставалось только благодарить судьбу за то, что она

предоставила мне такой великолепный шанс и позволила использовать его на все сто процентов.

Моя «гастроль» на «Сан-Сиро» не прошла незамеченной: уже через четыре месяца после моего приезда в Швейцарию я получил приглашение вернуться в «кальчо».

В ПРОХЛАДНОМ И ТИХОМ УДИНЕ

Как-то раз мне позвонил Джованни Биа. С этим защитником мы ненадолго пересеклись в «Интере»: он пришел из «Наполи» в 1994-м, за несколько месяцев до того, как я отправился в «Дуйсбург». Тем не менее за этот короткий срок мы успели завязать товарищеские отношения, во многом благодаря тому, что на сборах жили в одной комнате, и теперь время от времени перезванивались. Вернувшись из Германии, я узнал, что Биа, отыграв в «Интере» сезон, затем в ходе затеянной Массимо Моратти перестройки был продан в «Удинезе».

Из Удине Джованни и позвонил мне в тот день. Спросив, как я поживаю, он поинтересовался, нет ли у меня желания вернуться в Италию. Оказалось, его нынешний клуб собирался пригласить меня.

Естественно, я был безмерно рад этому приглашению и вскоре встретился с представителями «Удинезе». Мы вновь оказались за столом переговоров с теми людьми, которые хотели видеть меня в своем клубе летом 1993-го. «Видишь, как складывается жизнь, — сказали они мне при встрече. — Рано или поздно все возвращается на круги своя».

Да, история повторилась, однако я уже находился совсем в ином положении. Если в 1993-м мне, игроку основного состава «Интера», перспектива оказаться в «Удинезе» казалась равносильной переходу во вторую лигу, то теперь, после бундеслиги и «Лугано», я был бы счастлив попасть в этот весьма скромный, по итальянским меркам, клуб.

При участии Бранкини переговоры прошли гладко и спокойно (собственно говоря, сам Бранкини в них не участвовал, а прислал одного из своих сотрудников, который прекрасно знал свое дело и без проблем обо всем договорился). И уже в ноябре я надел полосатую черно-белую майку своего нового клуба.

Кроме Биа, я встретил в Удине еще одного приятеля по «Интеру» — полузащитника Стефано Дезидери. С ним мы тоже пересеклись в Милане всего на несколько месяцев: он покинул «Интер» в ноябре 1992-го, вскоре после моего прихода, и играл в «Удинезе» уже три года, успев побывать с этой командой в Серии В, а затем вернуться в высший дивизион.

Ну, а самой яркой «звездой» в клубе был немецкий нападающий Оливер Бирхофф. Я помнил его давно: мы с ним одновременно приехали в Италию летом 1991-го и попали в команды, только что пробившиеся в Серию А. Меня купила «Фоджа», а его «Асколи». Правда, если моя команда совершила

героический рывок в верхнюю половину турнирной таблицы, то судьба «Асколи» сложилась совсем иначе: клуб Бирхоффа в том сезоне занял последнее место и вернулся во второй эшелон.

В Серии В Оливер геройствовал, был лучшим ее бомбардиром и в конце концов вернулся в элиту «кальчо»: его «Удинезе» пригласил для укрепления состава и решения главной своей задачи — сохранения места в группе сильнейших.

Забегая вперед, отмечу, что мы оправдали возложенные на нас ожидания: «Удинезе» в сезоне 1995/96 финишировал 11-м, вдалеке от зоны вылета. Я за неполный сезон сыграл 20 матчей, не забил, правда, ни одного гола, так как играл левого крайнего полузащитника, но этого вроде бы и не требовалось, поскольку Бирхофф был в полном порядке и отметился семнадцатью мячами. Один из них он забил как раз перед моим приездом «Ювентусу», обеспечив своей команде громкую победу над грозным соперником — 1:0.

Ну, а сегодня Оливер Бирхофф не нуждается ни в каких рекомендациях. Золотой гол в финале чемпионата Европы-96 сделал его знаменитым на весь мир, превратил в лидера сборной Германии (позже Оливер стал ее капитаном) и открыл путь в великий клуб. Вместе с тренером Альберто Дзаккерони Бирхофф перешел из «Удинезе» в «Милан», в составе которого весной 1999 года завоевал титул чемпиона Италии.

Для меня взлет Бирхоффа ни в коей мере не стал неожиданностью. Общаясь с ним на тренировках и вне поля, я понимал, что этот парень с типичной немецкой внешностью и типичным немецким характером должен непременно пробиться на самый верх. Исключительная серьезность, феноменальное трудолюбие и потрясающая целеустремленность выдавали в нем профессионала до мозга костей, а профессиональное отношение к делу очень часто оказывается важнее таланта. История, в том числе и футбольная, знает массу примеров того, как пропадали без пользы одаренные люди, губившие свой талант беспечностью и расхлябанностью. Серьезный же человек всегда может трудом восполнить то, что не было ему дано при рождении. Впрочем, я вовсе не хочу сказать, будто Бирхофф не талантлив. Просто мне кажется, что он из тех, кто создал себя сам, а не полагался на милости природы.

Для меня «Удинезе» — клуб из небольшого города в северной провинции Фриули, расположенного неподалеку от австрийской границы, — представлялся в тот момент вполне подходящим местом для начала новой карьеры в Италии. Это самая северная точка Италии, в которой мне приходилось жить, и порой во время зимы я не верил, что нахожусь в солнечной южной стране. В

Удине бывало очень холодно, часто шли затяжные дожди, а иногда даже выпадал снег. Помню, однажды утром мне на секунду померещилось, будто я вернулся на родину: за окном передо мной раскинулась белая пустыня, поглотившая все вокруг — и дома, и деревья, и горы, и даже небо.

Народ в Удине живет очень спокойный, футбол, конечно, любит, но на трибунах нашего прекрасного стадиона, практически полностью перестроенного к чемпионату мира-90, всегда находились свободные места.

Короче говоря, это было идеальное место для того, чтобы прийти в себя после разлуки с итальянской лигой и вновь обрести вкус «кальчо». Об этом мне говорил работавший в клубе Франко Каузио — в прошлом знаменитый полузащитник «Ювентуса» и сборной Италии 70-х.

В 32 года Каузио закончил выступления за туринский клуб, в составе которого шесть раз становился чемпионом Италии, выигрывал Кубок страны и Кубок УЕФА. Не желая расставаться с футболом, он отправился в «Удинезе» и отыграл там еще три года. Причем спокойная обстановка в клубе настолько благотворно на него подействовала, что он уже в преклонном по тогдашним футбольным понятиям возрасте продолжал показывать игру высокого класса и после полуторагодичного перерыва вернулся в сборную. В итоге к 57 матчам, проведенным за национальную команду в качестве игрока «Ювентуса», Каузио за время выступления в «Удинезе» добавил еще шесть, приняв к тому же участие и в чемпионате мира 1982 года в Испании, откуда итальянцы вернулись победителями. «Более того, — говорил мне Франко, рассказывая о прелестях спокойной жизни в северной провинции, — приехав сюда уставшим и физически, и морально, я считал, что «Удинезе» будет последним клубом в моей жизни. Но вскоре я отбросил мысль об окончании карьеры, отдохнул от напряжения больших городов и накопил достаточно сил, чтобы вернуться на самый верх. Еще год я отыграл в «Интере», а мне ведь тогда было уже 35. Так что, может, и ты сумеешь повторить мой путь. Но крайней мере, у тебя в запасе есть еще несколько лет».

Дружеская поддержка такого знаменитого футболиста была для меня очень важна. Конечно, я мечтал когда-нибудь вновь надеть футболку «Интера» или какого-то другого большого клуба, но для этого мне нужно было много работать, чтобы поверить в себя. Не только поверить, но и проверить: убедиться в первую очередь самому, а потом убедить и других в том, что я еще годен для «кальчо». Уверенность, которую я вновь обрел в Лугано, необходимо укрепить.

В этом плане действительно трудно было найти более подходящее место, чем Удине. Здесь и в помине нет того ажиотажа, часто переходящего в истерию, который окружает большие клубы или любые команды на юге. Нет постоянного давления со стороны прессы: кажется, на весь город здесь всего два футбольных обозревателя, которые делают свое дело, как и все остальные жители, спокойно и размеренно, не докучая постоянным вниманием и не действуя на нервы своей назойливостью. Не приходилось нам сгибаться под бременем чрезмерных амбиций руководства или болельщиков: главная задача «Удинезе» на сезон — сохранить место в Серии А, и, если вылет команде не грозит, никто не будет попусту давить вам на психику. Хотя в последние годы ситуация, думаю, несколько изменилась. Дзаккерони удалось поднять «Удинезе» на новый уровень — два года подряд он выводил команду в Кубок УЕФА. К хорошему привыкают быстро, так что теперь, наверное, в Удине мало кто думает о сохранении места в Серии А, и сегодня перед командой ставят совсем иные цели, чем несколько лет назад.

Но тогда мы не испытывали никакого психологического бремени и играли спокойно, можно даже сказать, в свое удовольствие, хотя, по большому счету, это, конечно, не так. Даже для того, чтобы просто попасть в число четырнадцати лучших и не расстаться с Серией А, нужно приложить немало усилий. Но с теми нагрузками, которые испытываешь в клубе, думающем только о чемпионстве, все это ни в какое сравнение не идет.

Я был бы полностью доволен своей жизнью в Удине, если бы ее не отягчало одно немаловажное обстоятельство. По мере продвижения к концу сезона я начинал испытывать все большие проблемы с физической формой. Сказывалось то, что я не прошел предсезонную подготовку. Те самостоятельные занятия, которые я летом вел с тренером «Интера» по физподготовке, лишь поддерживали тонус, но серьезной подготовкой к сезону их не назовешь. В «Лугано», куда я попал уже после начала чемпионата (к моменту моего приезда прошли четыре тура швейцарского первенства), я никаких проблем не испытывал, однако в Италии нагрузки совсем иные, и вскоре после приезда в Удине недостаток моей физической кондиции стал сказываться.

Так уж устроен мой организм, что предсезонная подготовка для меня очень важна. А для некоторых ребят она не является такой уж необходимостью. Скажем, мой друг Колыванов обладает фантастической способностью набирать форму за считанные дни. Играя вместе с ним в «Фодже» и «Болонье», я иной раз просто поражался: приедет он из отпуска весь какой-то отяжелевший, неповоротливый, кажется, две недели нужно ему безвылазно в

сауне сидеть, чтобы вес в норму вернуть. Но проходит три-четыре дня, и он уже в полном порядке.

По мере того как сезон подходил к концу, я все больше был недоволен собою. Похоже, тренеров и болельщиков моя форма не беспокоила, по крайней мере, претензий мне никто не высказывал (возможно, лишь потому, что претензии, как я уже говорил, не свойственны этой скромной команде), но сам я чувствовал, что каждый новый матч дается мне все с большим трудом. А когда наступил конец сезона, я, не скрою, испытал облегчение.

Но впереди был чемпионат Европы в Англии, и, немного отдохнув, я надеялся серьезно подготовиться к такому важному соревнованию и очень рассчитывал на удачное выступление сборной, которое помогло бы определить мою дальнейшую судьбу.

О ПОЛЬЗЕ ХОРОШИХ СОВЕТОВ

Итак, мой контракт с «Интером» истек, и я превратился в свободного агента. К тому времени профессиональный футбол серьезно изменился благодаря известному «делу Босмана». Жан-Марк Босман, скромный бельгийский футболист, бросил вызов системе, которая казалась ему несправедливой, и начал борьбу, продолжавшуюся несколько лет. Он считал, что действовавшие в профессиональном футболе законы ущемляют права игрока как свободной личности в цивилизованном обществе, и требовал ввести два существенных изменения.

Первое касалось ограничения числа иностранцев, которым разрешалось выступать за клубы. Такие ограничения действовали во всех развитых странах. Квоты были разными — где-то клубу разрешалось задействовать в матче только троих легионеров, где-то четверых, — но принцип был один: приток иностранцев в страну — будь то Испания или Италия, Германия или Франция — искусственно ограничивался. «Это несправедливо, — утверждал Босман, — и противоречит европейскому трудовому законодательству. Любой рабочий может беспрепятственно переезжать из страны в страну и работать там, где он хочет. При этом владельцу фабрики или завода, на который он желает устроиться, никто не указывает, скольких иностранцев можно принимать на работу. Актеры и музыканты тоже могут свободно работать в заграничных труппах и оркестрах. Почему же футболисты должны быть лишены этого права?»

Босман также боролся за ограничение прав клубов на футболистов. По действовавшим раньше законам клуб сохранял права на игрока по истечении контракта, что давало ему право требовать деньги за переход этого футболиста в другую команду. Босман видел в этом чудовищную несправедливость: «Если игрок полностью выполнил свой контракт, он должен получать полную свободу. Никто не имеет права задерживать его дольше, чем предусмотрено договором, и тем более требовать какую-либо компенсацию за его уход».

Эта борьба, которую Босман повел с огромной машиной европейского футбола, длилась несколько лет и завершилась его победой в зале Европейского суда в Люксембурге. Решение этого суда обязало футбольные власти привести свои законы в соответствии с законами, действовавшими на территории Европейского Союза, и отменить все положения, ущемляющие права футболистов как свободных граждан ЕС.

За годы борьбы Босман лишился многого: поставил крест на футбольной карьере, истратил все свои сбережения, остался без жены, которая ушла от него, не выдержав напряжения его жизни. Но за все свои страдания он заслужил благодарность всех профессиональных футболистов, чьи права так активно и самоотверженно защищал.

К сожалению, на меня, как и на других игроков из стран, не входящих в ЕС, новые законы распространялись лишь частично. Так, в итальянской лиге сохранилась квота на иностранцев из-за пределов ЕС. То есть любой клуб мог выпускать на поле сколько угодно немцев, французов, англичан, голландцев и прочих европейцев, но только троих игроков из Восточной Европы или с других континентов. Так что конкурентов в Серии А у меня стало значительно меньше, но все же их осталось немало.

Зато именно благодаря Босману я весной 1996 года стал свободным агентом и мог решать свою судьбу без участия «Интера». И твердо был намерен сделать это.

Мне позвонил Зденек Земан, в то время тренировавший «Лацио». Он ушел в римский клуб в 1994 году и в первом же сезоне добился впечатляющего успеха. Дино Дзофф, перешедший с тренерского поста на должность президента, оставил Земану команду, постепенно превратившуюся из середнячка в одного из лидеров. В последний год работы Дзоффа «Лацио» занял четвертое место в чемпионате — лучшее за 20 лет — и только по разности мячей уступил место в тройке «Сампдории». Так что перед Земаном стояла непростая задача: результат его работы должен был соответствовать разбуженным амбициям столичного клуба. Новый тренер принял вызов и сумел добиться еще большего прогресса, подняв «Лацио» на вторую строчку в таблице. В следующем сезоне римляне вновь попали в призеры, став третьими, так что теперь и руководство, и болельщики начали всерьез задумываться о чемпионстве — триумфе, которого «Лацио» добился лишь однажды в своей истории, в 1974 году.

И вот в такую команду меня приглашал мой бывший тренер. «Тебе только 27, — сказал он мне в телефонном разговоре, — так что ты вполне способен отыграть еще как минимум года три на высоком уровне. Я бы хотел видеть тебя в своей команде. Что ты думаешь на этот счет?»

Что я мог ответить? Конечно, я был бы счастлив оказаться в таком клубе, как «Лацио». Ведь именно об этом я мечтал в прохладном и тихом Удине, беседуя о жизни с Франко Каузио. Неужели его слова окажутся пророческими и я вернусь на самый верх? Пусть это не «Интер», пусть у «Лацио» не такая богатая история, однако в последние годы римский клуб вплотную

приблизился к вершине итальянского чемпионата.

Зденек Земан давал мне, возможно, последний шанс в моей жизни. Разве я мог отказаться? Как нельзя кстати пришлось и то, что мой контракт с «Интером» истек и, значит, я бы достался «Лацио» бесплатно а это очень важный аргумент в разговоре тренера с владельцем клуба, которого он должен убедить пригласить того или иного игрока.

После звонка Земана я воспрянул духом. Хотя ничто еще не было решено окончательно — последнее слово всегда остается за тем, кто платит, — однако мыслями я уже был в «Лацио». Я радовался тому, что вновь буду работать с Земаном: его тяжелые тренировки нравились далеко не всем, но для меня как раз чем выше нагрузки, тем лучше. Я уже говорил, что только упорная работа позволяет мне набирать и поддерживать хорошую физическую форму.

«Лацио» уехал в турне по Китаю, а я остался ждать его возвращения и решения своей судьбы. Однако жизнь на этом не замерла.

Во-первых, «Удинезе» предложил мне новый контракт. Я отказался не задумываясь, поскольку помнил о своем обещании Земану. Заключи я сейчас контракт с кем-либо, и «Лацио» придется платить за мой переход, а это резко осложнило бы переговоры и понизило мои шансы.

Об интересе «Лацио» прослышал и «Интер». Представители моего бывшего клуба предложили мне новый контракт на два года, но не для того, чтобы я вновь надел черно-синюю футболку, а для того, чтобы договориться о моем переходе в тот же «Лацио» (с выгодой для себя, разумеется). Узнав об этом предложении. Бранкини настоятельно посоветовал мне согласиться.

— Это хороший вариант, — сказал мне прокуратор. — «Интер» не захочет терять свои деньги и непременно найдет тебе команду: не «Лацио» — так какую-нибудь другую, но тоже приличную. А нам вообще не придется ни о чем беспокоиться.

— Но это значит, что он будет требовать с «Лацио» деньги, — возразил я, — а я ведь обещал Земану, что достанусь команде бесплатно.

— Пойми, Земан не все может решить, — резонно заметил Бранкини. — Последнее слово останется за руководством, а кто знает, о чем оно думает? Если «Лацио» захочет тебя, то сможет и заплатить за твой переход. Зато на тот случай, если Земану откажут, у тебя в руках будет хороший контракт. И твой переход будет уже не нашей головной болью.

Вот так мудро и взвешенно рассуждал мой прокуратор. Впоследствии я убедился, что он был прав и что я совершил

ошибку, когда не послушал его совета. Это, кстати, еще одна характерная деталь в отношениях футболиста и прокуратора: все решения игрок всегда принимает сам. Ему можно советовать, его можно уговаривать, однако заставить его поступить против своей воли невозможно. И Бранкини, к чьему совету я, увы, не прислушался, оставаясь только ждать моего решения и действовать сообразно с ним.

К несчастью, моей мечте о переходе в «Лацио» не суждено было сбыться. Тем летом римский клуб продал двух ярких футболистов — югославского полузащитника Владимира Юговича и хорватского форварда Алена Бокшича, при этом не купив взамен никаких «звезд». Это ненормальная ситуация для команды такого уровня. Клуб, который рассчитывает на успех, на повышенный интерес болельщиков и, как следствие, на материальную прибыль, должен создавать ажиотаж вокруг себя, а лучше всего это достигается за счет покупки игроков с яркими именами. Едва ты заключаешь контракт со «звездой», как начинает резко расти количество проданных абонементов на сезон, в сувенирных магазинах открывается охота на футболки с именем новобранца на спине и открытки с его портретами, на тебя по-новому смотрят спонсоры и рекламодатели. Это непреложный закон бизнеса, и то, что он прекрасно работает, подтверждается стремительно растущими ценами на игроков на трансферном рынке. Никто никогда не заплатит 40-50 миллионов долларов за футболиста, если не будет уверен, что вложенные деньги вернутся.

Когда-то я был именно такой «звездой», на которую сделал ставку «Интер». Тогда, в 1992-м, я прибыл в команду в ореоле славы лучшего иностранца Серии А, открытки с моими фотографиями пользовались повышенным спросом у коллекционеров автографов, разные сувениры, на которых стояло мое имя, были самым ходовым товаром в миланских магазинах футбольной атрибутики (в те времена у игроков еще не было постоянных номеров на сезон, а потому не было и сувенирных футболок с их именами на спинах — эту практику в Европе ввели чуть позже). Но с тех пор много воды утекло, и теперь с моей стороны было бы самонадеянно полагать, что мой приход в «Лацио» резко поднимет интерес к команде. Так что я вполне понимал владельца клуба Серджо Краньотти, который не спешил согласиться с предложением Земана.

Дело осложнялось тем, что в составе «Лацио» все легионеры были как раз из стран, не входящих в ЕС: аргентинец Хосе Антонио Шамот, австралиец Пол Окон, южноафриканец Марк Фиш. То есть приход еще одного игрока из этой категории привел

бы к перебору. В принципе, Краньотти против этого не возражал, однако решил все-таки подождать окончания чемпионата Европы, который вот-вот должен был начаться в Англии.

Увы, мне на пользу этот турнир не пошел. Наша сборная выбыла в первом же раунде, и никому из нас не удалось поднять свой престиж за счет выступлений на родине футбола. А вот о попавших в одну группу с нами чехах, напротив, заговорили все вокруг: начав турнир явными аутсайдерами, они дошли до финала, чем обеспечили себе отличные контракты. Почти весь состав той сенсационной команды мгновенно рассредоточился по Европе. К примеру, Радек Бейбл оказался в Испании, в мадридском «Атлетико», Владимир Шмицер отправился во Францию, в «Ланс», Карел Поборжски и Патрик Бергер вскоре после финала вернулись в Англию — первый в «Манчестер Юнайтед», а второй в «Ливерпуль». Не обошла вниманием новых «звезд» и Италия: один из вице-чемпионов Европы — Павел Недвед занял место в полузащите «Лацио». Как вы понимаете это место первоначально (по крайней мере, по мысли Земана) отводилось именно мне.

Таким образом, мои надежды на возвращение в элиту итальянского футбола лопнули, как мыльный пузырь. Я сидел в Москве, не имея ни какого-либо контракта, ни малейшего представления о том, что день грядущий мне готовит.

В этот момент я горько пожалел о том, что не послушался совета Бранкини и не принял предложение «Интера».

ДВА ИГОРЯ СНОВА ВМЕСТЕ

Второй год подряд мне пришлось обходиться без полноценной предсезонной подготовки. Чтобы хоть как то поддерживать форму во время пребывания в Москве, я договорился с руководством «Динамо» и тренировался у Алексея Петрушина в динамовском дубле. Кстати, я был не единственным, кто прибег к помощи столичного клуба: Сергей Юран и Василий Кульков в тот момент тоже не имели контрактов. И вот мы, тройка, так сказать, безработных легионеров, воспользовались гостеприимством «Динамо» и, как могли, поддерживали тонус, пока наши агенты подыскивали нам клубы. Я связался с тренером по физподготовке, с которым некогда работал в «Интере», и он по моей просьбе прислал нам свои разработки тренировочной программы. По его записям, как по самоучителю, мы готовились к новому сезону, который встречали в полной неизвестности.

Постепенно Юрану и Кулькову подыскали подходящие варианты, и они покинули Москву. Вскоре засобирался в путь и я: Бранкини договорился с «Болоньей» о том, что я могу тренироваться с этим клубом. Там мне вновь предстояло встретиться с Игорем Колывановым, который после четырех с половиной лет наконец покинул «Фоджу», игравшую тогда в Серии В, и вернулся в высший дивизион. Я с радостью предвкушал очередную встречу с другом, которая, однако, омрачалась мыслью о том, что мое будущее по-прежнему представлялось неопределенным.

К счастью, неопределенность продолжалась недолго. Во время одной из первых тренировок в «Болонье» я принял участие в двусторонней игре и, выступая, естественно, за второй состав, сыграл так здорово, что тренер Ренцо Уливьери сразу же решил заполучить меня. Прошло всего две недели после моего приезда из Москвы, как я уже подписал годовой контракт с «Болоньей».

Тем временем чемпионат 1996/97 уже стартовал. Меня даже не успели заявить к его началу, так что я получил право играть только с четвертого тура. Тренироваться мне вновь пришлось по отдельному плану, специально разработанному Уливьери. Эти усиленные занятия, конечно, не могли заменить полноценной подготовки, которую остальные игроки прошли в ходе предсезонных сборов, но все же позволили мне постепенно набрать неплохую форму.

«Болонья» уверенно начала чемпионат, одержав на старте две победы: дома над «Лацио» — 1:0 и в гостях над «Вероной» — 2:0.

Третий тур несколько охладил пыл болельщиков: команда уступила на своем поле «Милану» — 1:2, однако такое поражение от столь сильного соперника никак не назовешь позорным. Так что настроение наше по-прежнему оставалось боевым и мы не теряли веры в себя.

11оначалу я выходил только на замену, что было вполне понятно. В тогдашнем моем состоянии я никоим образом не мог претендовать на место в стартовом составе. Мне оставалось лишь упорно работать, чтобы со временем из разряда запасных попасть в число основных игроков клуба, и я твердо был намерен добиться этого.

Ну, а в матче четвертого тура я появился на поле за 25 минут до конца. Мы играли в Удине против только что покинутой мною команды. Дела наши складывались не самым удачным образом, и на перерыв мы ушли, проигрывая 0:2. Во втором тайме один мяч нам удалось отыграть: гол забил Джанкарло Марокки, полузащитник, в 31 год вернувшийся в родной клуб, чтобы завершить в нем свою карьеру. В свое время он начал играть за «Болонью», провел в ней пять сезонов (тогда команда выступала в Серии В и С1), а затем перешел в «Ювентус». В основном составе туринского суперклуба он отыграл семь лет, время от времени даже забивая голы, что никогда не было его прямой обязанностью. Вместе с «Ювентусом» за эти годы Марокки однажды выиграл чемпионат Италии и по два раза становился обладателем Кубка Италии и Кубка УЕФА. И лишь на восьмой год, когда в «Ювентусе» началась активная смена поколений, Джанкарло перестал выдерживать конкуренцию с молодежью и оказался на скамейке запасных. Что и заставило его вернуться в родную «Болонью», помнившую его и всегда гордившуюся им.

И вот при счете 1:2 я появился на хорошо знакомом мне стадионе Удине. А минут за десять до финального свистка наш рослый центрфорвард швед Кеннет Андерссон, практически не знающий поражений в борьбе за верховые мячи, в очередной раз выиграл у соперника воздушную дуэль и скинул мяч мне под удар. Я без раздумий хлестко пробил с лета. Удар получился таким сильным, что вратарь «Удинезе», мой недавний партнер Грациано Баттистини, не сумел намертво поймать мяч, и нападающий Карло Нерво успел добить его в сетку. Мы спасли игру, в которой, честно говоря, заслужили скорее разгромное поражение, нежели ничью. Преимущество «Удинезе» было очень велико, но… это футбол!

Я был вполне удовлетворен своим дебютом. Почему-то мне всегда удаются матчи против моих бывших клубов. Я уже рассказывал о том, как здорово сыграл за «Интер» против

«Фоджи». Тогда мне удалось забить два гола, а позже, уже играя против «Интера» за «Лугано», я не забил, но опять провел один из лучших своих матчей. На сей раз мне вновь не пришлось испытать радость голеадора, однако моя заслуга во втором голе была велика, так мог быть доволен двадцатью пятью минутами, проведенными на поле. А дальше вы увидите, что традиции доставлять неприятности своим бывшим командам я оставался верен всегда.

Домашний матч четвертого тура с «Сампдорией» я вновь начал на скамейке запасных. Однако на этот раз мне не пришлось долго ждать выхода на поле. Помогло несчастье: получил травму полузащитник Оскар Магони, так что я вступил в игру уже в середине первого тайма. Выходить пришлось спешно — я даже не успел размяться, поэтому до перерыва ничем особенным проявить себя не мог, постепенно разогреваясь и включаясь в игру.

А в самом начале второго тайма Давиде Фонтолан, с которым мы вместе играли в «Интере», вывел нашу команду вперед. Ход игры, однако, не позволял нам успокаиваться, поскольку соперник действовал весьма агрессивно. Поэтому мы понимали, что до победы еще далеко, и не думали о том, чтобы удерживать минимальное преимущество. Играя против «Сампдории», чьи цвета тогда защищали югослав Синиша Михайлович и аргентинец Хуан Себастьян Верон, французы Кристиан Карембе и Пьер Лэгль, а в атаке блистали опытный Роберто Манчини и юный Винченцо Монтелла, нельзя было расслабляться.

Но мы и не собирались этого делать. Напротив, наши атаки не ослабевали. В ходе одной из них Андерссон получил мяч на фланге, в борьбе с защитником убрал его под себя и подал в штрафную. Одному из оборонявшихся удалось первым добраться до мяча и головой отбить его по направлению к центру поля. Здесь как нельзя кстати оказался Марокки — в одно касание Джанкарло перевел мяч мне. Я находился метрах в тридцати пяти от ворот, но расстояние не показалось мне непреодолимым. Почему-то я сразу подумал, что моя позиция вполне подходит для удара. Первым касанием я принял мяч, вторым пробросил его чуть вперед, а третьим что есть силы пробил с левой. Почувствовав, что мяч свалился с ноги, я с волнением наблюдал за его полетом. По какой-то хитрой траектории он умудрился пролететь между двумя защитниками и, миновав вратаря, влетел в угол.

Давно не испытывал я таких эмоций. За «Дуйсбург» и «Удинезе» мне вообще забивать не доводилось, голы за «Лугано» не были слишком уж значимыми, а потому не вызывали особо бурной радости, так что последний по-настоящему важный мяч я,

пожалуй, забил в Дортмунде «Боруссии» в четвертьфинале Кубка УЕФА весной 1994-го. И вот вожделенное, необъяснимое чувство гола вернулось ко мне после перерыва длиною в два с половиной года. В голове наступило знакомое полное затмение, я заорал и понесся куда глаза глядят.

Этот безумный свой бег я потом наблюдал по телевидению. В передаче канала «Телепью» его показали несколько раз в обычном и замедленном темпе. Режиссерам, видимо, этот момент очень понравился. Действительно, выглядит динамично и эмоционально. Так же в 1982 году бежал выдающийся полузащитник итальянской сборной Марко Гарделли, забив гол в финале чемпионата мира, хотя, конечно, наши голы глупо сравнивать по значению.

Мой гол «Сампдории», кстати, оказался как нельзя более кстати. Вскоре генуэзцы отыграли один мяч, так что мой точный дальний удар в итоге стал победным.

Так я почувствовал, что по-настоящему вернулся в итальянский футбол. Вернулась радость — не только радость игры, но даже радость ее ожидания. Жизнь вновь расцветилась всеми яркими красками. Я чувствовал, что вскоре, окончательно набрав форму, покину скамейку запасных и попаду в число основных игроков.

Меня окружал отличный коллектив, сплоченный талантливым тренером. С Ренцо Уливьери «Болонья» совершила головокружительный скачок, за два года поднявшись из Серии С1 в Серию А. Народ ликовал, обстановка в команде была прекрасной.

Мои новые партнеры мне нравились. Многих из них я знал — разумеется, Колыванова, Фонтолана, вскоре пришел полузащитник Андреа Сено, вслед за мной проделавший путь из «Фоджи» в «Интер», а в середине сезона появился еще один мой знакомый но Милану — защитник Массимо Паганин. Когда вокруг столько известных тебе игроков, чувствуешь себя легко и уверенно. Но и с другими я сошелся очень быстро. У меня вообще никогда не возникало проблем при попадании в новый коллектив — к счастью, я легко нахожу общий язык с новыми знакомыми

Все складывалось прекрасно, и я чувствовал, что у меня есть все шансы восстановить репутацию, когда-то завоеванную в «Фодже». Иными словами, я мог снова заставить говорить о себе футбольную Италию. Но жизнь, увы, распорядилась иначе.

* * *

На протяжении большей части карьеры судьба хранила меня: единственную серьезную травму я получил в «Спартаке» в чемпионском сезоне 1989 года, когда сломал ногу и четыре месяца ходил на костылях. Тогда в чемпионате СССР я провел только 20 матчей, успев забить один-единственный гол.

С тех пор все шло нормально, травмы обходили меня стороной, но настал момент, и везение закончилось. Увы, это произошло как раз тогда, когда я был настроен на новый взлет.

Мои надежды не были беспочвенными: я постепенно набирал прежнюю форму, обретал былую уверенность и встретил 1997 год в полном расцвете физических и душевных сил. А 19 января мы отправились на последний матч первого круга в Милан — мне предстояло в очередной раз сыграть на «Сан-Сиро» против «Интера».

Сыграл я, впрочем, совсем не много. К ужасу миланских болельщиков, мы уже в первом тайме вышли вперед — вновь отличился Марокки, для которого в играх такого уровня не было ничего необычного. «Интер» яростно бросился отыгрываться, и Уливьери в стремлении сохранить счет с помощью замен начал укреплять оборону.

Эта тактика приносила свои плоды. Оставалось лишь несколько минут, а мы по-прежнему были впереди. Я уже не чаял выйти на поле: зачем тренеру выпускать игрока созидательного плана, когда остается продержаться совсем недолго? Но вновь вмешался случай — получил травму Марокки.

Уливьери дал мне команду готовиться к выходу и за то время, что я снимал тренировочный костюм и зашнуровывал бутсы, инструктировал меня. Его инструкции сводились к одному: «Надо биться изо всех сил. Осталось всего четыре минуты плюс то, что добавит судья. За это время ты должен бороться за каждый мяч. Мы не можем, не имеем права упустить эту победу».

И вот я подошел к бровке. За моей спиной послышались крики миланских тиффози. Уже не помню, что именно они кричали, но их слова показались мне не обидными, а, наоборот, теплыми. Я обернулся и улыбнулся трибуне. Некоторые болельщики ответили уважительными хлопками.

Я вышел не геройствовать, а в течение последних пяти минут вместе с командой удержать победный счет, поэтому то, что случилось в первые же мгновения после моего выхода, отчасти стало неожиданным и для меня самого. Наша команда владела мячом, и мы потихоньку пошли вперед — даже не атаковать, а всего лишь увести мяч подальше от собственных ворот.

Так мы глубоко продвинулись на половину поля соперника.

Первое касание мяча я сделал, получив пас метрах в десяти от штрафной. Ко мне стремительно приближался Паганин (это был один из его последних матчей перед переходом в «Болонью»), поэтому самым логичным в той ситуации было бы развернуться и уйти с мячом куда-нибудь в сторону, чтобы потянуть время. Я уже собрался было так и поступить, как вдруг в голове у меня что-то щелкнуло, и я принял решение идти на соперника лоб в лоб.

Прокинув мяч Паганину между ног, я проскользнул мимо. Мне повезло: мяч, ударившись в пятку защитника, отскочил прямо ко мне. Я уже вошел в штрафную, путь к воротам был свободен, но наперерез, страхуя партнера, мчался другой защитник «Интера» — Фабио Таланте.

Теперь остановить меня было не просто — сам того не желая, я поймал кураж. Сделав вид, что готов отдать пас в центр, я вынудил Таланте сделать лишний шаг в сторону, что позволило мне проскочить мимо него и оказаться в нескольких метрах от ворот, правда, под острым углом. Не дожидаясь приближения вратаря Пальюки, я левой ногой послал мяч в дальний угол. Послал, не глядя, а когда глянул, мяч уже закопался в сетке, как белый пушистый заяц, попавший в силок и после недолгой борьбы затихший, осознав бесплодность попыток освободиться.

В тот момент я не испытывал безумной радости, правильнее всего сказать, что я просто ничего не понял: ведь к этому моменту находился на поле считанные минуты, если не секунды. Только что, встав со скамейки, я был свеж и полон сил. Конечно, на протяжении всего матча я переживал за свою команду, но все же мои эмоциональный затраты не сравнить с теми, которые выпадают на долю игрока, находящегося на поле.

Эта радость приходит тогда, когда ты уже находишься на пределе, когда отдал борьбе все силы и нервы и каждый шаг дается тебе с огромным трудом. Когда, прорвавшись к воротам, ты понимаешь, что это, возможно, твой последний шанс, а на большее просто не хватит сил. Именно так чувствовали себя мои партнеры, без устали боровшиеся на протяжении всего матча.

Я же находился в совсем ином состоянии, а потому мое поведение резко диссонировало с поведением товарищей по команде. Неспешно я подбежал к угловому флажку и встал спиной к трибуне. Спустя какое-то мгновение на меня набросилась, кажется, вся наша команда: при виде несущейся на меня толпы я несколько оторопел, настолько необычной мне показалась радость партнеров. Значит, я и вправду не осознавал в полной мере того, что сделал. Вышло так, что сделал я это именно для них — они, изможденные, отдавшие все силы борьбе, получили возможность спокойно отыграть хотя бы последние

минуты.

Что ж, пусть я и не радовался, как обычно, своему голу, зато неподалеку находился человек, чье ликование с лихвой компенсировало мою сдержанность. Об этом я узнал через несколько часов после матча.

В одной из многочисленных передач итальянского телевидения, посвященных футболу, проводят такую игру со зрителями. Выбрав один из только что закончившихся матчей, сперва показывают какой-то игровой эпизод, а затем три фрагмента из жизни скамейки запасных (то есть наиболее яркие сцены с участием тренера) и предлагают зрителям в прямом эфире позвонить в студию и указать соответствующие друг другу кадры, иными словами, угадать, в каком именно случае тренер реагировал на данную игровую ситуацию.

Это довольно забавное зрелище, особенно когда его героями становятся такие эмоциональные тренеры, как, скажем, Джованни Трапаттони. Собственно, ради этого и затеяна игра — ради забавы, а вовсе не ради соревнования как такового. Как правило, дать верный ответ не составляет труда, а если зритель все же попадает в тупик, ведущие программы всеми способами направляют его на путь истинный. Так что, в конце концов болельщик обязательно выигрывает. В общем, все довольны, всем весело.

В тот день загадка относилась к матчу «Интер» — «Болонья». Сперва был показан мой гол, а затем — три сцены, в которых Ренцо Уливьери реагировал на события на поле. Звонивший, как обычно, сумел справиться с заданием и определил, в каком из эпизодов тренер радовался именно моему голу.

Да, доложу я вам, это было нечто фантастическое: такого безумного ликования я, кажется, вообще никогда не видел. Тем более что, когда различные па и пируэты выделывает молодой футболист — это одно, а когда на его месте оказывается солидный взрослый тренер — совсем другое. Выпучив глаза и раскрыв в диком вопле рот, Уливьери прыгал, размахивал руками и бросался на окружающих. На улице города такого человека мгновенно забрали бы в больницу с подозрением на психическое расстройство.

Позвонивший в студию болельщик решил свою задачу с первой попытки, ну а все телезрители получили огромное удовольствие от того, как радовался наш тренер.

* * *

Две недели спустя, 2 февраля, мы играли дома с «Вероной». Матч обещал быть легким, поскольку «Верона» выступала неудачно, а в первом круге мы победили ее без проблем на ее же поле. Так что мне представился хороший шанс преподнести себе подарок на день рождения, ибо 2 февраля 1997 года мне исполнилось 28 лет.

Мой гол «Вероне» не имел ни малейшего практического значения, поскольку в тот момент мы вели — не то 5:0, не то 5:1. Но все равно забить в тот день было приятно, особенно после такой красивой комбинации. Магони выполняет подачу со штрафного, я головой переправляю мяч Андерссону, тот также головой возвращает его мне, сбрасывая под удар, и я левой ногой с лета вколачиваю мяч в сетку.

Я вновь направился к угловому флажку. Первым ко мне подбежал Колыванов, обнял и сказал нарочито спокойно: «Поздравляю с днем рождения!» Отличный момент нашел, ничего не скажешь.

А потом нас ждал очередной визит на «Сан-Сиро», теперь на игру с «Миланом». Как всегда, я пребывал в особом возбуждении накануне выхода на стадион, в особой любви к которому я уже не раз признавался на этих страницах. Разве мог я предвидеть, что эта поездка окончится так плачевно, что день 9 февраля 1997 года станет черным днем в моей жизни?

Я вышел на ноле за 20 минут до конца при счете 1:0 в пользу «Милана». Вскоре шведский полузащитник Йеспер Блумквист забил нам второй гол.

Оставалось играть минут десять, когда мяч вновь оказался у шведа. Он неудачно обработал его и потерял — мяч отскочил в мою сторону, и я, не желая терять времени, задумал сразу же сделать передачу. Оценивая ситуацию и выбирая наилучший вариант паса, я переместил весь вес на левую ногу, чтобы правой, едва мяч попадет ко мне, переправить его партнеру.

Но Блумквист, видать, поймал кураж и не захотел терпеть поражение ни в одном эпизоде. Как бешеный, ринулся он на меня и прямой ногой прыгнул мне прямо в левую, опорную.

Страшно подумать, что могло бы случиться, придись удар чуть сбоку. Наверное, голень просто переломилась бы пополам. Но, к счастью, Блумквист летел по прямой, и моя нога, укрепленная щитком, лишь изогнулась, но выдержала этот страшный удар. Нет, конечно, не выдержала, но, слава Богу, хотя бы не сломалась.

Я рухнул, как подкошенный, и заорал от дикой боли. Встав, Блумквист наклонился надо мной и попытался извиниться, но я

резко оттолкнул его руку. Мне было не только больно, но и до слез обидно: я просто не мог понять, как же можно так поступить. Конечно, бывает, когда грубость продиктована отчаянным положением или остротой ситуации. От этого она не перестает быть грубостью, но поведение игрока в таком случае можно хотя бы объяснить особым нервным напряжением. Но это совсем иной случай! Твоя команда выигрывает за несколько минут до конца с перевесом в два мяча, нет никакой угрозы ни твоим воротам, ни результату матча. И в этой совершенно безобидной ситуации ты бросаешься на своего коллегу, рискуя сделать его инвалидом!

Я сразу понял, что дело серьезное. Идти я не мог, меня унесли в раздевалку, где доктор, внимательно все осмотрев, вынес вердикт: «Растяжение боковых связок колена. Потеряешь месяца три. Радуйся хотя бы, что без операции обойдешься». Да уж, было чему радоваться.

К чести своей, Блумквист сделал вторую попытку извиниться. Придя к дверям нашей раздевалки, он подождал, пока она опустеет и останусь только я в окружении медиков, которые надевали мне такую сложную конструкцию, которая намертво фиксировала ногу и не позволяла ей сгибаться. Швед вошел и со словами извинения протянул мне руку. Я к тому времени уже остыл, а потому пожал ее. Теперь уж ничего не поделаешь, что было — то было, и все же я по-прежнему не в силах понять и хоть отчасти оправдать его поступок.

* * *

Начались долгие дни восстановления. Меня определили в известный на весь мир реабилитационный центр, где лечились многие знаменитости — спортсмены, артисты и прочие «звезды». Из моих хорошо известных коллег-футболистов в последнее время там залечивали травмы Кристиан Вьери и Рональдо. В этом центре работал клубный доктор «Болоньи», и, по его словам, тамошние методики позволяют восстановиться в два раза быстрее, чем общеизвестные. Что ж, будем считать, что мне повезло.

Бесконечные упражнения, массаж, токи, лазеры — все это затянулось на три с половиной месяца. Я занимался по шесть-семь часов в день, причем занятия были столь однообразны и утомительны, что мне казалось, будто они длятся сутками напролет. Представьте себе, каково в течение часа сгибать и

разгибать колено, причем сгибать не полностью, а лишь на один-два сантиметра. И так несколько дней. Потом, когда врач сочтет, что достигнут прогресс, ты увеличиваешь усилие и сгибаешь ногу уже на три-четыре сантиметра. По-моему, любая, самая напряженная тренировка в сто раз легче таких монотонных занятий. Иногда мне казалось, что я просто сойду с ума, и только мысль о скорейшем возвращении на поле придавала мне сил.

Как это тяжело, когда каждый новый день похож на предыдущий: с раннего утра направляешься в медицинский центр и по заведенному порядку проходишь одни и те же бесконечные занятия и процедуры. Все это — под неусыпным наблюдением врача, который следит за каждым твоим шагом и контролирует твое состояние с первого до последнего дня. Иногда мне даже бывало неловко: «Зачем он тратит на меня столько времени, ведь я делаю элементарные упражнения, которые правильно выполнит даже младенец?» — думал я. Но нет, таков железный порядок: тебя ни на секунду не оставят без внимания. В конце концов, это и есть высочайшая профессиональная организация дела, о которой я так часто говорю в этой книге. Наверное, потому болонский центр и славится на весь мир, что в его стенах и удается поставить на ноги и вернуть к полноценной деятельности людей, получивших тяжелые травмы.

Прошло больше трех месяцев. Процесс выздоровления подходил к концу: я мог постепенно начинать тренировки в команде (конечно, по отдельному плану). Мое настроение резко улучшилось — теперь несколько минут, проведенных на зеленой травке в кругу партнеров, придавали мне достаточно сил для того, чтобы выдержать очередной многочасовой визит в медицинский центр. Да и лечебные процедуры перестали казаться такими утомительными, как в начале. В общем, я понемногу возвращался к полноценной жизни.

К счастью, в тот год не было чемпионата мира или Европы, поэтому итальянское первенство растянулось до середины июня, и я под конец сезона еще успел сыграть в нескольких официальных матчах.

Особенно важна для меня была последняя игра чемпионата — дома с «Интером». В глубине души я верил, что вновь смогу проявить себя в матче со своей бывшей командой.

Мне предстояло выступить в необычной роли. У «Болоньи» возникли проблемы с нападением: Андерссон был дисквалифицирован, Колыванов травмирован, а Уливьери не хотел менять привычную схему игры с тремя форвардами. Он придерживался такой системы всегда и не хотел отказываться от нее, поскольку в тот день нам нужна была только победа. Мы

отставали на два очка от «Удинезе», которому предстояла гостевая встреча с «Ромой». Если «Удинезе» играет вничью, а мы выигрываем, у нас появляется шанс побороться в переигровке за место в Кубке УЕФА.

И вот я должен был занять место в атаке рядом с Давиде Фонтоланом и Марко Скенарди, пришедшим в мое отсутствие из «Реджаны».

Шел проливной дождь, однако даже он не смог испортить мне настроение. Я снова был в строю, и не так уж важно, на привычном месте или нет. Главное, мне дается шанс доказать, что я в полном порядке. Кстати, с трибуны за этой игрой наблюдал мой друг Николай Писарев. Он приехал ко мне погостить на несколько дней из Германии, где только что отыграл за «Санкт-Паули». Его контракт с немецким клубом закончился, и вскоре ему предстояло вновь надеть майку «Спартака».

Друг… Для меня это короткое слово — одно из самых дорогих в нашем языке. За ним стоит человек, с которым всегда связаны добрые надежды и добрые воспоминания.

Это слово часто употребляют, не задумываясь о его подлинном значении. Наверное, каждый, кого спросят, что для него значат понятия «дружба» и «друг», не сразу сможет дать точное и полное объяснение. И это не случайно. Слишком много мы вкладываем в эти короткие слова, которые каждый объясняет по-своему. В течение жизни мы меняемся, меняются наши взгляды и мировоззрение, вместе с ними изменяется и наше понимание дружбы, по-другому осознаются ее ценности, формируются новые требования и к друзьям, и к самому себе, к своим дружеским обязанностям.

На сегодняшний день я для себя определил одно важное условие: друг — это не тот, кто всегда с тобой и всегда за тебя, а тот, кто всегда говорит тебе правду. Именно честность и прямота являются для меня главными критериями дружбы. И я не только жду такого отношения от друзей, но и свою первейшую обязанность вижу в том, чтобы быть до конца честным с ними, ведь к другим надо относиться так же, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе.

Конечно, никто не совершенен, и у каждого есть свои недостатки. Тому, кого ты называешь своим другом, можно прощать некоторые слабости. Однако есть два отрицательных человеческих качества, которые, по моему глубокому убеждению, препятствуют настоящей дружбе. Это жадность и зависть. Не может быть другом жадный человек, потому что он в любой момент может предать тебя ради собственной выгоды, и завистливый, потому что он никогда не будет искренне желать

тебе добра и успеха.

Очень немногих людей в этом мире я могу назвать своими настоящими друзьями. Образ жизни футболиста имеет свои особенности и предъявляет суровые требования в человеческих отношениях. С одной стороны, переезжая с места на место, из страны в страну, часто теряешь связь с близкими людьми на месяцы, а то и на годы. С другой — почти каждый день многие пытаются познакомиться с тобой и предлагают свою дружбу.

Конечно, судьба развела меня со многими, с кем я был близок раньше, и тут уж ничего не поделаешь. С некоторыми из тех, кого раньше называл друзьями, сегодня я уже не общаюсь вовсе. Некоторые, так сказать, перешли в другой разряд: я считаю их приятелями, товарищами, но не больше. И вместе с тем есть люди, с которыми даже после долгой разлуки наши отношения остаются теплыми и добрыми. Пусть по-разному складывается наша жизнь, у каждого свои проблемы и свои радости, а общих тем для разговора не так уж много. Но даже это не мешает нашему полнокровному непринужденному общению. Просто отпадают поверхностные, пустые разговоры, на которые уже жалко терять время. Зато остаются темы, живо волнующие нас уже многие годы, обретающие для нас новую глубину и определяющие нашу жизненную философию. Наша дружба растет вместе с нами, становится более зрелой, более интересной и захватывающей.

Итак, Николай Писарев сидел на трибуне во время матча «Болоньи» с «Интером» — последнего матча сезона. Не прошло и пяти минут, как я получил мяч в отличной позиции для удара, быстро принял и укротил его. Однако времени на раздумья не оставалось — я видел, как приближаются защитники. Вышел из ворот и Пальюка. Обычно в таких случаях я стараюсь ударить посильнее, но на этот раз меня осенило, и, замахнувшись, я вместо удара подсек мяч, направив его через голову вратаря. Пальюка высокий, перебросить его нелегко, но я об этом не думал. Просто сделал то, что подсказала мне интуиция.

С замиранием сердца следил я за полетом мяча, длившимся, как мне казалось, целую вечность. Словно в замедленном телеповторе мяч взлетел над вытянутыми руками голкипера и стал медленно опускаться за его спиной. В ворота или за них? Из-за Пальюки я не вижу, куда именно приземляется мяч, он выпал из поля зрения, но мой взгляд приковывают к себе крупные капли, столь же медленно срывающиеся с веревок сетки, натянутой за перекладиной. Почему сетка всколыхнулась? Ответ знают трибуны, взорвавшиеся радостным воплем. Гол!

В конце концов этот гол не принес нам никакой пользы. Мы

сыграли вничью — 2:2, но и это не имело значения, поскольку «Удинезе» удалось выиграть в Риме — 8:0. «Болонья» осталась без Кубка УЕФА, но мы не слишком переживали, ибо шансы наши изначально были невелики. Ну, а главная задача сезона, какая всегда стоит перед новичком Серии А, — сохранение места в ней — была выполнена блестяще.

Команда с оптимизмом смотрела в новый сезон, и я тоже был исполнен радужных надежд. Голом в ворота «Интера» я развеял все сомнения на свой счет. «Болонья» предложила мне контракт еще на год, а Уливьери, как и всегда, активно поддерживал меня. Провожая в отпуск, снабдил специальной программой для самостоятельной работы, поскольку мне требовались серьезные усилия, чтобы устранить недостатки физической формы. Сказались два года, проведенные без предсезонной подготовки, и травма, вырвавшая из жизни три с половиной месяца. Но я не боялся нагрузок — напротив, был готов работать столько, сколько нужно.

И со спокойной душой я отправился в отпуск.

ПРОЩАНИЕ С СЕРИЕЙ А

После недолгих каникул начался второй год моего пребывания в «Болонье» — год, которому предстояло стать для меня последним в высшем итальянском дивизионе.

Приехав на предсезонный сбор, мы узнали о возможном приходе Роберто Баджо. Предыдущие два года этот, бесспорно, самый яркий итальянский футболист последнего десятилетия и один из лучших игроков мира провел в «Милане». Первый сезон в составе «красно-черных» принес ему чемпионский титул, однако в целом его игра не удовлетворяла амбициозное руководство клуба. Наверное, ему так и не удалось восстановиться после тяжелой травмы, полученной в «Ювентусе» в сезоне 1994/95. Вернувшись на поле, он лишь периодически демонстрировал то уникальное мастерство, которое составило ему славу «суперзвезды» мирового уровня. Тем не менее, летом 1997-го 30-летний Баджо по-прежнему оставался одним из наиболее привлекательных игроков в Серии А, вызывавшим всеобщую любовь как утонченных футбольных эстетов, так и простых горячих тиффози. Поэтому, когда расстроился его переход в «Парму», президент «Болоньи» Джузеппе Гадзони сделал все от него зависящее, чтобы заполучить Баджо в «Болонью». Ренцо Уливьери поначалу не был особенно обрадован, поскольку появление Баджо в его команде означало, что тренеру придется многое перестроить, изменить сложившуюся систему игры, а это всегда нелегко, тем более в тех случаях, когда эта система вполне успешно работает. Но в конце концов, не желая спорить с президентом, Уливьери сказал, что ради такого игрока, как Баджо, готов на любые перестроения, и впоследствии подтвердил свои слова делом, действительно коренным образом изменив игру «Болоньи».

Для нас же, игроков, приход Роберто должен был стать радостным событием. В конце концов, не каждый день тебе предоставляется возможность оказаться в одной команде с таким выдающимся футболистом, у которого можно многому научиться, игра рядом с которым становится приятным воспоминанием в карьере. Появление мастера такого класса в команде и успешное выступление в прошлом сезоне сразу придает ей дополнительный вес, авторитет в глазах футбольного мира. Мы понимали, что теперь окружающие будут смотреть на нас другими глазами, а значит, и нам самим предстоит по-новому оценить себя, свои устремления и свои возможности. По крайней мере, было ясно,

что наша команда обязана думать о чем-то значительно более серьезном, нежели о выживании в Серии А.

Правда, что касается лично меня, то приход Баджо таил в себе определенную угрозу. Дело в том, что Ренцо Уливьери, несмотря на то, что любил активную игру с тремя нападающими, все же наибольшее значение придавал обороне. Только при строжайшей организации защитных порядков, по его убеждению, можно было думать об атаке. И для итальянского футбола это вполне естественный и реалистический подход. В других странах часто добиваются успеха команды, ставящие во главу угла атаку и ради нее пренебрегающие прочностью обороны. Так, к примеру, играла «Барселона» при Йохане Круиффе, у которого в составе никогда не было больше трех защитников (а в запасе подчас не было вообще), да и сейчас она частенько действует по принципу «забивай больше, чем твой соперник».

Но в Италии никто не может позволить себе такой подход к делу. Класс нападающих и уровень организации атаки большинства клубов столь высок, что за любую оплошность в обороне вам непременно придется расплачиваться. Я уже рассказывал о том, с какими проблемами сталкивались мы в «Фодже» при Зденеке Земане: играя мощно и результативно в нападении, мы далеко не всегда могли извлечь из этого реальную выгоду, поскольку слишком много пропускали.

Уливьери, как и другие тренеры, смотрящие на футбол более прагматично, чем Земан, старался в первую очередь не допустить просчетов у своих ворот. Поэтому на тренировках мы очень много внимания уделяли организации обороны. Приходилось моделировать самые различные ситуации. Наши защитники располагались в линию, а эта система требует детальной отработки. Во время двусторонних игр Уливьери очень часто останавливал нас, чтобы объяснить наши ошибки в каждом эпизоде: кто не туда сместился, кто ошибся в выборе позиции, кто не сделал того, что надо или, наоборот, сделал то, чего не следовало.

Вообще для нашего тренера не было решительно никаких мелочей. На тренировках мы отрабатывали абсолютно всё: не только штрафные и угловые удары, но и вбрасывание мяча из-за боковой линии.

Даже такую, казалось бы, спонтанную и хаотичную игру, как игра на отбой, мы тоже старательно планировали и репетировали. И эти репетиции не были бесплодными — наоборот, они позволяли нам быстро и ловко переходить от обороны к атаке. На тренировках Уливьери добился того, что каждый наш игрок заранее чувствовал, когда начнется та самая

игра на отбой, и четко знал свой маневр. Защитник еще только собирался нанести мощный удар подальше от своих ворот (со стороны могло показаться, что это удар наугад но на самом деле игроки обороны точно знали, куда следует и куда не следует отбивать мяч), а полузащитники и форварды уже готовились к контратаке.

Мы неплохо научились бороться с командами, которые использовали против нас прессинг. На этот случай мы отрабатывали длинные передачи за спину защитникам соперника в расчете на рывок одного из быстрых форвардов — Колыванова или Андерссона. Причем вперед в этот момент бросались не только нападающие. За ними выдвигались и полузащитники, так что даже если форварду не удавалось выиграть борьбу в воздухе и защитник отбивал мяч обратно к центру, там уже находились готовые подхватить его хавбеки.

Помню, однажды мы долго готовили аналогичный прием перед игрой с «Наполи». На тренировке много раз разыгрывали одну и ту же комбинацию: длинный пас из глубины поля на Андерссона, который головой скидывает мяч под удар Баджо. Именно так, тютелька в тютельку, был забит нами гол в том матче: Андерссон, предчувствуя момент передачи, ринулся в нужную точку и на долю секунды опередил своего опекуна Баджо тем временем обманул своего, показав ему, что будет уходить на фланг, а вместо этого рванулся вслед за Кеннетом. В результате никто не смог помешать ему принять скинутый шведом мяч и точно пробить. Мы выиграли — 2:1.

И вообще надо заметить, что благодаря тщательной работе на тренировках мы научились создавать опасные моменты у чужих ворот в каждой игре. Пусть соперник был сильнее и в итоге побеждал, однако мы все равно умудрялись за полтора часа организовать несколько отличных контратак. И, как правило, хоть одну из них реализовывали.

Но я забежал чуть вперед. А тогда, перед началом сезона, было ясно, что с приходом Баджо Уливьери должен будет еще большее внимание уделить обороне. Созидателей в команде хватало, и теперь ей требовались бойцы, которые будут выполнять за Баджо тяжелую работу. От него ведь нельзя требовать, чтобы он возвращался к своим воротам, играл в отборе, помогая защитникам. Его силы, которых тогда, увы, было уже не так много, требовали лучшего применения. Значит, отрабатывать за него должен был кто-то другой.

В общем, Баджо в некотором смысле перешел мне дорогу. Уливьери едва ли мог решиться на то, чтобы в помощь к трем нападающим, включая Баджо, ставить еще и в среднюю игроков

атакующего плана. Форвардам вполне хватало поддержки крайних хавбеков, а значит, центральные полузащитники должны были быть настроены прежде всего на оборонительную, разрушительную игру. Как известно, это не самая сильная моя сторона, следовательно, я имел наибольшие шансы оказаться в запасе.

Сезон начался. Впервые за три года пройдя курс полноценной подготовки, я чувствовал себя прекрасно, хотя поначалу все же переживал перепады физической формы. Но прошел месяц, я набрал полную силу и просто летал по полю, когда мне представлялся такой шанс.

Один из таких шансов появился в Бергамо, где мы провели матч на Кубок Италии с «Аталантой». Провели мы его в непривычном составе: Уливьери решил поменять обычную схему и поставил впереди нас всех, включая Баджо и меня. С точки зрения результата ничего хорошего не вышло. Матч мы провели неплохо, действовали активно, игрой своей я был удовлетворен, но мы проиграли.

Что делать, «Аталанта» в тот день была сильнее, а главное, удачливее у чужих ворот. Мы создали примерно одинаковое количество опасных моментов, но соперники реализовали из них три, а мы не использовали ни одного. Единственное, чего нам удалось добиться, это заработать пенальти, с которого я забил наш единственный гол. В итоге — 1:3. Добавлю, что в середине первого тайма мы остались в меньшинстве, а последние 15 минут вообще играли вдевятером — может, это послужит хоть каким-то оправданием.

В общем, я набрал оптимальную форму. Как и год назад, я чувствовал, что еще немного — и я покину скамейку запасных и попаду в основной состав. Но, как и год назад, надо мной посмеялась злодейка судьба.

Мы играли в Парме, и за 20 минут до конца я получил команду готовиться к выходу на поле. Дождавшись остановки в игре (соперники нарушили правила, и мы получили право на штрафной), Уливьери выпустил меня на замену. С центра поля я сразу же побежал к дальней штанге ворот «Пармы», куда, как мне казалось, и будет направлен мяч со штрафного.

Набрав ход, я успел как раз вовремя: еще мгновение, и мяч уйдет за линию ворот. В высоком прыжке я достаю его, переправляю к воротам, а сам вылетаю за пределы поля. Приземлившись, по инерции делаю шаг вперед и натыкаюсь на рекламный щит. Ударяюсь об него, отскакиваю назад и, потеряв равновесие, неудачно приземляюсь на колено. С момента моего выхода на поле прошло от силы секунд пятнадцать.

Я сразу почувствовал: что-то не так. Возвращаясь на свою половину поля, я пересекся с Блумквистом, который тогда играл за «Парму». Он вновь извинился за ту травму, которую нанес мне в прошлом сезоне, и мы в знак окончательного примирения хлопнули ладонью об ладонь.

Ох уж этот Блумквист, лучше бы мне держаться от него подальше! Хотя здесь он, конечно, ни в чем не виноват. Прошла еще минута, мне дали пас, я хотел побежать за мячом, но не смог. Вместо этого поковылял за бровку, где меня уже ждал доктор. Осмотрев ногу, он сказал, что порвана задняя крестообразная связка колена. В глазах у меня потемнело.

Вечером, сидя дома у телевизора с тем самым ненавистным устройством на ноге, от которого совсем недавно избавился, я вновь и вновь просматривал этот эпизод в обозрении тура. «Какого черта? — спрашивал я себя. — Зачем я понесся на этот мяч? Да пусть бы он трижды ушел в аут, разве нужно было так рисковать, еще не включившись в игру, не разогревшись?» Но все мы, увы, сильны задним умом. И я, к сожалению, должен признать, что эта ошибка была далеко не единственной в моей жизни. Чего я, кажется, и не скрывал от вас.

Но, с другой стороны, как можно было не пойти на мяч, если у меня оставался шанс достать его? Разве не так должен вести себя настоящий профессионал? Разве можно рассчитывать на успех в чем-либо, если будешь беречься и в стремлении не навредить себе преждевременно отказываться от борьбы? Нет, пожалуй, я не мог поступить иначе — для чего же тогда я вообще выходил на поле?

Поэтому вскоре у меня прошла злость на собственную неразумность. Осталось только какое-то странное, насмешливое чувство скептицизма, граничащего с фатализмом: мол, что уж тут поделаешь, судьба такая. Наверное, именно это чувство и заставляло меня впоследствии, когда я вновь вспоминал злосчастный эпизод, уже не переживать, а просто смеяться. Действительно, а что было делать?

И вот все сначала. Тот же реабилитационный центр, те же упражнения, массаж, токи, лазеры. На этот раз, пожалуй, мне было еще тяжелее, чем после первой травмы, ведь я заранее мог представить, что меня ждет, каким долгим и изнурительным будет обратный путь на зеленое поле.

Попутно меня еще и прооперировали по поводу мениска. И снова почти четыре месяца вырваны из жизни.

Когда я выздоровел, Баджо не играл из-за небольшой травмы, поэтому у меня появился шанс сразу же вернуться на поле и занять место крайнего нападающего, которое уже было мне

знакомо. Первый матч я провел против «Сампдории», а затем календарь приготовил нам встречу с «Удинезе». Как всегда, накануне встречи со своей бывшей командой я весь горел от нетерпения. Адреналин заставлял кровь кипеть в жилах, и я вышел на матч заряженным на борьбу.

Судья дал свисток, и мы начали игру с центра поля. Как водится, нападающие из центрального круга отбросили мяч назад, а оттуда последовала длинная передача к воротам соперника. Я бросился вперед, откликнувшись на эту передачу, однако к мячу первым успел защитник «Удинезе». Затем он отдал пас в центр своему партнеру, а я тем временем продолжал идти вперед. Увидев, что я приближаюсь, центральный защитник вдруг, вопреки всем законам, решил обыграть меня. Не вышло! Я не поддался на его финт и выбил мяч в направлении Андерссона, а сам, увидев, что швед готов к приему, побежал дальше вперед. Кеннет мгновенно уловил мое движение, тут же вернул мне мяч, и вот я перед воротами. Навстречу мчится голкипер, и, видя, что он уже собирается броситься мне в ноги, я мягко подсекаю мяч, который плавно перелетает через распластавшееся тело моего недавнего одноклубника. Вратарь уже ничего не сможет поделать. А потом он встанет, ссутулившись, пойдет в ворота и раздраженно запустит мяч ногой к центру поля.

Это был один из тех случаев, когда я не испытал бешеной радости после забитого гола. Игра только началась, и я, как и в матче с «Интером» в предыдущем сезоне, еще был полон сил и не включился по-настоящему в борьбу. Поэтому быстрый мой успех ошарашил не только соперников и зрителей, но и меня самого. Но все равно гол есть гол.

Вот так уже на первой минуте я вывел свою команду вперед. А в итоге мы выиграли — 2:0. Просто удивительно. как здорово я играю против своих бывших команд. «Фодже» забивал. «Интеру» забивал, теперь вот и «Удинезе» забил.

Наверное, это рука судьбы, и такое бывает, кстати, не только со мной. Вот, например, в «Спартаке» у нас некогда играл Гена Морозов. Честно скажу: не помню, чтобы он забил хоть один из наших голов. Но стоило ему перейти в «Динамо», как он тут же отличился в матче… со «Спартаком»!

Неделю спустя, к игре с «Лечче», Баджо уже залечил травму, но Уливьери предпочел выпустить на поле меня, оставив Роберто в запасе. Видимо, мой гол, да и вообще хорошая игра против «Удинезе» не позволили тренеру сразу же посадить меня на скамейку.

Правда, вытеснил я Баджо из состава совсем ненадолго. Он заменил меня минут за 15 до конца, отдал отличный пас

Фонтолану, тот забил, и мы сыграли вничью — 1:1. Все встало на свои места: Баджо вернулся в состав, я — на скамейку. И оставалось лишь гадать о том, как бы все повернулось, если бы я сумел забить в той игре. А возможности у меня были.

Несмотря на небольшую конкуренцию в тот период, с Баджо у меня были нормальные отношения. Из своего опыта я знал, что стоит тебе хоть на секунду позавидовать кому-то из партнеров или озлобиться на него — и ты можешь поставить на себе крест, ибо добиться успеха на футбольном поле можно только в том случае, если твои нервы в порядке, если ты спокоен и уравновешен Я знаю это точно, поскольку мне нередко приходилось страдать из-за взвинченных нервов.

Лишь однажды, будучи заведенным, накрученным до предела, я сумел извлечь из этого пользу. Случилось это в Фодже, куда я приехал с «Интером». Я рассказывал о том, как перед игрой нагнетали страсти журналисты, чьи происки вывели меня из себя. Так вот, то был единственный случай, когда нервозное состояние оказалось мне во благо. Но в другие дни нервы только портили всю игру. Особенно часто это случалось во второй год в «Интере», когда я утратил место в основном составе и каждый раз, выходя на поле, думал только о том, чтобы кому-то что-то доказать. От этих мыслей, повторю, один вред. Потому что на поле ты никому не должен ничего доказывать, ты должен просто играть в футбол, а для того, чтобы это получалось как можно лучше, ты должен быть спокоен.

Возвращаясь же к разговору о Баджо, повторю, что наши отношения всегда были уважительными. Да к такому человеку, по-моему, вообще нельзя относиться иначе: Роберто удивительно скромный, никогда не обнаруживающий даже малейшего намека на звездную болезнь, тихий и спокойный парень. Он не любит шума, суеты, старается держаться в стороне от всяких сборищ и торжеств. Даже на собственные чествования — а их в его жизни, слава богу, хватало — никогда не стремился ездить и по возможности отказывался, прикрываясь делами, проблемами или чем-нибудь еще.

В «Болонью» он пришел уже после того, как стал буддистом. Однажды он рассказал мне о своей вере и о том, как обратился в нее.

Как-то раз во время сборов я рано проснулся в день игры и, лежа в кровати, смотрел телевизор. Вскоре до меня донесся странный звук — протяжный и монотонный. «Наверное, кто-то смотрит другую программу», — подумал я. Однако этот звук оставался неизменным на протяжении долгого времени, и я был не на шутку заинтригован. «Что это за странную передачу они

там смотрят?» — задавшись этим вопросом, я планомерно прошелся по всем телеканалам, однако ни на одном из них ничего похожего не обнаружил.

Тут пришло время собираться на завтрак, я вышел из комнаты и обнаружил, что этот звук шел из-за соседней двери. В ресторане я спросил нашего массажиста:

— А кто живет рядом со мной?

— Баджо, — ответил он.

Любопытство побуждало меня к дальнейшему расследованию и после завтрака я подошел к Роберто:

— Слушай, что это за странные звуки у тебя сегодня раздавались?

— Какие звуки?

— Ну, вроде песню кто-то пел или что-то в этом роде.

— Ах, это! Это буддийская молитва. Если хочешь, зайди как-нибудь — расскажу.

При первом же удобном случае я откликнулся на его приглашение. И вот что он мне рассказал:

— Это буддисты научили меня медитации, и только она помогла мне вернуться в футбол после той страшной травмы, которую я получил в «Ювентусе». Ведь многие доктора тогда считали, что я больше никогда не смогу ударить по мячу. Сам понимаешь, в каком состоянии я тогда находился. Меня не покидали мысли о чуде, и это чудо явилось в образе одного знакомого буддиста, открывшего передо мной некоторые секреты. Он научил меня медитировать. То, что ты слышал тогда, — это всего лишь три китайских слова, которые я произношу нараспев. В первое время, когда мне было особенно тяжело, я занимался этим по пять часов в день, а то и больше. Теперь значительно меньше — примерно по часу. Это упражнение позволяет сконцентрировать энергию твоего тела и твоего духа. Я занялся этим от безысходности, подавленный своей травмой, но со временем поверил в силу буддийского учения, и вот результат. Как видишь, я играю.

Конечно, за время этого разговора Баджо не обратил меня в свою веру. Да он, наверное, и не ставил перед собой такую задачу. Но пользу от той беседы я все же ощутил. Не зная всех тонкостей буддийского учения, я тем не менее понял, что в ней главное: буддизм — это вера не в бога, а в человека, вера в его силу, физическую и духовную. А если это так, то буддизм действительно подходит для футболиста, который ничего не сможет добиться без веры в себя. Тем более если это такой футболист, как Баджо, — ему ведь на поле достается куда больше, чем многим другим.

Я часто вспоминал этот наш разговор. Жизнь профессионального спортсмена только на первый взгляд кажется безмерно сладкой. Да, мы занимаемся любимым делом, получая к тому же огромные деньги, но за это нам приходится расплачиваться. Не деньгами — нервами, здоровьем, свободой.

Я ни о чем не жалею. Я с детства мечтал играть в футбол и осуществил свою мечту, многого добившись и достигнув довольно высокого уровня. И у меня нет ни малейшего желания сгущать краски, описывая тяготы жизни профессионального футболиста, и я не хочу представить себя несчастным человеком, которому достались одни лишь безмерные страдания. Ни в коем случае! Я счастлив тем, что сделал выбор, который считаю правильным, и, будь у меня еще один шанс, выбрал бы этот путь вновь. И тем мальчишкам, которые сегодня бредят футболом и мечтают пойти по моим стопам, от всей души пожелаю успеха. В добрый путь, друзья, и пусть вам повезет больше, чем мне!

Но при этом пусть у вас не будет иллюзий. Вы должны четко представлять, чего вы хотите в жизни, в которую вступаете. Вы хотите играть в футбол? Прекрасно. Оглянитесь вокруг: в мире миллионы людей, до седых волос гоняющих мяч едва ли не каждый день. Приходя с работы или учебы и наскоро перекусив, они натягивают спортивную форму, меняют ботинки на кеды, кроссовки или бутсы и бегут на соседний двор, пустырь, хоккейную коробку или близлежащий стадиончик, где вливаются в ряды себе подобных энтузиастов.

Но вы хотите иного? О, я понимаю! Вам снятся переполненные трибуны огромных стадионов, блеск кубков и медалей, газетные полосы и телекамеры. Вы хотите играть не только для своего удовольствия, а для удовольствия миллионов болельщиков. И еще вы хотите зарабатывать много денег. Что ж, это похвальное стремление, но будьте готовы к тому, что ради этого вам многим придется пожертвовать. Вы забудете о своих желаниях и не сможете остаться дома, если идет дождь или снег, если болит голова или по телевидению показывают интересный фильм. Вам придется терпеть неудобства из-за капризов президентов или творческих поисков тренеров. Вас лишат роскоши частной жизни, преследуя по пятам и следя за каждым шагом. Вы познаете не только любовь, но и ненависть болельщиков и журналистов. И еще вас будут все время бить по ногам.

Короче говоря, бросаясь в океан профессионального футбола, подписывая свой первый контракт, вы совершаете поступок, во многом похожий на тот, что совершил доктор Фауст. Но пусть это вас не останавливает. Смелее вперед — футбольный мир замер в

ожидании вашего явления!

* * *

Ну, а мой последний сезон в Серии А прошел без особых потрясений. Доиграл я спокойно, хотя силы мои, подорванные травмой, часто подводили меня. А летом Ренцо Уливьери покинул «Болонью» и ушел в «Наполи», который болезненно переживал расставание с высшим дивизионом и мечтал о скорейшем возвращении. Уливьери решительно принял этот вызов и пригласил меня отправиться вместе с ним. Так я вновь оказался на горячем и страстном итальянском юге, недалеко от Фоджи, в которой семь лет назад начал свой путь легионера. Но теперь меня ждала Серия В. а это уже совсем другая история.

Много чего произошло со мной за последнее время, но, кажется, воспоминания еще слишком свежи, чтобы правильно и объективно оценить события недавних дней. Повременим, а там, быть может, вскоре придет пора садиться за новую книгу…